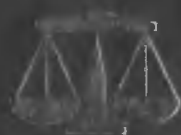

В.И. Гасановичев

И.В. Дуровичев

УРОЖАЙНОСТЬ
ХЛЕБОВ
В РОССИИ

1795 – 2007

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Studies

**GRAIN CROP PRODUCTIVITY
IN RUSSIA**

1795 – 2007

V.G. RASTYANNIKOV, I.V. DERYUGINA

IV RAN
Moscow
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**УРОЖАЙНОСТЬ ХЛЕБОВ
в РОССИИ**

1795 – 2007

Москва
ИВ РАН
2009

УДК [338.43:338.12:311.1:631.559:631.151:930.85] (470)
ББК 65.9(2P)32+65.051+65.012.2+63.3(2)
P24

Рецензенты
доктор экономических наук А.В. АКИМОВ
доктор экономических наук К.Ф. КЛЮЧНИКОВ

P24 Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. / Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: ИВ РАН, 2009. — 192 стр.
ISBN 978-5-89282-360-9

В книге исследуется долговременная, протяженностью более двухсот лет (1795–2007), динамика урожайности хлебов в России, при этом — на фоне сравнительных изменений урожайности сельскохозяйственных культур в ряде типологически различных стран мира (Россия, Япония, Индия, Пакистан, США, Казахстан, Узбекистан). Параллельно с анализом сплошных рядов страновых статистических данных в работе проведено исследование движения урожайности зерновых хлебов в России по методике теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева. Подробно освещаются также — на примере динамики аграрного сектора России 30-х – начала 50-х годов XX века — социально-экономические условия производства зерна при «раннем социализме». Работа содержит обширный статистический материал, почерпнутый главным образом из национальных источников. Книга предназначена для специалистов по экономике сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистике, широкого круга читателей, интересующихся вопросами экономической истории России, развития ее аграрного сектора.

УДК [338.43:338.12:311.1:631.559:631.151:930.85] (470)
ББК 65.9(2P)32+65.051+65.012.2+63.3(2)

ISBN 978-5-89282-360-9

© В.Г. Растянников, И.В. Дерюгина, 2009
© Институт востоковедения РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава I. ДИНАМИКА УРОЖАЙНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР. МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ. Обзор статистических данных по России, Японии, Индии, Пакистану, США, Казахстану, Узбекистану за последнюю треть XIX – начало XXI века.....	15
<i>Приложение-1.</i> Варианты официальных оценок урожайности хлебов в России, 1909–1923 годы.....	48
Глава II. ДВИЖЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ ХЛЕБОВ В РОССИИ. 1795–2007 годы. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПОВ	49
1. Исчисление урожайности.....	49
2. Исторические этапы изменения урожайности.....	70
<i>Приложение-2.</i> Россия: свод урожайных сведений по 20 губерниям, 1883–1915 годы.....	75
Глава III. ДВИЖЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ ХЛЕБОВ В РОССИИ. 1795–2007 годы (продолжение). «ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ» ИЗМЕНЕНИЙ (по Н.Д. Кондратьеву)	89
1. Методика исследования	90
2. Тренды долгосрочной динамики урожайности.....	92
3. Циклическая неравномерность динамики урожайности.....	111
<i>Приложение-3.1.</i> Россия/СССР/Россия: сведения об урожайности зерновых культур, 1795–2007 годы.....	124
<i>Приложение-3.2.</i> Россия/СССР/Россия: стоимость валовой сельскохозяйственной продукции, 1909–2006 годы..	126

Глава IV. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ЭПОХУ «РАННЕГО СОЦИАЛИЗМА». 30-е – начало 50-х годов XX века.....	130
1. Функциональные особенности коллективизированного крестьянского хозяйства.....	132
2. Содержательные (социальные) характеристики коллективизированного крестьянского хозяйства.....	151
<i>Приложение-4. Нормативное распределение урожая зерновых в коллективизированном крестьянском хозяйстве СССР, 1930–1937 годы.....</i>	<i>169</i>
Примечания	172

Перечень таблиц

<i>№№</i>	<i>Название</i>	<i>Стр.</i>
I-1	Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур по странам, 1866–2006 гг.....	16
II-1	Россия: распределение посевных площадей под четыремья основными хлебными культурами.....	56
II-2	Россия: весовое содержание четверти по четырем основным хлебным культурам, 1888–1913 гг.....	59
II-3	Россия: динамика некоторых технических параметров зернового производства, 1795 – 1915 гг.....	60
II-4	Россия: густота высева четырех основных хлебных культур, 1797–1913 гг.....	62
II-5	Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменений некоторых технических параметров зернового производства и использовавшихся в нем мер, 1795–1915 гг.....	63
II-6	Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменения урожайности зерновых культур, 1795–1915 гг.....	65

II-7	Россия: урожайность зерновых хлебов в 1795–1915 гг.	67
II-8	Реальные и расчетные значения урожайности и их различия, 1896–1915 гг.....	69
II-9	Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменения урожайности зерновых хлебов, выраженной в ц/га, по периодам, 1795–2007 гг.....	71
II-10	Россия: сведения об урожайности зерновых культур, 1896 – 2007 гг.....	72
III-1	Тренды динамики урожайности зерновых в России по периодам, 1795–2007 гг.....	96
III-2	Изменение товарности зернового хозяйства России, 1840–1913 гг.....	105
III-3	Факторы интенсификации зернового хозяйства России, 1950–1995 гг.....	108
III-4	Распределение производства зерна по типам хозяйств в аграрном секторе России, 2000–2007 гг.....	110
III-5	Экстремумы больших циклов урожайности хлебов в России.....	112
III-6	Россия/СССР: производство и вывоз зерна за рубеж, 1896–1930 гг.....	116
IV-1	Аграрный сектор в СССР: зависимость между движением поставок колхозного продукта государству и движением фонда оплаты труда в колхозах, 1937–1947 гг.....	135
IV-2	Удельный вес колхозов СССР, выполнивших планы заготовок зерна, 40-е годы XX в.....	137
IV-3	Семья колхозника СССР: доход от личного подсобного хозяйства <i>versus</i> доход от общественного хозяйства колхоза, 1940–1950 гг.....	150

GRAIN CROP PRODUCTIVITY IN RUSSIA: 1795 – 2007

By V.G. Rastyannikov, I.V. Deryugina

The authors adhere a manifold approach to studying the dynamics of grain crop productivity in Russia. The study covers a historical period of time of more than two centuries (1795 to 2007), for which the unbroken series of statistical data are used. Moreover, comparable series for typologically different countries (Japan, India, Pakistan, USA, Kazakhstan, Uzbekistan, besides Russia) are applied to serve a background for the estimation of historical trends in grain crop productivity changes in Russia. Kondratiev «long waves» theory is apt to unveil the cyclical fluctuations in grain crop productivity for a long time in retrospect. Socio-economic conditions of grain production is interpreted at length for the period of «early socialism», the 30s to early 50s years of the XX century. The statistical information, quoted extensively in the present study, is, as a rule, of the national origin. The book may be earmarked for a wide range of readers who are interested to gain knowledge of the Russia economic history, especially that of her agricultural growth.

CONTENTS

- Preface**
- Chapter I. THE DYNAMICS OF CROP PRODUCTIVITY. INTER-COUNTRY COMPARISON.** A survey of statistical data for Russia, Japan, India, Pakistan, USA, Kazakhstan, Uzbekistan covering the period of the late trimester of the XIXth century to the beginning of the XXIst century
- Appendix-1.* Discrepancies in official estimates of grain crop productivity in Russia. 1909–1923.
- Chapter II. THE LONG-TERM CHANGES IN GRAIN CROP PRODUCTIVITY IN RUSSIA. 1795 to 2007. CONCEPTUALIZATION OF HISTORICAL PHASES**
1. Estimation of grain crop productivity
 2. Historical phases (periods) of changes in grain crop productivity
- Appendix-2.* Statistical series of grain crop productivity for twenty Russian provinces. 1883 to 1915
- Chapter III. THE LONG-TERM CHANGES IN GRAIN CROP PRODUCTIVITY IN RUSSIA. 1795 to 2007 (continued). CYCLICAL FLUCTUATIONS (by Kondratiev theory)**
1. Methodology of research
 2. The long-term trends in grain crop productivity
 3. The cyclical fluctuations in grain crop productivity
- Appendix-3.1.* Statistical series of grain crop productivity in Russian agriculture. 1795 to 2007
- Appendix-3.2.* Value of gross agricultural produce in Russia. 1909 to 2006
- Chapter IV. THE PEASANT ECONOMY IN RUSSIA DURING THE EPOCH OF «EARLY SOCIALISM»**
1. The functional features of the collectivized peasant economy
 2. The social characteristics of the collectivized peasant economy
- Appendix-4.* The normative distribution of grain harvest in collectivized peasant economy. 1930 to 1937

References

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одно из удивительных явлений аграрной действительности — урожайность сельскохозяйственных культур. Как объект познания феномен урожайности в ее длительной (в книге — протяженностью более чем два века) динамике — кладезь исторической информации. В движении урожайности отложился опыт хозяйственной деятельности, накопленный многими поколениями сельских тружеников, в ней оставили свой «след» значимые (и знаковые) события избранной для изучения исторической эпохи (эпох) — взлеты и провалы экономического роста, прорывы технологического прогресса, многообразные нюансы политической жизни своего времени, последствия мировых и национальных катастроф и др. (Так, именно сведения о двухвековом движении урожайности сельскохозяйственных культур, исследованном в «привязке» к событиям «своего» времени, оказалось возможным использовать в качестве «несущей конструкции» при математических исчислениях «больших (кондратьевских¹) циклов» в аграрном секторе России за XIX – начало XXI веков¹.)

Отметим некоторые особенности организации информационной базы исследования.

Российский феномен долговременных изменений урожайности мы показываем на фоне аналогичных процессов в группе других, типологически различных («контрастных»), стран (Японии, Индии, США, Узбекистане, Казахстане, Пакистане); используется различный по качеству (адекватность данных, степень охвата экономического пространства статистическими наблюдениями, их разработка, методы измерения, степень влияния политического фактора, как правило, искажающего представление об этих наблюдениях, и т.д.) статистический материал, почерпнутый главным образом из *национальных источников*².

Данные по урожайности приводятся в виде *сплошных (непрерывных)* статистических рядов в исторически длительной ретроспективе³. В частности, по России такие ряды охватывают более чем двухвековой период (1795–2007), по другим рассматриваемым странам — периоды от 100 до 140 лет (их начальные рубежи относятся ко времени, когда национальные статистические службы стали проводить систематические наблюдения за урожайностью). Все данные по урожайности представлены в *единой* — метрической — *системе мер*.

В итоге оказалось возможным составить по России информативный, как мы считаем, статистический «портрет» изменений в движении урожайности на *протяженном* (двести двенадцать лет) *отрезке исторического времени* и вместе с тем создать статистическую основу для наглядных, количественно соизмеримых, сравнений урожайности в *различных странах*, включая Россию, *за один и тот же период исторического времени*.

Анализ движения урожайности зерновых мы ведем в двух ракурсах: во-первых, в ракурсе *реальных ее изменений* в потоке исторического времени, при этом особое внимание авторы обращают на выявление периодов, соответствующих различным качественным состояниям процесса таких изменений (этим вопросам посвящены две первые главы книги); и, во-вторых, в ракурсе *циклически-волновой динамики данного процесса*, когда на передний план анализа (он проведен на примере эволюции урожайности хлебов в России) выступает *неравномерность* хода этого процесса в рамках определенного («циклического») исторического времени (об этом см. третью главу книги). (Здесь мы стремились адекватно использовать методику, разработанную Н.Д. Кондратьевым для целей исследования «больших циклов конъюнктуры», дополнив ее методикой, диктуемой особенностями природы рассматриваемого сельскохозяйственного объекта, в данном случае урожайности сельскохозяйственных культур.) То есть авторы по завершении первой ступени анализа как бы вновь возвращаются к уже исследованным проблемам исторического движения урожайности, но уже в иной плоскости их видения. Насколько эффективным оказался такой «двойкий» подход в оценке тенденций в движении урожайности, судить читателям.

Наконец, авторы стремились показать — на примере динамики крестьянского хозяйства России 30-х — начала 50-х годов XX века, периода самых тяжелых испытаний, пережитых нашей страной, — при каких социально-экономических отношениях (формирующихся, помимо прочего, под воздействием властной системы внеэкономического принуждения) осуществлялось производство зерна, какие особые (социальные) характеристики были «вмонтированы» в движение его урожайности. (Исследованию этой актуальной темы посвящена Глава IV.)

* * *

Что касается нынешнего времени, движение урожайности зерновых культур, конечно, логично рассматривать, прежде всего, в контексте состояния продовольственной безопасности, органической частью которой являются перипетии изменений в урожайности.

Пламенеющим очагом угрозы мирового развития эта проблема оказалась на старте III-го тысячелетия. В самом деле, почему в современном мире (и во многом рефлекторно — в России) буквально за несколько лет нынешнего века, фактически внезапно, если судить по временным меркам исторического процесса, произошла столь резкая *актуализация* вопросов продовольственной безопасности, вызвавшая, помимо прочего, обильный поток информационных материалов (специальные обследования и публикации, обсуждения на политических и научных форумах⁴ и т.п.) во всем мире?

Сразу же оговорим: современное *обострение* продовольственной проблемы в мире в таких масштабах, в каких оно произошло к концу первого десятилетия XXI века, вызвано не столько физической нехваткой продовольственных ресурсов (хотя, конечно, она имеет место, причем в ряде стран, например, африканского континента, с усиливающейся тенденцией роста), сколько *«ураганной»* *повышательной динамикой мировых продовольственных цен*, принявшей *устойчивый* (в противоположность — колебательному, как при случающихся годовых неурожаях) характер. И это обстоятельство весьма болезненно затрагивает *большие массы* людей в странах, национальные рынки которых интегрированы в мировой рынок и испытывают сильнейшее влияние его ценовой динамики. И в этом — самое яркое проявление современного продовольственного кризиса.

Конечно, в повышении мировых цен на продовольствие в современный период играет роль целый комплекс причин. Об одной из них, самой «молодой», рожденной специфическими обстоятельствами мирового развития к началу XXI века, скажем сейчас.

В начале XXI в. мировое сообщество стран столкнулось с необычным явлением — быстро усиливающимся изменением ролевых *функций* многих видов сельскохозяйственного сырья, в частности зерновых культур, в национальном потреблении во все большем числе экономик мира. Вследствие огромного роста цен на энергоносители (нефть и газ) на мировом рынке сельскохозяйственное сырье, в частности зерновые культуры, обеспечивающие наибольшую массу продукта в сфере продовольственного потребления (фураж, непосредственное питание людей и др.), стало *конкурентоспособным* как сырьевая основа производства энергии — по отношению к минеральным энергоносителям. Именно это обстоятельство уже вызвало, хотя пока сравнительно незначительное⁵ (но в перспективе — с оглушающей своей мощью тенденцией роста), отвлечение продовольственного сырья от традиционного вида его использования — в качестве основы производства продуктов питания⁶.

Другими словами, издержки производства биотоплива (и соответственно цены на него) стали сопоставимы с издержками производства различных видов промышленного продукта, сырьевой базой которого являются минеральные энергоносители, попавшие в капкан непомерно увеличившейся монополярной ренты (и к тому же ставшие вождленным объектом спекулятивных операций). Между тем возросшие цены на минеральные энергоносители активно влияют и на производство сельскохозяйственного сырья — ведь они являются органической частью многих составляющих издержек его производства (например, потребляемые энергетические ресурсы, минеральные удобрения, пестициды и др.).

Именно цены на нефть на мировом рынке выступили в качестве провоцирующего фактора, вызывавшего столь значительный рост цен на продовольствие во многих странах мира, России в частности. При малом пока потреблении биотоплива влияние нефтяных цен гораздо шире — они внесли и продолжают вносить в ряд сегментов жизни обществ таких стран — и нефтедобывающих, и нефтепотребляющих — заметный «вклад» в то, что по сути аналогично процессу, названному в свое время — в эпоху расцвета «зеленой революции» (конец 60-х – 70-е годы) — «революцией растущих ожиданий», ныне стимулирующей «от себя» рост продовольственных цен.

(Не можем не сказать здесь об одном любопытном наблюдении. Как показывает и прошлый опыт, и особенно сегодняшняя ситуация на продовольственных рынках, мировые продовольственные цены, столь охотно откликнувшиеся на повышательную динамику цен на энергоносители в еще совсем недавнее время, отнюдь не торопятся развернуться в своем движении вспять — в связи с сокращением последних вдвое и даже втрое (!) к концу 2008 года — происшедшем, очевидно, не без «злокозненного» влияния разразившегося мирового финансового кризиса. Что наглядно свидетельствует о том, что продовольственные цены отныне прочно завоевали себе статус *автономии*, т.е. большую независимость от тех побудительных факторов, которые сообщили им первоначальный импульс к интенсивной повышательной динамике.)

Отсюда — потребность в резком увеличении сельскохозяйственного сырья «двойного назначения». Что касается *продовольственной* составляющей этой потребности, ее масштабы определяются как демографическим ростом, так и ростом групп лиц с доходами, позволяющими им питаться лучше, чем ныне, и более того — неистребимой нуждой тех 854 миллионов людей, которые были отнесены ФАО и Всемирным банком к *голодающему* населению мира (рубеж XX–XXI вв.). Сумеет ли мировое сообщество стран обуздать

безудержный рост монополярной нефтяной ренты, катализирующей спекулятивные тенденции на сырьевых рынках? Справится ли оно (точнее — так называемые «избыточные» ныне страны, а также страны, способные быстро наладить производство «лишнего», т.е. превышающего их общественные потребности, продовольствия) с возникшей и возрастающей двойной «нагрузкой» на производящий сектор сельскохозяйственной сферы экономической деятельности людей? Каков должен быть объем производства сельскохозяйственных ресурсов, в частности, продовольственных? Отсюда — нынешняя актуализация проблемы *урожайности зерновых* (как и других продовольственных «этанолоемких») *культур* — проблемы, наиболее болезненно затрагивающей развивающиеся страны мира.

Как же готова ответить на этот драматический вызов эпохи, начавшейся на рубеже XX–XXI столетий, российская экономика?

Значимость проблемы продовольственной безопасности в России в XXI в. растет по нескольким направлениям:

1) Повышение мировых цен на продовольственные продукты, в частности обусловленное непродовольственным использованием продовольственного сырья, бьет по *всему* населению, особенно по людям с низкими доходами; более того, увеличивает издержки производства в сельском хозяйстве, вызывая негативный эффект в механизмах отраслевого экономического роста. 2) Хотя за последние семнадцать лет существенно сократился удельный вес населения, отнесенного официально к группе «абсолютно бедных» (они составляли в России в 2007 г. 13,4% всего населения⁷), в связи с увеличением (особенно с начала XXI века) численности лиц, предъявляющих спрос на более широкую номенклатуру и более ценные продовольственные товары, поднялась значимость качественной составляющей продовольственного фонда. Иначе говоря, спрос на продовольствие и по *количественным*, и по *качественным* параметрам растет *опережающими* темпами по отношению к общенациональному (более инерционному) производству (предложению), и эта диспропорция все более увеличивается. Углубляющийся разрыв приходится заполнять импортом, т.е. поставками продовольствия с мирового рынка, генерирующего повышательную динамику продовольственных цен на внутреннем рынке России (особенно это касается основных ценных продуктов питания, таких как мясо, молоко)⁸. 3) Наконец, все более актуальной становится проблема регулирования сельскохозяйственного экспорта России (прежде всего, вывоза зерна). Ее значимость стремительно нарастает одновременно с начавшимся (впервые после 1913 г.) возрождением России в качестве одного из ведущих агентов мирового рынка зерна⁹. Более того, если

даже к концу XX века экспортный «излишек» зерна формировался в основном по «остаточному» принципу, то теперь процесс этого формирования, побуждаемый динамикой мирового рынка (устойчиво высокие цены на зерно), обретает самостоятельное значение. Поэтому государству предстоит постоянно решать дилемму (регулирование движения потоков зерна на внутреннем рынке, включая регулирование цен) — каков должен быть этот (предназначенный для экспорта) «остаток», чтобы изъятие последнего с внутреннего рынка России не нарушило бы равновесия между спросом (фиксирующим объем общественной потребности) и предложением (величиной наличных ресурсов зерна и других продуктов питания) при сохранении доступных для потребителя цен на продовольствие.

Между тем в России, в который уже раз (за последние 80 лет), подъем сельского хозяйства и «обеспечение доступности продовольствия для населения и стабильность цен» были объявлены руководством страны «основными задачами» аграрной политики государства. Что касается производства сельскохозяйственной продукции, в наращивании ее объемов «следует ... уделять главное внимание зерну». Вопрос первостепенной важности: сколько же зерна нужно современной России? Определено, что потребность в зерне на душу населения составляет в России (как и полвека тому назад) *одну тонну в год*, что предполагает увеличение производства зерна *вдвое* — с нынешних 70–80 млн. т. до 140–150 млн. т. (Считается, что этого достаточно для удовлетворения нынешних потребностей в фураже, продуктах питания, техническом использовании сельскохозяйственного сырья, зерновом экспорте.) «Для этого нам надо не только увеличить посевные площади, но и заняться урожайностью»¹⁰, *eo ipso* — развивать наукоемкое производство в сельском хозяйстве. Отсюда же вытекает необходимость введения реальных институциональных и экономических преобразований в аграрном секторе России, оказания активнейшей и многообразной (системной) помощи ее селу со стороны государства.

Глава I

ДИНАМИКА УРОЖАЙНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР. МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Обзор статистических данных по России, Японии, Индии,
Пакистану, США, Казахстану, Узбекистану
за последнюю треть XIX – начало XXI века*

В настоящей главе предлагается один из возможных путей разработки «технического инструментария» для проведения корректных межстрановых сравнений в длительной исторической ретроспективе. Действительно, долговременные ряды статистических данных по урожайности (см. табл. I-1), составленные по единой методике для нескольких типологически «контрастных» стран, позволяют надежно оценивать ход, интенсивность, «зигзаги» технологического прогресса в одной из ключевых областей сельского хозяйства («фактор продуктивности») данной страны на фоне аналогичных процессов, происходивших и происходящих в других странах.

Далее. Мы исходим из того общеизвестного факта, что статистика есть зеркало эпохи, которую переживает познающее себя с использованием статистических методов общество. В этом смысле изучение динамики долгосрочных изменений указанного показателя сельскохозяйственного роста открывает новые возможности к более полному пониманию того влияния, которое процесс смены политических, социальных, экономических вех в развитии общества оказывает на технологический прогресс в весьма важной (в иных случаях — доминирующей) сфере экономической деятельности людей — в агросфере. Думается, оба эти аспекта в контексте российской действительности XX–XXI веков заслуживают особого внимания.

Как можно оценивать достоверность статистических данных, представленных в таблице I-1?

* В главе использован материал статьи авторов «Долгосрочные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур: середина XIX – конец XX века (Опыт реконструкции непрерывных временных рядов статистических данных)», первоначально опубликованной в: *Вопросы статистики*. 1998, №9. С. 31–45.

Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур по странам, 1866–2006 гг.*, ц/га

Год	Япония	Индия			Пакистан	США			Россия/СССР	РСФСР/Россия	Казахстан	Узбекистан				
		рис «коричневый», промежуточная очистка,	все зерновые	рис, очищенный		Пенджаб	пшеница	пшеница				кукуруза	хлопок, в волокне	хлопок		все зерновые
														сырец	в волокне	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)		
1866						7,4	15,9	1,4								
1867						8,5	14,8	1,6								
1868						8,7	16,3	1,7								
1869						9,2	14,8	2,3								
1870						8,1	17,8	2,3				7,0				
1871						8,2	18,3	1,8								
1872						7,9	19,3	2,0								
1873						8,7	14,9	1,9								
1874						8,7	13,0	1,7								
1875						7,5	18,5	2,0								
1876						7,3	16,4	1,9								
1877						9,5	16,7	1,9								
1878						9,1	16,9	1,9								
1879	18,9					8,7	18,3	2,0								
1880	18,5					8,9	17,3	2,1				7,0				

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
1881	17,7					7,4	11,7	1,7						
1882	17,7					10,1	15,4	2,3						
1883	17,8					8,3	15,2	1,8						
1884	15,8					9,9	17,8	1,7						
1885	19,8					7,7	17,9	1,9						
1886	21,6					9,5	15,1	1,8						
1887	23,0					8,9	13,7	2,0						
1888	21,8					8,1	18,3	1,9						
1889	18,4					9,4	18,5	2,0				6,7		
1890	23,8					8,2	13,9	2,2				6,8		
1891	21,0					11,1	18,6	2,2				7,1		
1892	22,9					9,5	15,5	1,9				7,0		
1893	20,5					8,3	14,9	2,0				6,7		
1894	23,4					9,1	12,7	2,4				7,5		
1895	21,9					9,3	17,6	1,9				7,1		
1896	19,8					8,6	18,8	2,0	6,5			7,2		
1897	18,1					9,4	15,9	2,3	5,4			7,1		
1898	25,7					10,2	16,8	2,5	6,3			7,2		
1899	21,4					8,4	17,6	2,1	7,1			8,4		
1900	22,4	8,0	10,7			8,2	17,6	2,2	6,6			9,1		
1901	25,1	7,6	9,7	8,1	8,1	10,1	11,4	1,9	5,5			7,6		
1902	19,9	8,5	11,5	9,0	9,0	10,0	17,9	2,1	7,7			8,2	2,7	
1903	24,9	8,3	11,0	9,8	9,8	9,2	16,9	1,9	7,0			10,9	3,6	
1904	27,5	8,1	10,9	9,3	9,3	8,7	17,7	2,4	8,2			8,1	2,7	
1905	20,2	8,0	9,9	10,3	10,3	10,2	19,4	2,0	6,4			9,9	3,3	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
1906	24,4	7,7	9,7	6,9	6,9	10,7	19,9	2,3	5,2		5,0	12,7	4,2	
1907	25,8	7,1	8,3	7,5	7,6	9,5	17,1	1,9	6,2			10,5	3,1	
1908	27,2	7,0	8,1	8,7	9,1	9,6	16,9	2,3	6,4			10,2	3,0	
1909	27,3	8,5	11,6	9,5	9,3	10,4	16,4	1,7	8,3		4,2	12,8	4,0	
1910	24,2	8,6	11,7	9,4	9,3	9,2	17,5	2,0	7,6	6,8	4,0	13,9	4,2	7,2
1911	26,6	8,5	10,6	8,7	8,6	8,3	15,3	2,4	5,8		1,6	12,7	3,9	6,9
1912	25,7	7,7	9,4	8,2	8,1	10,1	18,3	2,2	7,8	7,1	6,1	12,6	3,8	7,9
1913	25,5	7,2	9,4	8,2	8,2	9,7	14,2	2,1	8,7	8,0	5,1	13,0	3,8	6,5
1914	29,0	7,5	8,7	8,6	8,6	10,8	16,2	2,4	6,9	6,6	7,3	12,1	3,6	7,5
1915	28,1	8,2	10,5	6,1	6,3	11,2	17,6	2,0	8,6	7,7	5,7	13,3	4,0	7,7
1916	29,2	8,4	10,8	6,8	6,9	8,0	15,1	1,8	7,2	6,4	4,1	10,5	3,1	
1917	27,4	8,2	11,1	8,2	8,8	8,9	16,4	1,9	6,4	6,2	6,5	8,5	2,5	
1918	27,3	6,6	7,6	8,5	8,5	9,9	15,0	1,8	6,0			8,1	2,3	
1919	30,2	8,8	10,3	9,6	9,7	8,7	17,1	1,8	6,2			3,7	1,0	
1920	31,1	7,3	8,6	6,6	6,8	9,1	19,0	2,1	5,7	4,6	2,3	3,2	0,9	
1921	27,1	8,6	10,2	10,4	10,8	8,5	17,8	1,5	5,0	4,2	3,2	2,4	0,7	
1922	29,9	8,6	10,3	8,4	8,4	9,3	16,9	1,7	7,7	7,0	5,4	5,0	1,5	
1923	27,2	7,9	9,0	9,2	9,0	8,9	17,8	1,5	7,3	5,4	3,2	6,7	1,9	
1924	28,2	7,8	9,5	6,7	6,7	10,7	14,4	1,8	6,2	6,2	4,7	6,6	2,0	
1925	29,1	7,8	9,3	7,8	7,5	8,6	17,7	1,9	8,6	8,1	7,1	9,1		8,9
1926	26,6	7,8	9,2	7,9	7,6	9,9	16,2	2,2	8,4	8,2	8,7	8,2		8,0
1927	29,6	7,4	9,3	6,5	5,6	9,9	17,1	1,8	7,6	7,2	4,9	9,8		7,3
1928	28,6	7,9	9,7	7,7	8,5	10,3	17,0	1,8	7,9	8,1	9,0	9,6		9,3
1929	28,0	8,2	9,7	9,5	9,4	8,7	16,2	1,8	7,5	6,9	4,7	9,8		8,2
1930	31,2	8,1	9,9	8,4	8,4	9,5	12,8	1,7	7,9	7,8	6,1	8,9		7,7

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
1931	25,7	8,0	10,2	7,6	8,0	11,0	15,3	2,4	6,7	6,5	4,3	7,5		7,3
1932	28,0	7,8	9,5	8,2	8,0	8,8	16,6	1,9	7,0	6,8	5,1	8,4		5,6
1933	33,7	7,5	9,3	7,2	7,6	7,5	14,2	2,3	6,7	6,3		9,1		
1934	24,7	7,8	9,3	8,5	8,6	8,1	9,9	1,9	6,5	7,0		8,2		
1935	27,1	7,3	8,3	8,2	8,5	8,2	15,1	2,1	7,3			10,8		
1936	30,7	7,9	9,7	9,1	8,9	8,6	10,2	2,2	5,7			16,4		
1937	30,7	7,7	9,3	9,4	8,0	9,1	17,6	3,0	9,3	9,4	7,1	16,0		3,7
1938	31,2	7,1	8,2	8,5	8,5	8,9	17,4	2,6	7,3			16,5		
1939	31,2	7,7	8,5	9,9	9,9	9,5	18,3	2,7	7,5			17,2		
1940	29,0	7,0	7,8	8,5	8,4	10,3	17,8	2,8	8,6	7,9	4,3	15,0		4,1
1941	26,2	7,3	8,2	9,7	10,0	11,3	19,5	2,6	7,3	6,6	6,8	17,7		4,5
1942	31,9	7,0	8,3	10,0	10,2	13,1	22,0	3,0	4,4	4,4	3,7	9,4		4,3
1943	30,6	7,3	9,1	8,6	8,6	11,0	20,2	2,8	4,2	3,8	2,3	7,1		3,4
1944	29,7	6,8	8,4	9,2	9,8	11,9	20,6	3,3	6,0	5,5	3,6	11,3		2,8
1945	20,5	6,3	8,1	7,9	8,0	11,4	20,5	2,8	5,6	5,0	3,9	10,9		4,3
1946	33,1	6,3	8,3	8,2	8,2	11,6	23,0	2,6	4,6	4,2	5,0	13,6		
1947	30,5	6,7	8,3	8,2	8,5	12,2	17,8	3,0	7,3	6,7	5,5	12,7		
1948	33,7	6,3	8,0	9,2	9,4	12,0	26,7	3,5	6,7	5,6	4,0	15,6		
1949	31,4	5,5	7,5	11,3	9,3	9,7	23,7	3,1	6,9	6,2	5,6	16,6		4,3
1950	32,0	5,2	6,7	9,8	9,1	11,1	23,6	3,0	7,9	7,2	7,9	20,1		3,9
1951	30,0	5,4	7,1	10,0	7,3	10,7	22,7	3,0	7,4	7,0	4,1	20,5		4,6
1952	33,0	5,8	7,6	11,1	6,3	12,3	25,5	3,1	8,6	7,6	5,5	21,0		5,6
1953	27,3	6,4	9,0	10,6	8,6	11,6	25,0	3,6	7,8	7,1	7,7	21,1		7,0
1954	29,9	6,3	8,2	11,0	7,5	12,2	23,9	3,8	7,7	7,8	9,1	20,0		5,0
1955	38,4	6,1	8,7	9,3	7,4	13,3	25,5	4,7	8,4	7,7	2,9	18,9		5,1

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
1956	34,2	6,3	9,0	10,3	7,7	13,6	28,7	4,6	9,9	9,5	10,6	21,9		5,9
1957	35,4	5,9	7,9	10,2	7,7	14,7	30,3	4,3	8,4	8,0	4,6	20,4		4,6
1958	36,9	6,7	9,3	10,7	8,1	18,5	33,1	5,2	11,1	10,6	9,4	21,1		6,9
1959	38,0	6,6	9,4	10,2	8,0	14,6	33,3	5,2	10,4	9,8	8,6	22,9		6,0
1960	38,9	7,1	10,1	12,4	8,2	17,6	34,2	5,0	10,9	10,7	8,5	20,4	6,9	7,8
1961	37,6	7,1	10,3	12,3	8,2	16,1	38,9	4,9	10,7	9,9	6,6	20,7		5,0
1962	39,9	6,8	9,3	11,6	8,3	16,9	40,3	5,1	10,9	11,0	6,5	19,2		6,4
1963	39,3	6,9	10,3	12,6	8,3	16,9	42,4	5,8	8,3	8,3	4,4	22,7		7,8
1964	38,6	7,6	10,8	15,1	8,6	17,6	39,0	5,9	11,4	10,7	9,8	22,6		9,3
1965	38,1	6,3	8,6	12,4	7,6	17,8	46,5	5,9	9,5	9,0	3,1	24,2		5,0
1966	39,2	6,4	8,6	15,2	8,1	17,7	45,4	5,4	12,7	12,1	10,8	25,1		6,7
1967	44,3	7,8	10,3	18,6	10,7	17,3	49,1	5,0	11,2	11,0	6,3	25,2		5,4
1968	44,0	7,8	10,7	20,7	10,7	19,5	52,7	5,2	13,0	13,6	8,4	25,0		9,7
1969	42,8	8,1	10,7	22,2	11,7	19,7	52,5	5,4	12,2	11,3	8,8	23,1		7,0
1970	43,4	8,7	11,2	22,4	10,8	20,8	45,4	4,9	14,4	14,5	9,8	26,3	9,0	8,5
1971	40,4	8,6	11,4	22,9	11,9	22,8	55,3	4,9	14,2	13,5	9,4	26,4		6,2
1972	45,0	8,1	10,7	22,3	12,5	22,0	60,9	5,7	13,0	11,6	12,5	28,0		8,7
1973	46,3	8,3	11,5	22,0	12,5	21,3	57,2	5,8	16,3	15,6	11,2	29,2		11,8
1974	45,1	8,2	10,4	23,4	13,2	18,4	44,8	4,9	14,2	13,5	7,3	30,6		10,7
1975	47,6	9,4	12,3	23,7	14,2	20,6	54,1	5,1	10,1	9,4	4,7	28,3		9,6
1976	47,6	8,9	10,9	24,3	14,3	20,4	55,2	5,2	16,2	15,3	11,7	28,2		15,9
1977	47,5	9,9	13,1	25,4	13,1	20,6	57,0	5,8	13,9	12,9	7,0	29,7		14,0
1978	49,4	10,2	13,3	27,4	14,9	21,1	63,4	4,7	17,1	16,4	11,0	28,4		19,9
1979	47,9	8,8	10,7	27,9	15,3	23,0	68,7	6,1	13,1	11,2	13,6	29,6		19,6
1980	41,0	10,2	13,3	27,3	16,4	22,5	57,1	4,5	13,9	12,9	10,9	29,7	8,6	19,5
1981	45,0	10,3	13,1	29,3	15,6	23,2	68,3	6,1	11,7	9,8	9,3	27,1		20,0

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
1982	45,5	10,4	12,3	30,1	16,8	23,9	71,0	6,6	14,1	13,5	7,7	26,7		19,3
1983	45,6	11,6	14,6	30,2	14,8	26,5	50,9	5,7	14,7	14,7	9,2	26,4		22,3
1984	51,3	11,5	14,2	32,9	16,1	26,1	67,0	6,7	13,3	13,3	6,2	26,2		15,1
1985	49,8	11,8	15,5	35,3	18,8	25,2	74,1	7,1	15,1	15,1	9,6	27,0	8,7	15,1
1986	50,6	11,3	14,7	29,7	15,6	23,1	74,9	6,2	16,6	16,6	11,5	24,3	7,9	16,9
1987	49,5	11,7	14,6	35,4	17,3	25,3	75,2	7,9	16,8	16,8	11,2	23,1	7,1	17,3
1988	47,1	13,3	16,9	36,7	18,6	22,9	53,1	6,9	15,3	15,3	8,6	26,6	8,6	19,8
1989	49,3	13,5	17,6	35,9	18,2	22,0	73,0	6,9	17,5	17,5	7,9	26,9	8,4	17,8
1990	50,6	13,8	17,4	37,2	18,4	26,6	74,4	7,1	19,9	19,9	12,2	27,6	8,7	18,8
1991	46,9	13,8	17,5	38,0	19,9	23,1	68,2	7,3	14,7	14,7 (15,1)	5,3	27,0	8,4	17,3
1992	50,2	14,6	17,4	37,7	19,5	26,4	82,5	7,8		17,2 (18,0)	13,2	24,8	7,6	18,6
1993	36,6	15,0	18,9	40,1	18,8	25,7	63,2	6,8		16,3 (17,1)	9,7	25,0	7,7	16,7
1994	54,2	15,5	19,1	40,9	18,9	25,3	87,0	7,9		14,4 (15,3)	7,9	25,6	8,2	16,2
1995	50,9	14,9	18,5	38,8	20,8	24,1	71,2	6,0		11,6 (13,1)	5,0	26,4	8,4	19,4
1996	52,3	16,1	18,8	42,4	20,2	24,4	79,8	7,9		12,9 (14,9)	6,5	22,6	7,2	20,9
1997	51,3	15,5	19,0	38,5	20,5	26,5	79,7	7,5		16,5 (17,8)	8,7	24,5	7,1	21,4
1998	49,8	16,3	19,3	43,3	22,4	29,0	84,1	7,0		9,4 (12,9)	5,6	21,0	7,5	25,1
1999	51,6	17,0	19,9	47,0	21,7	28,7	84,1	6,8		11,7 (14,4)	13,0	23,7	6,7	25,7
2000	53,7	16,3	19,0	45,6	24,9	28,2	86,0	7,1		14,4 (15,6)	9,1	21,8	6,9	24,4
2001	53,0	17,3	20,8	45,3	23,2	27,0	86,7	7,9		18,3 (19,4)	9,6	22,0	7,0	28,7
2002	52,6	15,4	17,4	42,0	22,6	23,6	81,2	7,5		18,2 (19,6)	13,8	22,3	7,1	9,4
2003	46,8	17,3	20,8	42,1	23,9	29,7	89,3	8,2		15,9 (17,8)	11,2	21,4	6,8	18,6
2004	51,3	16,5	19,8	42,2	23,7	29,1	100,6	9,6		17,9 (18,8)	11,7	24,9	7,9	24,1
2005	53,2	17,2	21,0	41,8	25,8	29,1	92,9	9,3		17,9 (18,5)	10,4	26,7	8,5	20,0
2006	50,7	17,6	21,3	42,1	25,2	28,3	93,6	8,1		18,1 (18,9)	8,3	25,0	8,0	25,8

*Составлено и рассчитано по:

Япония. Nakamura J.I. Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873–1922. Princeton, 1966. С.228–230 [данные за 1879–1925 гг.]; The Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1932/33. Tokyo, 1934. С.2–7 [данные за 1926–1931 гг.]; The Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1935/36. Tokyo, 1936. С.2–9 [данные за 1932–1935 гг.]; Takane Matsuo. Rice and Rice Cultivation in Japan. Tokyo, 1961. С.7 [данные за 1936–1939 гг.]; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry, and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за 1960 (с.14), 1962 (с.14), 1965 (с.7), 1968 (с.15), 1971 (с.15), 1996 (с.21), 1998 (с.21) [данные за 1940–1970 и 1995–1998 гг.]; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за: 1975–'76 (с.84), 1979–'80 (с.100), 1982–'83 (с.72), 1986–'87 (с.80), 1988–'89 (с.66), 1991–'92 (с.74), 1993–'94 (с.100) [данные за 1971–1992 гг.]; Japan Statistical Yearbook 1997. Tokyo, 1997. С.235 [данные за 1993–1994 гг.]; Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry, and Fisheries of Ministry of Agriculture, Forestry, Fisheries of Japan. 1999. (см.: www.maff.go.jp) [данные за 1999 г.]; The Asahi Shimbun Japan Almanac 2003. Tokyo, 2002. С.117 [данные за 2000 г.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

Индия. Рис: Sivasubramonian S. Estimates of Gross Value of Output of Agriculture for Undivided India, 1900/01 to 1946/47, in: Papers on National Income and Allied Topics. Ed. by V.K.R.V.Rao et al. Bombay. Vol. I. 1960. С.245, Table 3, 4 [данные за 1900/01–1910/11 гг.]; Technological Possibilities of Agricultural Development in India. A Note by W. Burns. Lahore, 1944. С. i, Statement 1 [данные за 1911/12–1938/39 гг.]; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Rice in India. Delhi, 1955. С. 404,405,410,411,420 [данные за 1939/40–1948/49 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 1988. С.9 [данные за 1949/50–1985/86 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 2001. С.26 [данные за 1986/87–2000/2001 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance 2008. (см.: www.agricoop.nic.in; <http://dacnet.nic.in>) [данные за 2001/2002–2006/2007 гг.].

Зерновые (семь культур): Sivasubramonian S. Estimates of Gross Value of Output of Agriculture for Undivided India, 1900/01 to 1946/47, in: Papers on National Income and Allied Topics. Ed. by V.K.R.V.Rao et al. Bombay. Vol. I. 1960. С.245, Table 3, 4 [данные за 1900/01–1918/19 и 1942/43–1946/47 гг.]; Technological Possibilities of Agricultural Development in India. A Note by W. Burns. Lahore, 1944. С. xiv, Statement 28 [данные за 1919/20–1941/42 гг.]; Menon V.S. Agricultural Productivity in India, in: *Studies in Agricultural Economics*. Delhi: Ministry of Food and Agriculture. Vol. III. 1960. С.42,43 [данные за 1947/48–1948/49 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 1988. С.7 [данные за 1949/50–1985/86 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 2001. С.25 [данные за 1986/87–2000/2001 гг.]; Agricultural Statistics at a Glance 2008. (см.: www.agricoop.nic.in; <http://dacnet.nic.in>) [данные за 2001/2002–2006/2007 гг.].

Индия: Пенджаб. Calvert H. The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922. С. 156 [данные за 1901/02–1905/06 гг.]; The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.52. Part I. Agricultural Statistics of the Punjab, 1901-02 to 1935-36. Lahore, 1937. С.61; The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.52. Part II. Lahore, 1945. С.14 [данные за 1906/07–1943/44 гг.]; Menon V.S. Agricultural Productivity in India, in: *Studies in Agricultural Economics*. Delhi. Vol. III. 1960. С.42,52 [данные за 1944/45–1958/59 гг.]; *Agricultural Situation in India*. 1960, Vol. 15, No.5. С.672 [данные за 1959/60 гг.]; Statistical Abstract of the Punjab. Chandigarh, 1968. С.51,66 [данные за 1960/61–1967/68 гг.]; *Indian Agriculture in Brief*. New Delhi: Ministry of Agriculture, 12th ed. 1973; 17th ed. 1979; 21st ed. 1987; *Economic Survey*. Delhi. Выпуски за: 1980-81, 1981-82, 1987-88, 1990-91, 1996-97; *Agricultural Situation in India*. Vol.47. 1992, No.5. С.318; *Agricultural Statistics at a Glance*. New Delhi: Govt. of India, 1988. С.39 [данные за 1968/69–1990/91 гг.]; Punjab at a Glance (см.: <http://punjabgovt.nic.in>) [данные за 1991/92–1997/98; 2000/01–2003/04 гг.]; *Agricultural Statistics at a Glance*. New Delhi: Govt. of India, 2001. С.39 [данные за 1998/99–1999/2000 гг.]; *Agricultural Statistics at a Glance 2006-2007*. (см.: www.agricoop.nic.in) [данные за 2004/05 г.]; *Agricultural Statistics at a Glance 2008*. (см.: www.agricoop.nic.in) [данные за 2005/06–2006/07 гг.].

Пакистан. Calvert H. The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922. С. 156 [данные за 1901/02–1905/06 гг.]; The Board of Economic Inquiry. Punjab (Pakistan). Publication No.97. Agricultural Statistics of the Punjab. Pakistan. 1901/02 to 1946/47. Lahore, 1950. С.64; do.do. Supplement No.1 to Publication No.97. 1951. С.5; do.do. Supplement No.2 to Publication No.97. 1952. С.4 [данные за 1906/07–1946/47 гг.]; *Pakistan Statistical Yearbook 1968*. Karachi: Govt. of Pakistan. Central Statistical Office, 1970. С.128,129 [данные за 1947/48–1958/59 гг.]; *Economic Survey 1993-94*. Islamabad: Govt. of Pakistan, 1994. С.38–40 [данные за 1959/60–1993/94 гг.]; *FAO Production Yearbook 1996*. Vol.50. Rome, 1997 [данные за 1994/95–1996/97 гг.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 16.02.2002. (см.: www.fao.org) [данные за 1997/98–2000/01 гг.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

С III А. *Agricultural Statistics 1910*. Wash.: US Dept. of Agriculture, 1911. С.501; do.do. 1936. С.5, 6, 33, 75, 76 [данные за 1866–1935 гг.]; *Statistical Abstract of the United States 1939*. Wash: US Bureau of the Census., 1939. С.670; do.do. 1950. С.610, 612; do.do. 1956. С.658, 660; do.do. 1958. С. 653, 654; do.do. 1962. С.651, 652; do.do. 1965. С.651, 652; do.do. 1968. С.619; do.do. 1977. С.700; do.do. 1980. С.714 [данные за 1936–1976 гг.]; do.do. 1985. С.659 [данные за 1977–1982 гг.]; *Agricultural Statistics 1992*. Wash.: US Dept. of Agriculture, 1992. С.1,31; do.do. 1994. С.50; do.do. 1997. С. I–1, I–25, II–1; do.do. 1998. С. I–5, I–25, II–1 [данные за 1983–1997 гг.]; *Statistical Abstract of the United States 2001*. С. 537, table 827 (см.: www.census.gov/statab) [данные за 1998–2000 гг.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

Россия/СССР. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 434 [данные за 1896–1900 гг.]; Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С.89,90, 121,126 [данные за 1901–1913 гг.]; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924. С.128,129 [данные за 1914–1916 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С.341 [данные за 1917–1921 гг. и среднегодовой показатель за 1933–1937 гг.]; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924. С.80–81 [данные за 1922 г.]; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С.ХХХVIII,171 [данные за 1923–1929 гг.]; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. М.: «Наука», 2006 [данные за 1930 г.; ссылка на В.В. Осинского, тогдашнего начальника ЦУНХУ]; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.269,399 [данные за 1931–1932 гг.]; История советского крестьянства. М., 1987. Т.2. С.355; Т.3. С.80 [данные за 1933–1935, 1937–1939 гг.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С.93 [данные за 1940–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С.13;14 [данные за 1946–1987 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С.460 [данные за 1988–1990 гг.]; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997. С.58 [данные за 1991 г.].

Также использованы: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: «Наука», 1978. С.31; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М., 1993. С.121; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград, 1918. С.31,32; Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин: «Progress», 1922. С.10; XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934 (Отчетный доклад И.В. Сталина). С.10,19; Лященко П.М. История народного хозяйства СССР. Т.2. М.,1950. С.639,640; Зеленин И.Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг., в: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965. М.: МГУ, 1970. С.404–473; Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг., в: Там же. С.474–481; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С.97; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С.27,29.

РСФСР/Россия. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924. С.80–81 [данные: средние за период 1905–1914 гг. и ежегодные за 1920–1923 гг.]; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924. С.128,129 [данные: средние за период 1909–1913 и ежегодные за 1914–1917 гг.]; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927. С.177 [данные за 1924 г.]; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929. С. 220–221 [данные за 1925–1927 гг.]; Сельское хозяйство

СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.269 [данные за 1928–1934 гг.]; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С. 97 [данные за 1937 г.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С.96,110 [данные за 1940–1945 гг.]; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965. С.211 [данные за 1946–1958 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С.214 [данные за 1959–1960 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С.156 [данные за 1961–1970 гг.]; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С.210 [данные за 1971–1974 гг.]; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. Статистический ежегодник. М., 1980. С.144 [данные за 1975–1979 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С.133 [данные за 1981–1985 гг.]; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991. С.33 [данные за 1980, 1986–1990 гг.]; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995. С.68 [данные за 1991–1994 гг.]; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002. С.62 [данные за 1995–2000 гг.]; Россия в цифрах 2007. Федеральная служба государственной статистики (см.: www.gks.ru) [данные за 2001–2006 гг.]. В скобках – урожайность зерновых с уборочной площади.

Также использованы: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С.31; Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С.89,90, 121,124,125,126; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М., 1993. С.121; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград, 1918. С.31,32; Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин, 1922. С.10; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С. ХХХVIII, 171; XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934 (Отчетный доклад И.В. Сталина). С.10,19; Лященко П.М. История народного хозяйства СССР. Т.2. М.,1950. С.639,640; Народное хозяйство РСФСР в 1957 г. Статистический ежегодник. М., 1959. С.126, 128; Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М., 1974. С.395; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979. С.221; Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988. С.188.

Казахстан. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград: Министерство земледелия, отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, 1917. С.56–57 [средние данные за 1901–1910, 1909–1913 гг. и ежегодные данные за 1911–1913 гг.]; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М.: ЦСУ СССР, 1924. С.130 [данные за 1914–1917 гг.]; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924. С.80–81 [данные за 1920–1923 гг.]; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927. С.179 [данные за 1924–1926 гг.]; Сельское

хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929. С.220–221 [данные за 1927–1928 гг.]; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С.171 [данные за 1929–1930 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.269 [данные за 1931–1932 гг.]; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С.193–194 [данные за 1937 г.]; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата. 1968. С.105 [данные за 1940, 1945–1966 гг.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С.96,110 [данные за 1941–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С.156 [данные за 1967–1969 гг.]; Народное хозяйство Казахстана в 1975 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата, 1976. С.95 [данные за 1970–1973 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С.361 [данные за 1974–1975 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979. С.221 [данные за 1976–1977 гг.]; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алма-Ата, 1980. С.87 [данные за 1978–1979 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С.138 [данные за 1980–1987 гг.]; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991. С.33 [данные за 1988–1990 гг.]; Содружество независимых государств в 1998 году. Статистический ежегодник. М., 1999. С.307 [данные за 1991–1998 гг.]; Содружество независимых государств в 1999 году. Статистический ежегодник. М., 2000. С.294 [данные за 1999 г.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 16.02.2002. (см.: www.fao.org) [данные за 2000 г.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

Узбекистан. Хлопок. Хлопководство в Узбекистане за 50 лет. Справочник. Ташкент, 1967. С.23–24 [данные за 1870, 1880, 1936–1939, 1946–1965 гг.]; Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопкотогровли и хлопковой промышленности Туркестана. М., 1922. С.68 [данные за 1889–1901 гг.]; Книзе А.И. Хлопководство в России. СПб., 1908. С.10–11 [данные за 1902 г.]; Труды хлопкового комитета. СПб., 1907–1911. Т.1. С.70 [данные за 1903–1906 гг.]; Юферов В.И. Справочная книжка по хлопководству в СССР. М., 1925. С.154–155 [данные за 1907–1921 гг.]; Он же. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925 [данные за 1922–1924 гг.]; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927. С.186 [данные за 1925–1926 гг.]; Технические культуры. Статистический справочник. М., 1936, вып.1. С.52–53 [данные за 1927–1935 гг.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический справочник. М., 1990. С.97,111 [данные за 1940–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С.196; Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1974. С.403; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979. С.224; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981. С.232; Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985. С.249; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988. С.89; Страны–члены СНГ в 1993 году. Статистический

ежегодник. М., 1994. С.271 [данные за 1965–1990 гг.]; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997. С.526 [данные за 1991–1995 гг.]; Содружество независимых государств в 1999 году. С.560 [данные за 1996–1999 гг.]; Содружество независимых государств в 2002 году. С.680 [данные за 2000 г.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

Зерновые. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград: Министерство земледелия, отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. 1917. С.58 [данные за 1910–1915 гг.]; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929. С.220–221 [данные за 1925–1927 гг.]; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С.176 [данные за 1928–1930 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.269 [данные за 1931–1932 гг.]; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С.185–186 [данные за 1937 г.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический справочник. М., 1990. С.96,110 [данные за 1940–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С.215 [данные за 1953–1959 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С.156 [данные за 1961–1970 гг.]; Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М. Выпуски за 1961 г. (с.297), 1965 г. (с.313), 1967 г. (с.372), 1973 г. (с.395), 1978 г. (с.221), 1981 г. (с.232), 1985 г. (с.210), 1987 г. (с.188), 1990 г. (с.471); Народное хозяйство Узбекской ССР. Ташкент. Выпуски за 1987 г. (с.174,175), 1988г. (с.219,298); Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992. С.458 [данные за 1949–1952, 1960–1990 гг.]; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997. С.526; Содружество независимых государств в 1999 году. С.560 [данные за 1991–1999 гг.]; FAO DATABASE, in: www.fao.org (16.02.2002) [данные за 2000 г.]; The FAOSTAT Agriculture Database. 07.01.2008. (см.: www.fao.org) [данные за 2001–2006 гг.].

Также использованы: Шахназаров А. Хлопководство в Туркестане. СПб., [1897?]. С.2; Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград, 1914. С.171–172; Народное хозяйство [России] в 1914 году. Петроград, 1916. С.131; Народное хозяйство [России] в 1915 году. Петроград, 1918. С.136–140; Хлопковое дело в Узбекистане. Самарканд, 1927. С. 5–6; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929. С.260–261; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.401; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С.185–186; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1958 году. Статистический сборник. Ташкент, 1959. С.60–61; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С.232; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С.151–152; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991. С.34–35.

Конечно, каждой исторической эпохе свойственна своя степень зрелости методов статистического учета¹. В этом смысле предлагаемые ряды данных весьма ярко (хотя и с издержками, одновременно выпадающими на долю отобранных для этой главы стран; см. ниже) отражают положительно изменяющееся совершенство статистического отображения экономической динамики в агросфере в историческом времени.

Но нужно принять во внимание существенное обстоятельство: во многих странах поступательный процесс развития статистики нередко сопровождала и сопровождает тень фальсификаций, принимающих разнообразные формы. В агросфере стран с рыночной экономикой, представленных в этой главе Японией, Индией, Пакистаном, США, Россией (включая области Центрально-азиатского региона), по меньшей мере до 20-х годов прошлого века, основной причиной, вызывавшей искажение статистических данных, являлась обычно фискальная политика государства, последствий которой хотели бы избежать самые разные частные экономические агенты².

В условиях плановой (псевдотоварной) экономики, представленной в настоящей главе соответствующими временными рядами данных по России/СССР; РСФСР/России; Казахстану; Узбекистану (см. табл. I-1), фальсификация показателей сборов и урожайности сельскохозяйственных культур, их «подгонка» под установления кратократии³ порождались тремя группами причин. Во-первых, она стимулировалась идеологическими мотивами — в целях утверждения генерального постулата кратократии — о «превосходстве социализма над капитализмом»⁴.

Во-вторых, в «социалистическом хозяйстве» манипуляции со статистическими показателями урожайности образовывали органический элемент механизма политического насилия в агросфере: посредством искусственного завышения урожайности формировались «легитимные» основания для принудительного отчуждения (задарма) увеличенных масс продукта, произведенного коллективизированными производителями, то есть по существу конституировались нормативы неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и другими сферами национальной экономики. Например, в СССР расцвет «политических» манипуляций приходится на 30-е — начало 50-х годов (подробнее см. ниже).

Наконец, мощнейшим побудительным мотивом фальсификации сведений о размерах сборов и урожайности в условиях плановой экономики были заложенные в ней (широкие) возможности

личного обогащения лиц, занимавших высокие места в партийно-хозяйственной иерархии власти. Выступавшие в чешуе оплаченных (советским государством) «приписок», фальсификации такого типа особенно сильно захлестнули статистическую отчетность, например, хлопкового хозяйства Узбекской ССР во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов (подробнее см. ниже).

Выявление механизма искажения статистических сведений авторы считали весьма важной своей задачей.

Комментарий к таблице «Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур по странам»

При составлении сплошных рядов данных по урожайности сельскохозяйственных культур (см. табл. I-1) авторы использовали только опубликованный материал, опираясь при этом исключительно на издания национальных статистических ведомств; лишь в крайне необходимых случаях они прибегали к заимствованиям вторичных (по своему происхождению) данных из публикаций международных статистических организаций, в частности, ФАО. При этом предпочтение, как правило, отдавалось данным государственных статистических служб, учетная система которых охватывала наибольшее экономическое пространство. При нехватке таких сведений приходилось пользоваться материалами отдельных специализированных учреждений (в частности это касалось разработки рядов статистических сведений по урожайности хлопчатника в Туркестане до середины 20-х годов), или даже авторскими публикациями специалистов (см. *Комментарий к показателям по странам*).

В работе принята метрическая система мер для идентификации показателей урожайности отобранных сельскохозяйственных культур. Между тем сложившиеся исторически национальные системы мер, применявшиеся для оценки урожайности, отличаются по странам большим разнообразием; более того, сами эти системы претерпевали порою радикальные изменения в ходе исторического времени. Следует отметить, что в иных случаях идентификация национальных систем мер (например, российских, действовавших в XIX веке) с метрической требовала проведения специального анализа (см. Главу II). Такая унификация системы мер, помимо прочего, облегчала решение задач межстрановых сравнительных исследований.

Порою существенно различаются и учетные виды продукции одной и той же сельскохозяйственной культуры. Так, статистическое ведомство Индии ведет учет урожая риса в эквиваленте

очищенного зерна, а такое же ведомство Японии — в эквиваленте рисового *полуфабриката* (зерна в оболочке, образующегося после удаления с него шелухи; такой еще не очищенный полностью зерновой продукт называется в японских статистических изданиях «*коричневым*» рисом).

Статистические ведомства России и СССР до середины 20-х годов оценивали урожайность хлопчатника в единицах массы волокна, получаемого с единицы площади. Впоследствии же статистические ведомства вели учет урожайности хлопчатника в единицах массы только хлопка-сырца, и лишь с 80-х годов в статистических изданиях вновь стали публиковаться параллельные данные об урожайности хлопчатника в единицах массы и волокна, и сырца. В таблице I-1 страновые ряды показателей отражают те учетные виды урожайности культуры, какими оперируют национальные статистические ведомства, но для целей возможных сравнений укажем на некоторые стандартные коэффициенты соотношений между массами учетных видов одного и того же первичного продукта. Так, выход массы *очищенного* риса из единицы массы риса-сырца (*риса-падди*) составляет 66%. (Применительно же к практике статистического учета в сельском хозяйстве Японии нужно иметь в виду, что в единице массы *риса-падди*, то есть риса в шелухе, примерно четыре пятых приходится на массу «коричневого» риса.) Из единицы массы хлопка-сырца после переработки получается 30–32% массы хлопка-волокна.

При обработке и реконструкции представляемых данных осуществлялось сопоставление имевшихся параллельных рядов (или единичных) годовых данных по урожайности культуры, при этом, если не возникало аргументированных сомнений, использовались данные более позднего источника. (Отметим попутно, что такое сопоставление позволяло в некоторых случаях — см. «Комментарий к показателям по странам» — выявлять возможные масштабы заложенных в государственную статистическую отчетность фальсификаций на данном отрезке исторического времени.)

Из множества имевшихся за тот или иной период данных предпочтение, как правило, отдавалось тем, которые образовывали наиболее длинный статистический ряд, особенно, если они использовались в качестве доказательной базы в работах крупных ученых, специально занимавшихся вопросами статистики; таковы работы: Н.Д. Кондратьева — по России начала XX века, В.И. Юферова — по Туркестану; к такому же типу исследований относятся труды Дж. Накамура — по Японии, У. Бёрнса — по Индии⁵.

В некоторых случаях, когда полностью отсутствовали в доступных публикациях годовые данные, мы стремились, если представлялась возможность, осуществить реконструкцию таковых по среднегодовым данным за перекрещивающиеся (пяти-, трехлетние) периоды. Такие расчеты, в частности, затронули показатели по РСФСР/России 10-х годов и бывш. СССР 30-х годов.

Комментарий к показателям по странам

Япония. При составлении статистического ряда за 1879–1925 гг. были использованы данные, систематизированные американским исследователем Дж. Накамура на базе материалов статистических публикаций Министерства сельского хозяйства, лесоводства (в дальнейшем также рыболовства) Японии⁶.

Из этих же источников, в том числе вторичных их изложений (данные за 1993–1994, 2000 гг.), были заимствованы показатели урожайности риса с 1926 г. по 2000 г. (за исключением 1936–1939 гг.). Годовые данные за 1936–1939 гг. были реконструированы на базе среднегодовых показателей за пятилетия 1933–1937 гг. и 1938–1942 гг. и годовых данных за 1933–1935 гг. и 1940–1942 гг. Напомним: в Японии урожайность риса измеряется массой зерна промежуточной очистки, собираемой с гектара, т.е. массой так называемого «коричневого риса». Последняя, как упоминалось выше, по данным, например, на 1989–1995 гг., меньше погектарного сбора *риса-падди* (риса в шелухе) на 20 процентных пунктов, но примерно на 15 процентных пунктов больше, чем масса полностью очищенного риса, готового к употреблению в пищу. Категорией «рис-падди» при измерении сборов урожая риса пользуется, в частности, ФАО⁷, многие рисопроизводящие страны мира. Что касается Японии, в таблице I-1 представлен ряд урожайности «коричневого» риса (т.е. зерна в оболочке).

В разное время статистические службы Японии пользовались различными мерами при исчислении урожайности зерновых культур, например, до 20-х годов это *коку/тан*, с середины 20-х годов — *гектолитры/гектар*, в 50-х годах — опять возвращение к национальной системе мер — *коку/тё* (или *тан*), и только в 60-х годах статистики начинают оперировать метрическими мерами. Перевод в метрическую систему мер осуществлялся из расчета, что 1 *коку* (мера объема) содержит 150 кг «коричневого риса», а 1 *гл* = 83,15 кг; 1 *тан* = 0,099 *га*, а 1 *тё* = 0,99 *га*.

Индия. Для Индии и Пакистана — стран, в которых временные границы сельскохозяйственного и календарного года не совпадают, данные, приведенные в таблице I-1, отмечены начальным годом, например: данные, показанные в таблице за 1901 г., касаются значений урожайности за 1901/02 г. и т.д. Для разработки сплошных рядов показателей урожайности зерновых и риса в Индии до 1946/47 г. мы располагали лишь двумя, причем вторичными по происхождению, источниками, пригодными для этих целей. Ряды С. Шивасубрамониана охватывают весь период с 1900/01 г. по 1946/47 г.⁸, ряды же У. Бёрнса (чиновника «Индийской гражданской службы», работавшего по заданию английской колониальной администрации) существенно короче, они распространяются лишь на 1911/12 – 1938/39 годы⁹. Причем оба автора, приводя сплошные ряды данных о площади и сборах зерновых культур за упомянутые годы, пользуются одними и теми же официальными источниками — публикациями: «Сельскохозяйственная статистика Индии» (Agricultural Statistics of India), «Оценки площади и урожая основных культур в Индии» (Estimates of Area and Yield of Principal Crops in India), а также, в некоторых случаях, отчетами правительств провинций «Условия сезона и производства сельскохозяйственных культур» (Season and Crop Reports).

Но если У. Бёрнс воспроизводит данные используемых источников, как правило, полностью, С. Шивасубрамониан стремится уточнять эти данные и в результате разрабатывает свои собственные годовые оценки площади посевов и производства зерновых культур в Индии, отличающиеся от официальных. Масштабы отклонений оценок урожайности, рассчитанных на базе данных С. Шивасубрамониана, от официально принятых ее значений (то есть рассчитанных по материалам работы У. Бёрнса) составляют, как правило, 0,3–3,0% (в двух случаях — 4,6% и 9,0%).

В предлагаемой вниманию читателя таблице I-1 использован весь ряд значений, опубликованных У. Бёрнсом (он охватывает период с 1911/12 г. по 1938/39 г.), эти данные касаются лишь Британской Индии, где статистический учет сельскохозяйственного производства был налажен существенно лучше, чем в индийских княжествах. И только для периода 1900/01–1910/11 гг. исходные данные для расчета урожайности зерновых культур (в том числе риса), были заимствованы из исследования С. Шивасубрамониана.

В рассматриваемый период колониальной администрацией в Индии оценка величины годовых сборов зерновых культур осуществлялась посредством адаптации к данному году категории «стандартный урожай», под которым подразумевался средний объем

продукта, реально получаемый на данной площади, обладающей почвами среднего качества, в год со средними погодными условиями (с конца 50-х годов *стандартный*, или *нормальный, урожай* применительно к данному году рассчитывался как среднегодовая величина действительного урожая, полученного за предшествующее десятилетие). Но уже в 30-х годах в некоторых районах Индии стал использоваться метод контрольных жатв на специально отобранных участках (площадью 25–50 м² или даже — при производстве волокнистых культур — 100 м²). Вначале такие жатвы, осуществлявшиеся в «стерильных» (то есть устраняющих возможность потерь продукта) условиях, выполняли корректирующую функцию, с их помощью уточнялась величина *стандартного урожая*.

Например, в 1936/37 г. в ведущем пшеницепроизводящем районе неразделенной Индии — Пенджабе — насчитывалось 510 контрольных участков для определения урожайности пшеницы, площадь под посевами которой охватывала 3,8 млн. га; то есть один контрольный участок как бы представлял 7,4 тыс. га посевной площади под пшеницей. На основе результатов контрольных жатв и корректировался применительно ко всей провинции показатель *стандартной урожайности*, величина которой была значима (то есть действовала как расчетный ориентир) в течение 5 лет, но каждый год в эту величину вносились поправки, учитывавшие климатические и иные особенности года.

С течением времени практика контрольных жатв в Индии стала служить способом *непосредственного определения* величины урожая. Например, в середине 60-х годов оценка 96% сбора зерновых культур была осуществлена посредством применения именно такого метода (Индия располагала в это время 94 тыс. экспериментальных участков, предназначенных для учета урожая). А на рубеже 70-х – 80-х годов обследования урожайности риса методом контрольных жатв, охватившие 97% площади его посевов, позволили адекватно оценивать 96% валовых сборов этой культуры¹⁰.

Можно попутно отметить, что определение урожайности (и величины сборов) зерновых путем использования методов годовых расчетов поправок к *стандартной урожайности* — достаточно распространенный метод статистического учета урожая. Например, в современной Японии используется категория *нормальная урожайность*, соответствующая индийскому понятию *стандартная урожайность*¹¹. Как и в Индии в свое время, она выполняет функцию базисного ориентира для оценки урожайности (и величины валового сбора) культуры в данном году.

Таким образом, в Индии (как и в Пакистане) и в Японии выход сельскохозяйственной продукции на единицу площади измеряется в параметрах биологической урожайности, фиксируемой на период сбора урожая; величина этого выхода неизбежно, по крайней мере на величину потерь урожая со времени от начала его уборки, отличается от действительно реализованной хозяйством, при этом действует правило: чем беднее хозяйство, тем большие потери оно несет.

Как свидетельствуют материалы специальных обследований, в Индии в 60-х годах такие потери продукции *риса-падди*, включая потери в период ее хранения в закромах, могли достигать 11–15% валового сбора культуры. Соответствующие потери в урожае пшеницы составляли в 1973/74 г., согласно официальным обследованиям, 5%, причем 2,7% приходилось на период хранения¹² (соответствующие показатели для 60-х годов — 8% и 6,5%). В Японии потери урожая *риса* в эквиваленте «коричневого риса» за все время от начала уборочных операций в середине 70-х годов не превышали 5% валового сбора¹³.

В Индии до независимости и в первые годы независимости статистические службы использовали английскую систему мер. В 1956 г. в Индии был принят закон о переходе на метрическую систему мер, которая должна была быть повсеместно введена к концу 1966 г.

Весь ряд исходных статистических данных, используемых для исчисления годовых значений урожайности риса (размер посевной площади, величина сборов) за период 1900/01–1948/49 гг., переведен из английской системы мер в метрическую (напомним, что 1 длинная тонна = 1016 кг; 1 акр = 0,4047 гектара). Начиная с 1949/50 г. данные об урожайности сельскохозяйственных культур по Индии были доступны в метрических мерах.

Весь ряд данных, открывающийся показателем за 1939/40 г., был получен из публикаций специализированного ведомства Индии — Министерства сельского хозяйства (имевшего различные наименования за последние 50 лет), причем за период 1939/40–1946/47 гг. таковые касаются неразделенной Индии, а с 1947/48 г. — Индии в ее современных границах. При расчетах рядов за 1939/40–1948/49 гг. показатели валовых сборов риса, опубликованные в эквиваленте *риса-падди*, были пересчитаны на очищенный рис по коэффициенту 0,66.

Штат Пенджаб является одним из основных пшеницепроизводящих районов Индии, где производство пшеницы, исторически главной сельскохозяйственной культуры, основывается

преимущественно на поливных землях (94,8% посевов в 1997/98 г., 98% - в 2003/04 г.). Отметим существенную деталь: на протяжении XX столетия территория, формировавшая индийский штат Пенджаб, претерпевала большие изменения; изменялась и статистическая база учета урожайности сельскохозяйственных культур. Так, в период с 1901/02 по 1943/44 гг. при определении урожайности использовались показатели производства, охватывавшего территорию Пенджаба до его раздела в 1947 г. на части, вошедшие в состав Индии и Пакистана; с 1944/45 по 1948/49 гг. — территорию Восточного (Индийского) Пенджаба, а с 1949/50 по 1952/53 гг. — его территорию после реорганизации (а именно включения штата PEPSU, объединившего княжество Патиала и Союз княжеств Восточного Пенджаба, в штат Пенджаб); в такой конфигурации штат Пенджаб сохранялся до 1966 г., когда из него были выделены территории, образовавшие новый штат — Хариана. Соответственно и урожайные данные, приведенные в таблице I-1 и относящиеся к 1966 г. и более позднему времени, касаются территории штата Пенджаб в его современных границах.

С 1901/02 г. по 1959/60 г. исходный статистический ряд, используемый нами, приведен в английской системе мер (производство пшеницы — в длинных тоннах, площади — в акрах), все данные этого ряда были переведены в метрическую систему авторами.

Пакистан. Организация учета урожаев сельскохозяйственных культур в Пакистане аналогична индийской.

Данные за 1901/02–1905/06 отражают динамику урожайности пшеницы, главной зерновой культуры, в неразделенном (индийском и пакистанском) Пенджабе, данные с 1906/07–1946/47 гг. относятся к западным районам провинции Пенджаб, включенным в результате раздела Индии в 1947 г. в состав Пакистана, где они сформировали основной пшеницепроизводящий регион этой страны (на Пенджаб приходится примерно 3/4 всех сборов пшеницы в Пакистане). Данные за период с 1947/48 г. по 2006/07 г. касаются всего Пакистана в его современных границах; они заимствованы из официальных (включая статистические базы ФАО — данные за 1994/95–2006/07 гг.) публикаций.

До 1946/47 г. статистическими службами использовалась английская система мер в учетной деятельности в сельском хозяйстве, при которой производство пшеницы измерялось в длинных тоннах, а площадь в акрах (см. раздел «Индия»). С 1947/48 г. в качестве основной единицы меры веса при измерении урожайности сельскохозяйственных культур был принят традиционный индийский

стандартный маунд (1 ст. маунд = 37,324 кг), хотя за английским акром было сохранено его место учетной единицы площади. В 70-х годах Пакистан перешел на метрическую систему мер, освоению которой сопутствовал ретроспективный пересчет временных рядов данных, необходимых для исчисления значений урожайности. Метрическими значениями последней авторы располагали по состоянию на период после 1959/60 г. Перевод соответствующих значений за предшествующие годы в метрическую систему мер был осуществлен авторами.

С Ш А. Регулярные статистические сведения о динамике сельского хозяйства публикуются в США с середины XIX века, а статистические данные по хлопку — даже с середины XVIII века, но они касаются преимущественно внешних товарных потоков сельскохозяйственного продукта и в весьма ограниченном объеме — его производства. Погодовые оценки урожайности сельскохозяйственных культур появляются в статистических публикациях США с 1866 г. Все сведения, приведенные в предлагаемой таблице I-1 (за 1866–2006 гг.), получены из официальных публикаций Бюро переписи США и Департамента сельского хозяйства США.

Сельскохозяйственные статистические службы США на протяжении всего периода своего существования оперируют английскими (с некоторыми вариациями) единицами мер. Показатели урожайности сельскохозяйственных культур мы переводили в метрическую систему мер из расчета, что емкость в один бушель вмещает 25,4 кг кукурузы, 27,2 кг пшеницы; в метрической системе приводится и урожайность хлопчатника; для измерения урожайности хлопчатника в США приняты английский фунт (0,4536 кг) и акр (0,4047 га), причем сборы этой культуры учитываются всегда раздельно по составляющим первичного продукта — в реальном весе массы полученного хлопкового волокна и массы хлопковых семян; урожайность культур — только в эквиваленте массы волокна.

Россия/СССР. По России/СССР мы приводим в этой книге статистический ряд урожайности, охватывающий период от рубежа XVIII–XIX вв. до начала XXI века. Сложным проблемам определения урожайности хлебов в России в XIX веке посвящается специальная глава (см. Главу II). Здесь же мы ограничимся замечаниями о характере урожайных данных за XX– начало XXI века.

Источником сведений по урожайности зерновых хлебов в завершающее пятилетие XIX века (1896–1900 гг.) было исследование российского экономиста начала XX века А.Ю. Финн-Енотаевского, базировавшееся в том, что касается статистики по сельскому хозяйству, на данных Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД России¹⁴. (Нами был использован ряд, относящийся к 50-ти губерниям Европейской России, без губерний, входивших в состав Царства Польского.)

Статистический ряд за 1901–1913 гг. был составлен на базе данных, использованных Н.Д. Кондратьевым в его работе «Рынок хлебов»¹⁵. В ней урожайность основных хлебов за этот период приведена по 47 губерниям Европейской России, на долю которой приходилось более 80% сборов зерновых в Российской империи. (Наибольшее доверие один из лучших статистиков тогдашней России, Н.Д. Кондратьев, оказал при отборе данных по урожайности за данный период статистическому изданию 1918 г. Лиги аграрных реформ, межпартийной — от кадетов до эсеров — организации, занимавшейся в 1917 г. разработкой программы аграрных преобразований и вскоре канувшей в лету.) Расчет средневзвешенных величин урожайности зерновых по Европейской России осуществлялся с учетом пропорций посевных площадей, занятых под основными культурами (6 хлебов), затем был осуществлен перевод значений урожайности, выраженных в пудах/десятина (1 пуд = 16,4 кг, а 1 десятина = 1,092 га), в значения кг/га.

Ряд же показателей урожайности основных зерновых культур с 1914 г. по 1991 г., с некоторым исключением по отдельным годам (см. ниже), базируется на официальных данных ЦСУ (ЦУНХУ) СССР, опубликованных в его статистических сборниках, в том числе специально посвященных сельскохозяйственному сектору экономики; на данных других официальных изданий (в частности, годовых обзоров народного хозяйства России/СССР). Следует отметить, что, возможно, свой отпечаток на степень информационной адекватности статистического ряда за первое десятилетие (1914–1923 гг.) наложили неурядицы военных лет и революций рубежа 10–20-х годов XX века. Так, погодовые данные, относившиеся к этому периоду, в том числе опубликованные ЦСУ (ЦУНХУ) СССР, отличались заметной разногласий (см. Приложение-1); для 1920–1923 гг. урожайность вообще исчислялась по «бальным оценкам видов на урожай» на момент уборки (хотя эти данные, по заключению ЦСУ, следовало считать «несколько приуменьшенными»)¹⁶. В последующие годы третьего десятилетия XX в. дисперсия значений урожайности существенно снизилась. Например, она составляла в

1924 г. — 0,8%, в 1925 г. — 3,5%, в 1926 г. 2,4%, в 1927 г. — 1,3%, в 1928 г. — 2,5%.

Хронической болезнью российской (советской) сельскохозяйственной статистики было искажение показателей, призванных отражать динамику воспроизводственного процесса. Порою эти искажения, порожденные требованиями господствовавшей тогда идеологии и практикой кратократического порядка, принимали столь значительные масштабы, что воссоздаваемые с помощью статистики картины—образы сельскохозяйственного роста отражали, скорее, фантомы какого-нибудь ирреального мира. Или, если сказать точнее, история сельскохозяйственной статистики России на протяжении советской эпохи знала периоды мощных взлетов волн фальсификаций, за которыми следовали периоды «отрезвления», отличавшиеся, помимо прочего, попытками реконструкции (восстановления) статистических данных, которые больше соответствовали бы истинным.

В этом отношении особого внимания заслуживает период 1932–1940 гг. Это время в истории российской статистики отмечено крупными деформациями сложившейся базы сельскохозяйственного учета; широким внедрением практики (использовавшейся и в дальнейшем) завышения реальных значений урожайности и сборов зерновых; закрытием большинства лучших статистических изданий; об этом свидетельствуют многие специалисты—историки, в частности, М.А. Вылцан, И.Е. Зеленин, С. Хедлунд, Ж. Медведев¹⁷.

Если обратиться к хронологии событий, то после первого Всесоюзного агротехнического совещания по вопросам повышения урожайности (оно было проведено Колхозцентром в 1932 г.) последняя в зерновой отрасли хозяйства необъяснимым образом, по данным официальной статистики, взмыла вверх. Как следует из анализа, проведенного упомянутыми исследователями, секрет этого «ларчика» открывался просто: с 1933 г. учетной категорией стала *видовая* урожайность, то есть урожайность, *ожидаемая* к началу уборки культуры и определяемая *по виду* стоящего урожая («урожайность на корню»).

По свидетельству И.В. Зеленина, в «Инструкции по измерению урожая на корню зерновых культур в 1933 г.» Центральной государственной комиссией (ЦГК) при СНК СССР по определению урожайности и валовых сборов зерновых от 22 мая 1933 г. разъяснялось, что «урожай на корню представляет собой весь урожай в поле, до последнего зерна. Это тот урожай, который может быть собран, если бы совершенно отсутствовали потери и хищения зерна при уборке и обмолоте хлеба»¹⁸. Зеленин же обратил внимание и на то, что «фактически уже с 1933 г. в официальных изданиях стали

публиковаться данные о биологической урожайности»; именно это понятие (введено в декабре 1932 г.) использовалось при расчетах размеров валового урожая (и урожайности) зерновых, по сведениям авторов справочника «Страна Советов за 50 лет» (М., 1967 г.), в публикациях, относящихся к 1933–1953 гг.¹⁹ Но концептуализировано официально понятие «биологическая («чистая») урожайность» как базис для расчета величины урожая, полученного в данном году, было в 1939 г. Иначе говоря, в основу официального определения урожайности и валового сбора зерновых в стране была теперь положена категория «чистая» урожайность — «урожайность на корню». (По экспертному заключению М.А. Вылцана, «понятия урожайности на корню и «биологическая» урожайность тождественны»²⁰.) Данная категория учета была использована и ретроспективно — при исчислении значений урожайности и величин сборов зерновых в 1936–1938 гг. (с 1933 по 1935 гг. за официально признанную величину урожайности принималось значение «урожайности на корню», минус «технически неизбежные потери»)²¹.

Из этого следует, что значения *биологической (видовой)* урожайности могли существенно превышать значения фактической (*амбарной*) урожайности; например, по зерновым культурам в период второй пятилетки (1933–1937 гг.) такое превышение составляло 23–25%²². В этом разрыве показателей отразилась, помимо прочего, величина потерь урожая, имевших место в период от начала его уборки до ссыпки в амбары (то есть размещения произведенного продукта *под крышу*)²³. В разгар «социалистического строительства» на селе (например, в 1930–1932 гг.) такие потери достигали, по оценке Народного комиссариата РКИ, 20–40% созревшего урожая; в целом же в 30-х годах они составляли 20–30% урожая²⁴. Отметим, однако, что по ЦУНХУ потери в 1930 г. были меньшими. Тот же Зеленин, со ссылкой на В.В. Осинского, тогдашнего начальника ЦУНХУ, сообщает, что в 1930 г. «формальный сбор» зерна в СССР составлял — 835,5 млн.ц, а «фактический урожай» — «не более 780 млн.ц», т.е. 93,4% «формального» объема; таким образом, урожайность достигала лишь 7,9 ц/га (по сравнению с официальным показателем — 8,47 ц/га)²⁵. Но при этом не было обозначено, какого рода урожай был принят за «формальный». Меньший объем потерь зерна в 1930 г. находит свое объяснение, по-видимому, в том, что коллективизация охватила пока относительно небольшую часть экономического пространства деревни. По состоянию на 1930 г. было коллективизировано 23,6% всех крестьянских хозяйств, располагавших площадью посевов зерновых 30,9% всего зернового клина.

Произвели же колхозы в 1930 г. лишь 27,8% валовой продукции зерна²⁶.

Исследователи останавливаются на сущностных мотивах этой статистической аномалии: система оценки размера урожая *по виду*, т.е. на его еще *биологической* стадии, позволяла кратократии существенно увеличивать норму обязательных поставок зерна в «закрома государства»; ведь размер принудительных отчуждений колхозного продукта задарма (обязательные поставки) устанавливался в 30-х годах, да и в послевоенный период²⁷ фактически как *фиксированная доля валового урожая зерновых*²⁷, оцененного *по виду* (или как доуборочная *биологическая* субстанция). Более того, «применение биологической урожайности означало более высокую оплату за работы МТС (на основе данных ЦГК стали исчислять натуроплату МТС), искусственное повышение товарности»²⁸.

И только после смерти Сталина в статистических изданиях, публиковавшихся в 1959 г. и позже, ретроспективно восстанавливаются значения урожайности за 1933–1939 гг., соответствующие категории *амбарный (фактический) урожай* (включающий, помимо собственно ссыпавшихся в закрома масс зерна, также те его массы, которые формировали «используемые в хозяйстве потери», приходившиеся на кормление скота непосредственно во время уборки урожая, общественное питание и другие аналогичные нужды)²⁹.

О глубине разрыва между *видовой* (или *биологической*) урожайностью, с одной стороны, и *амбарной*, с другой, в рассматриваемый период свидетельствуют следующие параллельные ряды данных (в *ц/га*)³⁰:

Урожайность:	1933г.	1934г.	1935г.	1936г.	1937г.	1938г.	1940г.
Видовая (биологическая)	8,8	8,5	8,9	8,2	11,5	9,2	10,7
Амбарная	6,7	6,5	7,3	5,6	9,3	7,3	8,6

Если мы проведем сравнения между годовыми показателями обоих рядов, то увидим, что различия между ними составляют 20–30%.

Для нашей таблицы показатель за 1936 г. был реконструирован из среднего значения показателя за пятилетие 1933–1937 гг. и годовых показателей за 1933, 1934, 1935, 1937 гг. Показатели за 1938, 1939 гг. соответствуют опубликованным М.А. Вылцаном (см. примечания к табл. I-1), показатель за 1940 г. приводится практически во всех изданиях ЦСУ СССР.

Статистическая ложь о сельскохозяйственном производстве достигла апогея в начале 50-х годов, когда Г.М. Маленков, озвучивший Отчетный доклад ЦК на XIX съезде КПСС (1952 г.), провозгласил, что СССР отныне производит 8 млрд. пудов (130 млн.т) зерна³¹. Ретроспективное «уточнение» этого показателя, осуществленное ЦСУ СССР с использованием методики расчетов *амбарного урожая*, уменьшило его значение до 78,7 млн.т на 1951 г. и 92,2 млн.т на 1952 г. Всего же производилось в СССР в 1949 – 1953 гг., на излете существования режима Сталина, 80,9 млн.т зерна в среднем в год³². Иначе говоря, статистическая величина сборов зерновых была завышена на 60,7%, причём реальная урожайность зерновых за период составляла лишь 7,7 *ц/га*, по сравнению со значением ее *биологического* (?) фантома — 12,4 *ц/га*.

Переход на исчисления сборов и урожайности зерновых в параметрах *амбарного урожая* (1959 г.) позволил устранить из системы сельскохозяйственной отчетности чрезмерные «завалы» фальсификаций прошлых лет. В период 1958–1964 гг. в официальных статистических публикациях, касавшихся сельского хозяйства, не только фиксировалось то, что, по-видимому, действительно было собрано на полях, но и восстанавливались реальные (или, может быть точнее — более близкие к реальным) статистические значения сборов и урожайности различных культур, хотя нередко лишь в среднегодовом исчислении за отдельные пятилетия, относящиеся к периоду конца 20-х – начала 50-х годов.

С окончанием Хрущевской «оттепели» произошла «смена декораций» и в сельскохозяйственном учете. В 1964 г. категория *амбарный урожай* была заменена на категорию *сбор в весе, первоначально оприходованном хозяйствами*; последняя же с 1966 г. превратилась в просто *сбор*. (Соответствующие изменения вносились и в категорию *урожайность*.)

Отказ от оценки сборов зерна в категории *амбарный урожай* дал импульс процессу, который можно было бы назвать «ползучей» фальсификацией, выразившейся в тенденции статистического завышения урожайности зерновых (данный «процесс пошел» с 1966 г.).

Характерное (хотя и косвенное) свидетельство: как явствует из статистических данных ЦСУ СССР, только за период с 1961–1965 гг. по 1966–1970 гг. урожайность зерновых в стране увеличилась сразу на 34,3%, а удельный вес сортовых посевов зерновых культур — лишь с 89% в 1965 г. до 95% в 1970 г., т.е. всего лишь на 6,7 процента. За период же 1966–1970 – 1971–1975 гг. (когда в стране уже полным ходом шли технологические

преобразования в сельском хозяйстве) урожайность зерновых культур возросла лишь на 7,3%; а за период 1971-1975 – 1976-1980 гг. — на 8,8%³³.

В 1990 г., чтобы устранить влияние искажений, вызванных «ползучими» фальсификациями, на оценку фактических сборов (и урожайности), в недрах ЦСУ СССР была изобретена особая категория — *сбор (урожайность) зерновых в весе после доработки*, показатели которого оказались меньше просто сборов (и просто урожайности) на 7,4%. Данная учетная категория была использована ЦСУ СССР для ретроспективной переоценки величины сборов зерновых (и урожайности) по 1985 г. (погодные данные) и отдельно для 1980 г., а также для обоих пятилетий 80-х годов. При расчете (уточнении) урожайности зерновых, в целях достижения сопоставимости показателей последней для всего статистического ряда, авторы распространили разработанный ЦСУ СССР коэффициент (7,4%) на весь рассматриваемый в ретроспективе период с 1984 г. по 1966 г. Таким образом, начиная с 1966 г. в предлагаемой вниманию читателя таблице I-1 приводятся значения урожайности зерновых *в весе после доработки*, в том числе исчисленные авторами.

К этому нужно добавить, что данные о сборах и урожайности зерновых (даже в значениях *до «доработки»*) в последние годы периода, получившего название в российской (советской) истории «эпохи застоя», вообще исчезли со страниц статистических ежегодников, издававшихся ЦСУ СССР. Запрет на их публикацию был наложен ЦК КПСС как раз в то время, когда страна вошла в полосу жесточайшего аграрного кризиса. Табу на предание гласности сведений об урожайности и сборах зерновых было постепенно снято лишь с 1985 г.

Статистический ряд по России/СССР заканчивается 1991 г. — годом распада советского государства.

РСФСР/Россия. По РСФСР/России все значения показателей урожайности зерновых извлечены из официальных публикаций ЦСУ СССР, СУ РСФСР, Госкомстата России (см. примечания к табл. I-1) и касаются территории РСФСР в границах после 1922 г. и Российской Федерации — с 1991 г.

За первые два десятилетия XX века сведения об урожайности зерновых на территории, сформировавшей территорию РСФСР, оказались наиболее скудны, за этот период авторы располагали показателями: средним за десятилетие 1905–1914 гг. (в табл. I-1 он обозначен значением за 1910 г.), средним за пятилетие 1909–1913 гг. (см. значения за 1912 г.) и годовыми данными за 1913, 1914 гг.

И, конечно, напроць отсутствовали сведения об урожайности хлебов в будущей РСФСР за годы гражданской войны в России — 1918 г. и 1919 г. Но за третье десятилетие (20-е годы) по территории РСФСР имеется сплошной ряд значений урожайности зерновых (см. табл. I-1).

Так же, как и при разработке статистических рядов по СССР, был осуществлен перевод значений урожайности, выраженной в *пудах/десятина*, в эквивалент *кг/га*.

Манипуляции со статистикой в рамках РСФСР были ничуть не меньше, чем в масштабах всего СССР. За 1933, 1934, 1937 годы в опубликованных ЦСУ СССР источниках (30-е годы) по РСФСР приведены показатели только *видовой* урожайности. При оценке реальных значений урожайности по РСФСР за эти годы мы ориентировались на масштабы разрыва, который был выявлен за те же годы для СССР между *видовой* урожайностью, с одной стороны, и *амбарной*, с другой. За 1935, 1936, 1938, 1939 годы мы не располагали значениями даже *видовой* урожайности.

Урожайность зерновых за 1966–1984 гг. была пересчитана на урожайность *в весе после доработки*, аналогично тому как это было сделано применительно к России/СССР, а именно с уменьшением каждого годового показателя на 7,4%. В официальных публикациях 1990 г. и последующих лет значения урожайности зерновых с 1985 г. уже пересмотрены и показаны *в весе после доработки*.

Статистические публикации Госкомстата России за 2000 г. и последующие годы, приводят статистический ряд показателей урожайности зерновых в значениях величины продукта, полученного с одного гектара «убранной» площади. Такие данные, однако, в XX веке ограничиваются лишь его последними пятнадцатью годами, но полностью представлены прошедшими годами XXI века; выглядят они следующим образом (в *ц/га по годам*)³⁴:

1986–1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
16,5	15,1	18,0	17,1	15,3	13,1	14,9	17,8	12,9

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
14,4	15,6	19,4	19,6	17,8	18,8	18,5	18,9	19,8

Однако в таблице I-1 в целях сравнимости годовых значений показателя за долговременный период показаны значения урожайности зерновых в расчете на гектар *посевной* площади, как это

было в предыдущих изданиях статистического ведомства СССР/России.

Казахстан. Весь статистический ряд урожайности зерновых по Казахстану составлен по данным официальной статистики (Министерства земледелия России — до 1913 г., ЦСУ СССР, ЦСУ Казахской ССР — до 1991 г., а с 1991 г. — Агентства Республики Казахстан по статистике). При разработке данных по урожайности в Казахстане наибольшие затруднения состояли в том, чтобы по возможности полнее учесть урожайность зерновых до момента образования Казахской ССР — в тех районах, которые впоследствии вошли в состав этой республики бывш. СССР. Данные об урожайности зерновых с 1906 г. по 1913 г. базируются на данных Министерства земледелия России и касаются четырех Степных областей (Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской) и всех продовольственных и кормовых культур (всего семи культур). Причем показатель за 1906 г. отражает среднегодовую величину за 1901–1910 гг., а показатели за 1909 и 1910 гг. рассчитаны исходя из среднегодового значения урожайности зерновых за 1909–1913 гг., равно 4,2 ц/га, и годовых значений за 1911, 1912, 1913 гг. Данные за 1914–1917 гг. взяты из статистических публикаций ЦСУ СССР 1924 года и касаются упомянутого региона (четыре Степных областей) и того же набора зерновых хлебов. Показатели за 1920–1923 гг. относятся к Киргизской АССР, в которую были включены территории, составившие впоследствии территорию Казахской ССР, показатели за 1924–1926 гг. — Казахской АССР и Киргизской АССР, а показатели за 1927–1932 гг. — Казахской АССР, учитываемое число возделываемых зерновых культур — прежнее (семь хлебов). За период с 1937 г. по 1990 г. приведенные данные относятся к Казахской ССР, а с 1991 г. — Республике Казахстан. Значения урожайности зерновых за 1988–2006 гг. показаны в *весе после доработки*.

Узбекистан. По Узбекистану были проанализированы статистические ряды урожайности хлопчатника и зерновых культур. Движение продукта хлопкопроизводящего хозяйства в Средней Азии статистические ведомства стали регулярно отслеживать со времени ее присоединения к Российской империи, то есть с 80-х годов XIX века, при этом до 1917 г. объектом статистического учета были товарные сборы хлопка. Поскольку дело касалось «узловой» для восходящего капитализма культуры, такой учет был организован, несмотря на отмеченные выше изъяны в нем (см. прим. 1), существенно лучше, чем в зерновой отрасли народного хозяйства

России. В результате оказалось возможным составить сплошной ряд данных по урожайности хлопчатника с 1889 г. по 2006 г..

Представленный сплошной ряд составлен из показателей, относящихся к разным для различных периодов территориальным ареалам хлопкопроизводства. Для периода 1889–1901 гг. использованы официальные данные по Ферганской области Туркестанского края, представленные А.П. Демидовым (область производила до 1917 г. значительно более половины всего российского хлопка); за период 1902–1924 гг. мы сочли наиболее достоверными данные, собранные Главным хлопковым комитетом России и систематизированные крупным ученым тогдашней России, специалистом по хлопкопроизводству, В.И. Юферовым; они касаются Туркестанского края. Все последующие показатели (1925–2006 гг.) характеризуют динамику урожайности хлопчатника в Узбекистане в его современных границах.

При анализе и отборе годовых значений урожайности, когда представлялась возможность, мы сравнивали и оценивали показатели за идентичные периоды из нескольких статистических источников, которые содержат различающиеся (порою существенно) величины этих показателей. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на имеющийся сплошной ряд таковых за 1905–1965 гг. по Узбекистану, ряд, разработанный узбекским статистическим ведомством в 60-х годах и представленный во многих случаях (для периода до 1924 г.) округленными годовыми значениями урожайности хлопчатника. Он опубликован в статистическом справочнике «Хлопководство в Узбекистане за 50 лет» (см. табл. I-1, примечания) (Данные из этого справочника были использованы главным образом для составления ряда, относящегося к советскому периоду истории Узбекистана.)

Наиболее значительное число данных по урожайности хлопчатника в Узбекистане за рассматриваемый период реально возможно было собрать только в категории *хлопка–сырца*, вместе с тем мы приводим (для сравнения с урожайностью хлопчатника в США) и ряды показателей урожайности культуры в эквиваленте *хлопка–волокна* за те годы, когда статистические ведомства СССР считали возможным предавать такие данные гласности. (За 1902–1924 гг. оказалось возможным представить сплошной ряд значений урожайности хлопчатника в эквиваленте *хлопка–волокна*. Он составлен В.И. Юферовым.)

Перевод значений, приведенных в *пудах/десятина*, в метрическую систему был осуществлен по коэффициентам, описанным в разделе «Россия/СССР».

В истории сельскохозяйственной статистики Узбекистана, как и всей советской сельскохозяйственной статистики, можно выделить периоды, когда ее с особой силой поражал вирус фальсификаций.

Внимание читателя не пройдет мимо аномалий в статистической картине, показывающей динамику урожайности хлопчатника в Узбекистане в 30-х годах. Как следует из материалов таблицы I-1, в середине 30-х годов здесь произошел внезапный резкий, необразующийся со всей послеколлективизационной обстановкой, скачок в урожайности данной культуры (среднегодовая статистически показанная урожайность возросла с 9,0 ц/га в 1931–1935 гг. до 16,4 ц/га в 1936–1940 гг., или на 82%). После «разгона» размеров площади хлопковых полей в Узбекистане, происшедшего в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.), эти площади в силу относительной невыгодности возделывания культуры стали сокращаться (они уменьшились на 7,4% за 1932–1940 гг.), и процесс такого сокращения не могли остановить даже специальные меры, принятые властью по стимулированию хлопкопроизводства (повышение в 1935 г. заготовительных цен на хлопок-сырец, увеличение размеров авансирования хлопкопроизводителей, новые условия выплаты премий-надбавок за «сверхплановый хлопок» и некоторые другие)³⁵. Напомним также, что — и это, видимо, главное — вся страна переходила в середине 30-х годов к оценке сборов сельскохозяйственных культур по их *видовой* урожайности. Показатель последней в хлопкопроизводстве Узбекистана был представлен на 1937 г. в канонизированном статистическом документе того времени³⁶ величиной 16,1 ц/га. Благодаря такому показателю республика внесла весьма весомый вклад в разработку общесоюзного показателя урожайности хлопчатника (12 ц/га), которого хлопкоробам СССР решением ЦК ВКП(б) на ее XVII съезде (1934 г.) предписывалось достичь к «концу второй пятилетки» (1937 г.) («достигли» 12,2 ц/га).

Еще одна волна широкомасштабных фальсификаций в сельскохозяйственной статистике захватывает Узбекистан во второй половине 70-х и особенно — первой трети 80-х годов. В истории плановой экономики республики это был период, когда во весь голос заявило о себе явление, получившее официальное название «приписки» (в хозяйственной отчетности). «Приписочная» болезнь с особой силой поразила хлопкопроизводящую отрасль хозяйства Узбекистана; «приписки» в показателях сборов хлопчатника автоматически влекли за собой приписочное увеличение показателей урожайности культуры (и, соответственно, размеры выплат из государственного бюджета).

О размерах только официально выявленного (до конца ли?) «приписочного» фантома в статистически показанной урожайности хлопчатника можно судить по величине разности между первоначально обнародованным ЦСУ СССР показателем производства хлопка-сырца и впоследствии *пересмотренным* («поправленным») его аналогом (этот пересмотр произошел под влиянием правоохранительных процедур, предпринятых государством). Для периода 1976–1980 гг. среднегодовая величина такой разности составляла по урожайности культуры хлопка 6,4%, а для периода 1981–1983 гг. — 18,6%³⁷ (или 5ц/га, при исходном значении первого показателя — 31,8 ц/га, и второго — 26,8 ц/га). Для таблицы I-1 отобраны ретроспективно *пересмотренные* (после 1987 г.) значения урожайности хлопчатника за данный период. При этом пересмотренные *погодные* показатели за 1976–1979, 1981–1983 годы были исчислены нами по методике, использованной при реконструкции отсутствующих (неопубликованных) годовых значений урожайности зерновых для статистического ряда, относящегося к России/СССР.

Искажениями статистической отчетности был охвачен и зернопроизводящий сектор сельского хозяйства Узбекистана³⁸. Однако по продукции зерна оценки масштабов фальсификации сделаны и опубликованы не были. Авторы распространили «нормативы» «приписочного» объема сборов хлопчатника на сборы зерновых, полагая, что полученные значения ближе к тем, которые отражают реальную урожайность зерновых, нежели те, которые были приведены в статистической отчетности ЦСУ СССР конца 80-х годов. Эти новые значения были приведены в таблице I-1 (см. колонку 15). Ниже приводятся ряды обоих показателей — фальсифицированных (I) и пересмотренных (оцененных заново): ЦСУ СССР — по хлопку (II); и авторами настоящей работы — по зерновым (II) (в ц/га):

Культура		1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983
хлопок-сырец	I	30,0	31,6	30,2	31,5	33,2	32,2	31,7	31,4
	II	28,2	29,7	28,4	29,6	29,7	27,1	26,7	26,4
зерновые	I	16,9	14,9	21,2	20,9	20,7	23,8	22,9	26,5
	II	15,9	14,0	19,9	19,6	19,5	20,0	19,3	22,3

Приложение-1

Варианты официальных оценок урожайности хлебов в России, 1909–1923 гг.*, ц/га

Год	Источник и дата опубликования оценки							
	Центральный статкомитет МВД России 1913, 1915 гг.	СТО России 1922 г.	ЦСУ СССР 1924 г.	ЦСУ СССР (П. Попов) 1926 г.	ЦУНХУ СССР 1932 г.	XVII съезд ВКП(б) (И. Сталин) 1934 г.	ЦСУ СССР 1958 г.	ЦСУ СССР 1961 г.
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1909				8,6				
1910				8,1				
1911				6,1				
1912	8,2			8,4				
1913	8,8			9,0		8,5	8,2	8,2
1914	6,9		6,9	7,4				
1915	7,9		8,0	8,4				
1916			7,2					
1917			6,9					
1918								6,4
1919								6,0
1920		5,9	5,4					6,2
1921		5,6	4,8		5,3			5,7
1922			7,6	8,4	7,7			5,0
1923			6,2	7,2	7,3			

* Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград, 1914. С. VII; Народное хозяйство [России] в 1915 году. Петроград, 1918. С. 31, 32; Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин, 1922. С. 10; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924. С. 128–129; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ, 1924. С. 80–81; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Под ред. Попова П. И. М.: Госкомстат России, 1993 (Ретроспективное воспроизведение издания 1926 года). С. 121; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932 г. М.–Л., 1932. С. XXXIX; XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934 [Отчетный доклад Сталина И. В.]. С. 10, 19; Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. М., 1959. С. 418; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С. 341.

Глава II

Движение урожайности хлебов в России.

1795–2007 годы.

Периодизация исторических этапов*

В настоящей главе мы предполагаем рассмотреть, по необходимости в весьма сжатом виде, два вопроса, представляющиеся нам наименее изученными в рамках заявленной темы. Это, во-первых, вопрос о способе воспроизведения сплошного ряда показателей урожайности зерновых хлебов за XIX век — в единицах измерений, адекватно сопоставимых с принятыми в России с 20-х годов XX века — метрическими мерами. При этом будет описана методика системного перевода старых русских мер исчисления урожайности в метрические. И, во-вторых, мы предпримем попытку, используя сплошные ряды урожайных данных, выраженных в единообразных мерах, за 1795–2007 гг., — охарактеризовать, кратко, в самых общих чертах, особенности (этапы) двухвекового движения урожайности зерновых хлебов, оценивая его как целостный процесс, испытывающий воздействие многообразных, длительного действия, детерминантных обстоятельств.

1. Исчисление урожайности

Для времени, охваченного границами данной главы, наибольшую сложность в оценке величины урожаев и урожайности хлебов в России представляет вопрос о переводе мер, действовавших в XIX веке, в стандарты мер, принятые в XX веке. В определении сборов зерна использовались, по меньшей мере до начала 80-х годов XIX в., исключительно меры объема. Более того, в единицах объема, т.е. четвертях, измерялась даже площадь посевных земель. Соотношения между категорией «четверть» (стандартная — казенная — четверть вмещала 209,9 литра) и ее весовым наполнением, выраженным в пудах, можно надежно отследить только со времени организации в системе Центрального статистического комитета (ЦСК)

* В главе использован материал статьи авторов «Об урожайности хлебов в России: 1795–2002 гг.», первоначально опубликованной в: *Вопросы статистики*. 2004, №5. С. 47–65.

Министерства внутренних дел России (МВД) новой («централизованной») формы сбора и последующей разработки статистической информации по сельскому хозяйству (начало 80-х годов XIX в.).

Между тем *весовое* наполнение четверти существенно разнилось от губернии к губернии. У каждой культуры была, конечно, «своя» (по весу) четверть. В конце XIX в. (1870–1900 гг.) весовое наполнение четверти по четырем основным зерновым культурам российского земледелия, по исчислениям А.С. Нифонтова, составляло в среднем: для пшеницы — 154,0 кг, для ржи — 144,1 кг, для овса — 91,7 кг, для ячменя — 119,6 кг¹. Это означало, что в каждом особом (отдельно взятом) районе (например, губернии) весовое наполнение средневзвешенной («губернской») четверти было тем значительнее, чем больше на его территории засеивалось «тяжелых» хлебов — ржи и пшеницы, и тем меньше, чем больше посевных площадей отводилось под «легкие» хлеба — овес и ячмень (мы берем здесь только эти основные четыре хлеба, на которые, в 1801–1880 гг. приходилось примерно 88%, а в 1881–1915 гг. — более 90% всех посевов зерновых культур). Таким образом, весовое наполнение средней по губернии казенной четверти при ее строго фиксированном (стандартном) объеме определялось, во-первых, структурой посевов зерновых, и, во-вторых, качеством засеваемого зерна каждой культуры; изменение этих детерминант влекло за собой и изменение веса «региональной» (например, «губернской») четверти. (О погубернских различиях в весовом наполнении четверти по культурам весьма наглядно свидетельствуют данные таблицы Приложения-2². Из этих же данных читатель также может получить представление, как изменялось весовое наполнение четверти, характерное для той или иной культуры, — в зависимости от того, годы «тучных коров» или годы «тощих коров» переживал российский пахарь.)

Что же касается урожайности, т.е. выхода зерна на единицу площади (в принятых в настоящее время в России мерах урожайность выражается в количестве зерна в кг, или *центнерах*, полученного с одного *гектара* посевной, а с 2000 г. — «убранной», площади), в XIX в. использовалась категория *сам-столько*. *Сам* представлял собой отношение объема собранного урожая зерновых культур, измеренного в *четвертях*, к объему высеянных семян, также измеренному в *четвертях*. Соответственно объем продукта (зерна), полученный на единицу площади посева, исчисленный как кратное величины *сама*, т.е. объема высева семян на данную земельную единицу, и обозначал урожайность.

Заметим сразу же, что сравнить урожайность зерновых, представленную весовым отношением собранного хлеба на единицу

площади (будь то *пудов с десятины* или *килограммов с гектара*), с урожайностью, выраженной отношением объема собранного и посеянного хлеба (*сам*), без применения специальной методики расчетов практически невозможно. Причем даже новая система мер, предложенная ЦСК с 1880-х годов, не могла быть ретроспективно распространена на более ранний период³; сложность пересчетов была «многослойной».

Исходя из изложенного выше, мы можем ввести такую учетную категорию, как *вес сама*, с помощью которой можно автоматически осуществлять перевод традиционной русской меры урожайности — *сам-столько* в современные весовые категории урожайности — *кг/га*. *Вес сама* представляет собой количество продукта (выраженного в *кг/га*), соответствующее урожайности *сам-1*.

Как видно, *вес сама* функционально зависит от весового наполнения четверти, которое изменяется в ходе экономического процесса и которое для каждого данного исторического периода еще нужно определить. Но он зависит не только от этого. Другой детерминантой *веса сама* являются технические характеристики высева — густота высева данной культуры на единицу площади посева (причем густота высева для каждой культуры была «своя» и тоже изменялась от губернии к губернии).

Итак, исторически в российской деревне на *вес сама* воздействовали две силы, векторы изменений которых были направлены в противоположные стороны. С одной стороны, утяжеление весового наполнения средневзвешенной четверти (о причинах этого явления см. ниже) влекло за собой увеличение веса общероссийского *сама*, функционально с ней связанного, а, с другой стороны, уменьшение густоты высева на единицу площади приводило к сокращению *веса сама*. Направление же общей тенденции определялось результирующим вектором этих противоборствующих влияний.

По данным «Свода урожайных сведений» можно отследить следующую тенденцию в изменениях соотношения между обоими техническими параметрами зернового производства, а именно: *обратную зависимость* между изменениями весового наполнения четверти, с одной стороны, и изменениями густоты высева, или объема высеянных семян на единицу площади, с другой (см., например, динамику соответствующих погодных показателей, представленных в таблице Приложения-2, по культурам и по губерниям районов традиционного русского земледелия, — Центрального промышленного и Центрального земледельческого. Гораздо более отчетливо, более определенно эта тенденция проявлялась в масштабах российского земледелия, взятого в целом; см. табл. II-3. О региональных и

общенациональных аспектах указанной зависимости подробнее см. ниже).

Чем выше было весовое наполнение четверти, тем больше была площадь, которая могла быть засеяна одной четвертью. Это означало, что объем зерна (измеряемый в четвертях), высеваемый на единицу площади, изменялся в обратной пропорции к весовому наполнению четверти: ведь чем выше был вес четверти, тем меньше четвертей зерна *данного вида* нужно было использовать для засева единицы площади. И наоборот, чем гуще был высев семян, тем больше четвертей зерна требовалось для засева единицы площади. При этом должен был учитываться тот простой факт, что в целях оптимизации земледельческого производства крестьяне должны были засеивать пашню, исходя из существовавших климатических и почвенных условий производства, требовавших по районам разного количества зерна для посева на одних и тех же по размерам площадях.

В результате вес *сама*, зависимый от произведения двух переменных — весового наполнения четверти и показателя густоты посева, векторы изменения которых направлены относительно друг друга в противоположные стороны, — колебался значительно меньше, чем каждая из этих переменных. Урожайность же, выраженная в *кг/га*, в погодном движении изменялась еще меньше, чем исчисленная в *самах*.

Здесь мы отслеживаем еще одну закономерность: исторически количество собранного зерна, измеряемое в *самах*, на единицу объема посеянного зерна (урожайность *сам-столько*) в среднем по России увеличивалось, а *вес сама* сокращался. Отсюда — меньшее изменение величины урожайности, выраженной отношением *кг/га*. В результате при росте урожайности, измеренной в *самах*, ее величина, выраженная в *кг/га*, могла даже сохраняться на *одном и том же уровне* на весьма протяженном отрезке исторического времени. Так, средний ежегодный темп прироста урожайности зерновых, выраженной в *сам-столько*, за период 1801–1861 гг. составляет в соответствии с трендом ее погодной динамики, исчисленным Альб. Л. Вайнштейном, 0,04%⁴. Этот показатель совпадает со значением рассчитанным авторами настоящей работы для периода 1795–1867 гг. Средний же темп прироста урожайности, выраженной отношением *кг/га*, составляет для этого периода (-)0,001% в год, т.е. близок к нулевой отметке (см. табл. II-6, рис. II-1⁵).

Отметим также, что в «Своде урожайных сведений», разработанном ЦСК, измерение урожайности было осуществлено — за период с 1883 г. по 1915 г. — по двум методикам (линия: «четверть—

сам», и линия: «пуд—десятина»). Взятые в совокупности, эти данные позволили установить количественные соотношения между аналогичными (однозначными) параметрами в охваченных систематическими наблюдениями ЦСК губерниях России (см. Приложение-2).

Таким образом, рассмотренные выше зависимости можно выразить следующими формулами:

$$W_{\text{сам}} = N_{\text{четв.}} \times W_{\text{четв.}}$$

где $W_{\text{сам}}$ — вес *сама*, выраженный в *кг/га*; $N_{\text{четв.}}$ — количество *четвертей* зерна, посеянного на один *гектар* (или средневзвешенное по «корзине» культур значение этого показателя); $W_{\text{четв.}}$ — весовое наполнение *четверти*, выраженное в *кг* (или средневзвешенное по «корзине» культур значение данного показателя). Соответственно:

$$Y_{\text{га}} = Y_{\text{сам}} \times W_{\text{сам}}$$

где $Y_{\text{га}}$ — урожайность, выраженная в *кг/га*, $Y_{\text{сам}}$ — урожайность, выраженная в *сам-столько*, $W_{\text{сам}}$ — вес *сама*, выраженный в *кг/га*.

Системные исследования долгосрочной динамики урожайности зерновых культур начались в России в конце XIX в., тогда же стали исследоваться вопросы статистических оценок урожайности, в том числе перевода старых русских (объемных) мер урожайности в весовые их аналоги (существовавшие в то время). К концу XIX в. уже достаточно хорошо был налажен государственный учет урожая зерновых культур, основывавшийся на систематических статистических наблюдениях, при этом для оценки урожайности использовался метод выборочных (пробных) умолов⁶.

Коснемся кратко организации статистического учета сборов зерновых хлебов в России в XIX в. в изложении А.С. Нифонтова⁷. Уже со второй половины XVIII в. Вольным экономическим обществом регулярно проводились анкетные обследования состояния сельского хозяйства в России. В XIX в. организация учета принимает еще более системный вид. Так, статистический учет на землях сельскохозяйственного назначения велся тремя ведомствами: это Министерство внутренних дел (МВД), в ведении которого были все помещичьи и надельные сельскохозяйственные угодья по губерниям (59% всех посевов зерновых в 1860 г.), Министерство государственных имуществ (МГИ), в ведении которого находились все сельскохозяйственные угодья государственных крестьян на казенных землях (38%), и Ведомство уделов, которое осуществляло наблюдения за хозяйствами удельных и дворцовых крестьян (3%). Годовые губернские отчеты составлялись по совокупным данным этих трех ведомств. Считается, что наибольшей точностью отличались данные, представленные МГИ и Ведомством уделов. Что касается статистических сведений МВД, в сборе которых принимали участие

представители полиции, а на ранних этапах — эмиссары Генерального штаба, то, так как эти отчеты использовались, помимо прочего, и для взимания налогов, данные о сборах зерновых могли быть по некоторым районам занижены. Но большинство российских ученых-аграрников XX века считает, что в целом губернские отчеты дают достаточно точную картину сборов зерновых хлебов в Европейской России, а упомянутые неточности сглаживаются единообразием методики и широтой выборки как по районам каждой губернии, так и по всем губерниям России в целом; а также повторяемостью из года в год методики сбора статистических данных за XIX век.

С начала 80-х годов Центральный статистический комитет начинает вести систематический учет урожайности зерновых на землях всех типов, причем, как уже упоминалось, сразу в двух системах мер — старых русских объемных (*сам-столько*) и современных (на тот период) весовых и поземельных (сначала, до 1887 г., — *четверть/десятина*, затем, с 1888 г., — *пуд/десятина*).

Из доступных в наши дни специальных работ обратим внимание в первую очередь на исследование динамики урожая ржи с 1800 г. по 1889 г., осуществленное А.Ф. Фортунатовым⁸. Он фактически был первым, кто попытался составить длинный ретроспективный ряд урожайности в расчете на единицу площади (десятину). Им был проведен сравнительный анализ урожая ржи по всем основным статистическим источникам того времени (земская статистика, губернские отчеты, материалы Центрального статистического комитета МВД России). В частности, А. Фортунатовым был установлен факт: данные ЦСК по урожаям ржи примерно на 7% превышают данные губернских отчетов. Забегая вперед, отметим, что это расхождение побудило В.Г. Михайловского уточнить свои ряды урожайности, составленные по губернским отчетам, в целях их сопоставимости с данными ЦСК. А.Ф. Фортунатов также исследовал влияние различных факторов (как агротехнических и климатических, так и социально-экономических) на динамику урожайности ржи.

Но для практической работы использовать данные А.Ф. Фортунатова не представляется возможным. Эти данные получены на основе обследований отдельных хозяйств, причем до середины XIX века ряд автора по урожайности ржи построен по единичным записям, касающимся в основном помещичьих экономий, где показатели урожайности были заведомо выше среднестатистических по России. На тот факт, что из-за неравномерной (по количеству обследованных хозяйств) выборки по различным периодам (десятилетиям) XIX в. невозможно проводить корректные сравнения динамики урожайности на временном отрезке протяженностью в столетие, обратил

внимание Альб.Л. Вайнштейн в своей работе об эволюции урожайности зерновых хлебов в России⁹.

Ряд предложений практического характера о переводе исчислений урожайности зерновых культур на подесятинный метод измерения составил крупный специалист по теории сельскохозяйственной статистики П.А. Вихляев¹⁰. Но в связи с множественностью факторов, влияющих на коэффициенты перевода урожайности из одних мер в другие, «многослойным» характером зависимостей между этими мерами, трудоемкости вычислительной работы (при отсутствии быстродействующих вычислительных устройств), использование предложенной ученым методики для целей ретроспективного анализа развития не получило.

В 1921 г. В.Г. Михайловский составил сплошной ряд урожайности зерновых, выраженный в *сам-столько*, с 1801 г. по 1914 г. по 60 губерниям России¹¹. По информативной насыщенности и временной протяженности этот ряд до сих пор не имеет себе равных. При составлении данного ряда ученый использовал статистику губернских отчетов за период 1801–1882 гг. и данные ЦСК за 1883–1914 гг. При этом В.Г. Михайловский учел рекомендации, сделанные А.Ф. Фортунатовым, о методе преодоления несовместимости статистических сведений, собранных различными статистическими ведомствами (см. выше). Так, при составлении ряда совокупной урожайности зерновых за 1801–1882 гг. он увеличил значения оригинальных показателей, полученных из губернских отчетов, на 6,3% в целях сравнимости их с данными за 1883–1914 гг., разработанными ЦСК. М.И. Семенов¹² в дальнейшем, проанализировав ряд В.Г. Михайловского, подтвердил правомерность уточнений, сделанных последним (равномерное увеличение показателей всего ряда на 6,3% за 1801–1882 гг.), добавив к нему значение (выраженное в *сам-столько*) за 1915 г., но пересмотрел значения урожайности зерновых за 1840, 1842, 1843 гг. (при этом М.И. Семенов опирался на оценки А.Ф. Фортунатова, касавшиеся урожая лишь одного хлеба, хотя и главного тогда в России, — ржи). Для нашего исследования использован ряд урожайности зерновых (в *сам-столько*) с 1801 г. по 1915 г., составленный В.Г. Михайловским и уточненный М.И. Семеновым (см. табл. II-7)¹³. Этот ряд дополнен нами данными Н.Л. Рубинштейна за 1795 г.

Из работ историков второй половины XX века следует выделить упомянутое фундаментальное исследование А.С. Нифонтова. Содержащийся в нем материал по урожаям зерновых в 50 губерниях Европейской России в 1851–1900 гг. базируется, как и у В. Михайловского, на данных «Приложений к годовым отчетам

губернаторов» — за 1851–1882 гг., и данных ЦСК — за 1883–1900 гг. Причем статистика урожаев зерновых по губернским отчетам приводится в первоначальном виде (т.е. не исправленном по методу, предложенному А. Фортунатовым). Для соотнесения данных Михайловского с оригинальными данными ЦСК, приведенными в книге А.С. Нифонтова¹⁴, по данным ЦСК была исчислена урожайность зерновых (в *сам-столько*) за период 1883–1900 гг. Оба ряда были фактически идентичны (погодные расхождения составляли 0–3%).

Как же изменялись основные параметры зернового производства, имеющие непосредственное отношение к расчетам коэффициентов перевода урожайности, выраженной в *сам-столько*, в урожайность, исчисляемую отношением *кг/га*, за рассматриваемый более чем вековой период исторического времени (от конца XVIII в. до начала XX в.)?

Структура посевных площадей, занятых под зерновыми.

В оценке изменений данного параметра авторы опирались на работы Н.Л. Рубинштейна¹⁵, Б.Н. Миронова¹⁶, Н.Д. Кондратьева¹⁷, статистические материалы, публиковавшиеся Министерством земледелия России в начале XX века. Сведенные в единую таблицу данные этих источников показывают следующую картину изменений в структуре зерновых посевов (см. табл. II-1).

Таблица II-1

Россия: распределение посевных площадей под четырьмя основными хлебными культурами *, %

Год / период	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень
1795	51,2	30,9	9,7	8,2
1801–1840	50,2	28,9	11,7	9,2
1841–1870	47,2	29,2	14,2	9,4
1871–1880	46,0	28,3	16,7	9,0
1881–1890	45,5	25,0	20,5	9,0
1891–1900	40,9	23,9	23,9	11,3
1901–1905	37,2	22,4	29,0	11,4
1906–1910	33,2	22,0	31,8	13,0
1909–1913	32,0	20,7	33,9	13,4
1914–1915	30,1	20,1	35,8	14,0

* Составлено и подсчитано по: Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 444–453 [данные за 1795 г.]; Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.). Л.: «Наука», 1985. С. 44 [данные за 1801–1900 гг.]; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов

и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С. 89 [данные за 1901–1905 гг.]; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград, 1917. С. 60–61 [данные за 1906–1915 гг.].

Примечание: Б.Н. Миронов в своей работе «Хлебные цены в России» (с.44) показывает структуру распределения посевных площадей под различными зерновыми культурами за 1801–1840 гг. и 1841–1880 гг., оцененную по количеству четвертей посеянного зерна. А.С. Нифонтов убедительно доказал, что такие соотношения невозможно определять по количеству засеянных четвертей; это, по его мнению, приводит к «серьезным искажениям соотношения посевов разных хлебов»: ведь весовое наполнение четверти у каждой культуры разное (см.: Нифонтов А.С. «Зерновое производство России во второй половине XIX века». С. 169–170). Автор иллюстрирует: при измерении площади мерами объема зерна (выраженного в *четвертях*) на овес в 70-х годах XIX в. приходилось «более трети общего высева зерновых в России», хотя его доля в среднем составляла лишь около одной четверти веса всей массы высеянного зерна. В результате площадь под «тяжелыми» хлебами занижалась (в 70-х годах — более чем на 8%).

Другой метод исчисления структуры посевов хлебных культур — более точный, по нашему мнению, — предполагает соотнесение объемов засеянного зерна с густотой высева каждой хлебной культуры, включенной в исследуемую зерновую «корзину». Иначе говоря, каждый показатель общего объема высеянного зерна (выраженный в *четвертях*) определенной культуры должен быть разделен на среднюю величину густоты высева данной культуры (в нашем случае выраженной отношением *четверть/га*), только после этого можно определять реальное соотношение площадей под различными хлебами. С учетом рассчитанной нами за периоды 1801–1840 гг. и 1841–1880 гг. средней густоты высева каждой культуры и были скорректированы показатели структуры хлебных посевов за эти периоды.

Отслеживаются два периода изменений. Первый из них, протяженность почти столетия — от 90-х годов XVIII в. до 80-х годов XIX в., характеризуется стагнационно вялым (весьма слабым) темпом изменений в главных (ведущих) отраслях зернового производства. Так, показатели удельного веса посевов двух наиболее распространенных в то время культур — ржи и овса сократились к началу 80-х годов XIX в. с 82,1% до 74,3% совокупной посевной площади, приходившейся на отмеченные четыре хлеба, или на 9%. Напротив, пшеница и ячмень постепенно увеличили свое «представительство» в структуре зерновых посевов с 17,9 до 25,7%, или более чем на 40% (см. табл. II-1).

Второй период, охватывающий последующие три с лишним десятилетия — до начала первой мировой войны (1914–1918 гг.), отмечен печатью весьма крупных изменений в структуре посевной площади под зерновыми. Эти изменения стали набирать обороты с 80-х годов XIX в. и существенно усилились с 90-х годов. В эту эпоху

громко заявил о себе новый фактор экономической динамики — резкий рост спроса мирового рынка на российское зерно, прежде всего — пшеницу и ячмень. Сильные импульсы к ускорению перестройки зернового клина сельское хозяйство России получало и от быстро развивавшегося внутреннего рынка. Посевы пшеницы и ячменя завоевывали все новое пространство в южных и юго-восточных областях страны, причем, рассматриваемая в общероссийском контексте, культура пшеницы вытесняла как овес («легкую», но «густую» культуру), так и рожь («тяжелую», но «редкую» культуру) (см. табл. II-1). О степени ее «агрессивности» свидетельствуют многочисленные факты. Так, с 80-х годов XIX в. культура пшеницы стремительно распространялась в Приуральском и Нижневолжском районах, здесь за три десятилетия посевные площади под пшеницей увеличились в 3–4 раза; в районе Северного Кавказа таковые площади за тот же период выросли в 2,5–3 раза. В начале XX века волна пшеничной экспансии докатилась до Центрального земледельческого района, в частности, до Воронежской губернии, где посевы этой культуры увеличились в 2 раза (см. Приложение-2).

За десятилетие 1906–1915 гг. посевной клин культуры пшеницы сначала сравнялся с площадью посевов ржи, а потом и существенно превзошел ее. К началу первой мировой войны пшеница вышла на лидирующие позиции в зерновом производстве, занимая более трети площади под основными хлебами России (см. табл. II-1). Все это предопределило, отметим, забегая вперед, *интенсивное утяжеление веса среднероссийской четверти*, происходившее в 80-х годах XIX в. — 10-х годах XX в. (см. табл. II-3)

Весовое наполнение четверти. По данному параметру мы не располагаем какими-либо данными, относящимися к периоду до произведенной Центральным статистическим комитетом России революции в системе статистического учета сельскохозяйственного производства (начало 80-х годов XIX в.). Имеющиеся данные, крайне скудные числом, относящиеся к отдельным губерниям, разным, как правило, «точечным» временным отрезкам XIX века, выраженные в старых русских (т.е. неперевоимых в метрическую систему) мерах, не позволяют создать целостную общероссийскую картину динамики данного параметра.

В этих условиях мы посчитали оправданным, приняв во внимание тип изменений всех остальных «счетных» параметров российского сельского хозяйства с конца XVIII в. до начала 80-х годов XIX в. (включая динамику урожайности, характер изменения структуры посевов, густоты высева — о последнем параметре см. ниже), а

также исторические тенденции в распространении различных зерновых культур по районам, экстраполировать на всю глубину этого периода, охватывающего девять десятилетий, значения показателя весового наполнения четверти, установленные ЦСК России для 1888–1892 гг.¹⁸ Но с учетом тех изменений, которые в его динамику внесли макрохозяйственные трансформации последующих трех, «активных», десятилетий — конца XIX — начала XX в.в. В частности, для того, чтобы по возможности приблизить показатель экстраполируемой величины веса четверти к истинному за период от середины 90-х годов XVIII в. до начала 80-х годов XIX в., мы из расчетов исключили значения показателя весового наполнения четверти по району Северного Кавказа (Область Войска Донского, губернии Кубанская и Ставропольская), производящий потенциал которого, как отмечалось, стал интенсивно разворачиваться как раз в указанные последние десятилетия XIX в., особенно с 90-х годов. Фактор Северного Кавказа был включен в наши исчисления весового наполнения четверти применительно к периоду от начала 80-х годов XIX в. (1883 г.) до середины 10-х годов XX в. (1915 г.). Ниже приводятся исчисленные нами средневзвешенные значения весового наполнения четверти по четырем основным хлебным культурам по 20 губерниям Европейской России за период 1888–1913 гг. (см. табл. II-2).

Таблица II-2

Россия: весовое содержание четверти по четырем основным хлебным культурам, 1888–1913 гг. *, кг

Год / период	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень
1888–1892				
(I) ¹	142,0	91,1	148,5	117,2
(II) ²	142,2	91,2	151,7	122,3
1900	142,5	92,6	150,0	129,4 ³
1913	142,2	96,5	153,5	138,6 ³

* Рассчитано по: Данные Приложения-2.

¹ Без губерний Северного Кавказа.

² Здесь и ниже с учетом губерний Северного Кавказа.

³ Столь значительное увеличение весового наполнения четверти культурой ячменя вызвано тем, что две губернии (Область Войска Донского и Кубанская) сосредоточили с 90-х годов XIX в. главную массу производства ячменя, а в этих двух губерниях весовое наполнение четверти ячменя составляло, например, в 1913 г. 146–159 кг, против 126 кг в среднем по всем остальным губерниям. Мы, однако, полагаем, что реальное весовое содержание четверти ячменя в начале XX в. было в целом по России несколько меньше, вследствие

возможного недоучета в нашей выборке губерний средней полосы с их большими посевами ячменя и меньшим весом «ячменной» четверти.

Как видно, значительным изменениям подвергся показатель веса четверти культуры овса, пшеницы и, особенно, ячменя, четверть же традиционной и исторически наиболее массовой в российском земледелии культуры — ржи не претерпела изменений.

В долговременных изменениях рассматриваемого параметра можно выделить два исторических этапа, различающиеся по типу динамики изменений. Первый этап, протяженностью без малого в столетие — от середины 90-х годов XVIII в. до начала 80-х годов XIX в., — этап изменений типа «бега на месте». (За 85 лет средневзвешенный вес четверти увеличился лишь на 1,6%; см. табл. II-3.) Второй этап, охватывающий 80-е годы XIX в. — 10-е годы XX в., напротив, демонстрирует *быстрое утяжеление* веса четверти; за три с половиной десятилетия весовое наполнение средневзвешенной четверти по России увеличилось до 136,3 кг — на 7,5% (см. табл. II-3). Связан этот процесс был, как отмечалось выше, с экспансией на южные и юго-восточные окраины России производства зерновых, главным образом пшеницы («тяжелой» культуры) и ячменя, качество зерна которого (определявшее весовое наполнение четверти) здесь было существенно иным, чем в центральной России: последнее, как мы видели, относилось по существу к типу «тяжелого» зерна.

Таблица II-3

Россия: динамика некоторых технических параметров зернового производства, 1795 – 1915 гг. *

Год / период	Весовое наполнение четверти ¹ , кг	Густота высева ¹ , четверть/га	Вес сама ² , кг/га
(1)	(2)	(3)	(4)
1795	124,8	1,24	154,7
1801–1840	125,8	1,22	153,5
1841–1870	126,3	1,19	150,3
1871–1880	126,8	1,16	147,0
1881–1890	128,5	1,09	140,1
1891–1900	130,8	1,04	136,0
1901–1905	132,9	1,00	132,9
1906–1910	134,0	0,98	131,3
1909–1913	135,0	0,96	129,6
1914–1915	136,3	0,95	129,4

* *Рассчитано по:* Данные табл. II-1, а также таблицы Приложения-2 (показатели весового наполнения четверти и густоты высева по культурам).

¹ Средневзвешенный показатель по четырем культурам.

² Показатель получен путем перемножения значений колонок 2 и 3. Здесь даны средние по периоду значения показателя; вследствие погрешности округления они могут не совпадать (примерно на 0,3%) с усредненными его годовыми значениями, приведенными в табл. II-7.

В увеличении веса четверти сыграл свою роль, по-видимому, и технологический фактор. В «старых» земледельческих районах (Центральный промышленный район и Центральный земледельческий район) вскоре после отмены крепостного права наметились процессы технологических усовершенствований в сельском хозяйстве, которые особый размах приобрели с первых лет XX в. до кануна первой мировой войны (1914–1918 гг.)¹⁹. Преобразования в сельскохозяйственных технологиях сопровождались устойчивой, выраженной положительным трендом, тенденцией урожайности зерновых хлебов к росту. Эпоха такого поступательного движения охватила в России почти пять десятилетий (1867–1915 гг.) (см. рис. II-1).

Густота высева. Данный параметр также относится к категории *rara avis* («редкая птица»), он «засекречен» историей столь же надежно, как и параметр «весовое наполнение четверти». Поэтому для целей исчисления сплошного ряда данных об урожайности в метрических мерах, охватывающего вековой период, отсутствующие значения данного параметра приходилось исчислять, конечно, при опоре на имеющиеся другие реальные данные. Сложность расчетов этого показателя в его общероссийском варианте определялась также тем, что в его вековой динамике нашли отражение два процесса — во-первых, снижение густоты высева по каждой культуре в результате совершенствования традиционных агротехнических приемов в пределах «старых» земледельческих районов (отдельной губернии, группы губерний), и, во-вторых, снижение среднероссийской густоты высева в результате распространения экстенсивного производства зерновых в южные губернии, где плотность высева всех зерновых культур была существенно меньше, чем в северных (см. Приложение-2). Второй процесс особенно сильное влияние начинает оказывать с 80-х годов XIX в.

Адекватными данными по изменению показателя густоты высева авторы располагают только за период 1883–1915 гг. Имеются также данные Л.В. Милова на конец XVIII в. (1797 г.) по пяти губерниям Центрального промышленного и Центрального земледельческого районов (Московской, Тверской, Тульской, Орловской,

Курской губерниям)²⁰. Сопоставление обоих рядов данных по этим губерниям за период 1797–1883 гг. показывает, что густота высева по каждой культуре сокращалась, однако, весьма медленно (см. Приложение-2). Так, показатель густоты высева главной культуры — ржи в среднем по пяти губерниям сократился за 1797–1883 гг. лишь на 6,6%, культуры овса — на 7,8%, пшеницы, превратившейся в этих губерниях в маргинальную («исчезающую») культуру, — на 20,6%, ячменя — на 6,5%; в среднем густота высева по всем главным хлебам уменьшилась на 7,4%. В этот период сокращение густоты высева — по отдельным культурам, и по региону в целом, — определялось в основном первым фактором — совершенствованием традиционных технологий, причем такое сокращение имело место тогда, когда посевы культур с редким высевом — ржи, пшеницы и ячменя частично замещались посевами культуры с густым высевом — овса. В частности, за рассматриваемый период распределение площади посевов под четырьмя основными хлебами в этих пяти губерниях изменилось следующим образом: рожь в 1883 г. стала занимать 57,3% данной площади, против 60,4% в 1795 г.; овес — 38,3% в 1883 г., против 30,4% в 1795 г.; пшеница — 1,3%, против 3,1%; ячмень — 3,1%, против 6,1%²¹.

В период 1883–1915 гг. процесс сокращения густоты высева происходил намного быстрее (см. табл. II-3): в действие вступал второй фактор, влиявший на густоту высева, — стремительное расширение посевов в южных губерниях, в частности в Северокавказском районе, где плотность высева была особенно низка (см. Приложение-2).

Таблица II-4

Россия: густота высева четырех основных хлебных культур, 1797–1913 гг. *, четверть/га

Год	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень
1797	0,97	1,97	0,74	1,02
1883	0,91	1,85	0,69	0,95
1900	0,85	1,83	0,63	0,82
1913	0,83	1,80	0,62	0,80

* Рассчитано по: Данные Приложения-2.

Если показатель изменений средневзвешенной густоты высева по четырем основным культурам в пяти указанных губерниях, взятых вместе, за период 1797–1883 гг. — 7,4% принять действительным для всей Европейской России того времени, а для периода 1883–

1913 гг. использовать точные данные «Свода урожайных сведений» по двадцати губерниям, достаточно надежно представляющим эту часть России, то динамика рассматриваемого параметра будет выглядеть следующим образом (см. табл. II-4)²².

Конечно, приведенные оценки показателя густоты высева по культурам до 1883 г. приблизительны, но их изменения за период до начала 80-х годов вполне поддаются рациональному объяснению, если учитывать особенности технологических приемов оптимизации зернового производства в традиционном хозяйстве тогдашней России. В последующих расчетах мы исходим из трендовых значений изменения показателя густоты высева до 1883 г. и точных значений его статистического ряда за период 1883–1915 гг.

Всего за период 1797–1915 гг. средневзвешенный показатель густоты высева на площади, занятой под посевами четырех основных хлебов, сократился в России почти на одну четверть (23,4%) (см. табл. II-3).

Таблица II-5

Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменений некоторых технических параметров зернового производства и использовавшихся в нем мер, 1795–1915 гг. *, %

Параметр / период	1795–1880	1880–1915	Во сколько раз ускорился темп: положительный (+), отрицательный (–) в период 1880–1915 гг. по сравнению с периодом 1795–1880 гг.
Доля посевных площадей под основными хлебами:			
рожь	– 0,15	– 1,4	(–) 9,3
овес	– 0,10	– 0,7	(–) 7,0
пшеница	+ 0,65	+ 1,7	(+) 2,6
ячмень	+ 0,05	+ 1,3	(+) 26,0
Весовое наполнение четверти	+ 0,03	+ 0,20	(+) 6,7
Густота высева	– 0,07	– 0,42	(–) 6,0
Вес сама	– 0,04	– 0,22	(–) 5,5

* Составлено по: Данные табл. II-1, II-3.

Отметим возможность еще одной линии оценок российской урожайности, связанных с изменениями густоты посева. То обстоятельство, что мы не наблюдаем повсеместно упомянутых выше явлений *обратной зависимости* между изменениями весового наполнения четверти и изменениями густоты посева, свидетельствует о том (хотя, возможно, лишь косвенно), что технологические трансформации начинались и происходили в традиционном российском земледелии *разновременно* — и по районам (губерниям), и по культурам (см. Приложение-2). В частности, как видно из «Свода урожайных сведений», на рубеже XIX–XX вв., зерновое хозяйство южных губерний, где тогда активно осваивались обширные целинные (и залежные) земли степей, еще не втянулось в исторический процесс интенсификации земледелия, проходя экстенсивную фазу роста. В охваченную статистическими сведениями «Свода» эпоху хлебные отрасли сельского хозяйства России находились, по-видимому, у самых истоков современных технологических трансформаций интенсивного типа.

Сведенные в единую таблицу данные о темпах количественных изменений рассмотренных выше «счетных» параметров зернового производства России за период 1795–1915 гг. приводятся в табл. II-5.

Вес сама. На протяжении всего XIX века (и позднее — в начале XX в.) вес *сама* имел тенденцию к сокращению: он становился все более «легким». Соотношения между детерминантными параметрами, его весовую динамику определявшими, — весовым содержанием четверти и густотой посева, исторически складывались в пользу отрицательных изменений веса *сама* (см. табл. II-3). Но по периодам темп этих изменений различался в весьма большой степени. Его вялая отрицательная динамика в течение первых восьми десятилетий XIX в. (уменьшение на 0,04% в среднем за год), сменилась активным процессом сокращения во второй период (80-е годы XIX в. — середина 10-х годов XX в.), при этом темп сокращения ускорился в 5,5 раза (см. табл. II-5).

Нам предстоит теперь оценить динамику урожайности зерновых культур России (на примере урожайности рассмотренных четырех главных зерновых хлебов), выраженной показателем *кг/га*, в сопоставлении ее с изменением урожайности зерновых культур, фиксированной в *сам-столько*, за период от конца XVIII в. до начала XX в.

Как отмечалось выше, между динамическими рядами урожайности, выраженной в *сам-столько*, с одной стороны, и

метрических мерах — *кг/га*, с другой, не было и не могло быть соответствия; или, если сказать иначе, в ходе долговременной динамики роста урожайности, измеряемая мерами *веса*, и урожайность, измеряемая мерами *объема*, изменялись по существенно *разным* алгоритмам: ряд значений, выраженных в *сам-столько*, изменялся в рассматриваемый период исторического времени на более значительные величины, чем ряд значений, исчисленных в *кг/га*. Так, в течение 1867–1915 гг. средний ежегодный темп прироста урожайности, выраженной мерами *объема*, составлял 0,92%, в то время как такой темп изменений урожайности, выраженной мерами *веса*, — только 0,7%. Но при этом, второй показатель претерпевал заметно большее ускорение, чем первый, т.е. среднегодовой темп изменения урожайности, выраженной мерами *объема*; применительно к периоду 1867–1915 гг. оба показателя темпа соотносились в пропорции 2 : 2,3. Можно предположить, что в отдаленной перспективе значения обоих темпов могут сравняться (о степени интенсивности изменений обоих рядов показателей на протяжении ста двадцати выделенных нами лет см. табл. II-6).

Таблица II-6

Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменения урожайности зерновых культур, 1795–1915 гг. *, %

Параметр / период	1795–1867	1867–1915	В том числе по периодам		
			1867–1880	1880–1915	1890–1915
Изменение урожайности, выраженной в:					
<i>сам-столько</i>	0,04	0,92	0,60	1,00	1,20
<i>ц/га</i>	–0,001	0,70	0,44	0,80	1,00

* Составлено по: Данные табл. II-7.

Что касается исторической динамики урожайности зерновых хлебов, выраженной в метрических мерах, в аграрном секторе России можно отследить за рассматриваемый период два четко обозначенных периода. В течение первых семидесяти лет, охватывающих завершающий этап крепостничества в России, урожайность зерновых хлебов, выраженная в метрической системе мер, характеризовалась *абсолютной стагнацией*, или — точнее — долговременной тенденцией урожайности, хотя и микроскопической по силе

проявления, к падению (темп этого падения составлял, как отмечалось выше, $(-),0,001\%$ в среднем за год); точка перегиба трендовой функции в этом отрицательном процессе обозначилась в 1867 г. — году, относящемуся к эпохе, по определению известного российского историка Н.М. Дружинина, «перелома» в социально-экономической эволюции российской деревни²³ (см. рис. II-1 и табл. II-6, а также табл. II-9).

Полоса поступательных изменений в приростах урожайности хлебов, намечившаяся в конце 60-х годов XIX в., продолжилась и в 70-х, и в 80-х годах, а сначала 90-х годов в зерновом производстве страны произошел скачок, выразившийся в приросте урожайности в размере весомой для тогдашней России величины — в среднем 1% в год (см. рис. II-1 и табл. II-6); этот скачок был прерван войной в середине 10-х годов XX в.

Ниже мы приводим значения урожайности зерновых хлебов, выраженной в *сам-столько* (ряд В.Г. Михайловского с уточнениями М.И. Семенова), и тот же ряд, исчисленный нами в метрических мерах — *ц/га* — по предложенной выше формуле²⁴ (см. табл. II-7).

Естественен вопрос: в какой степени исследователь может опираться на приведенный расчетный ряд значений урожайности, простирающийся на исторический период, охватывающий более столетия? Насколько эти данные достоверны?

Оценить степень достоверности предложенных исчислений мы можем путем непосредственного сопоставления (анализа) двух параллельных (и не зависящих друг от друга по методу исчисления) рядов значений урожайности хлебов в Европейской России за два десятилетия — 1896–1915 гг.: с одной стороны, ряда, разработанного официальными статистическими органами того времени (это упоминавшиеся ЦСК, Отдел экономики и статистики Министерства земледелия) и выраженного в мерах веса и площади (*пуд/десятина*), поддающихся адекватному («автоматическому») переводу в метрическую систему; а с другой стороны, ряда, исчисленного в действующей ныне метрической системе мер на базе старых русских мер объема (*сам-столько*) (ряд В.Г. Михайловского с дополнениями М.И. Семенова) по предложенной выше формуле. Это сопоставление показало, что оба ряда значений урожайности находятся в весьма близком соответствии. Отклонения расчетных значений от реальных (статистическими органами разработанных) выражаются по годам следующими величинами (см. табл. II-8).

Таблица II-7

Россия: урожайность зерновых хлебов в 1795–1915 гг.*

Год	Урожайность, выраженная в	Вес сама, кг/га	Урожайность, выраженная в
	<i>сам-столько</i>	<i>кг/га</i>	<i>ц/га</i>
(1)	(2)	(3)	(4)
1795	2,70 ¹	154,7	4,2
1801	3,04	155,5	4,7
1802	3,40	155,4	5,3
1803	3,65	155,3	5,7
1804	4,04	155,2	6,3
1805	3,20	155,1	5,0
1806	3,47	154,9	5,4
1807	3,73	154,8	5,8
1808	3,89	154,7	6,0
1809	3,33	154,6	5,1
1810	3,40	154,5	5,3
1811	2,85	154,3	4,4
1812	3,40	154,2	5,2
1813	3,43	154,1	5,3
1814	4,00	154,0	6,2
1815	3,10	153,8	4,8
1816	3,40	153,7	5,2
1817	3,70	153,6	5,7
1818	4,10	153,5	6,3
1819	4,00	153,4	6,1
1820	3,40	153,2	5,2
1821	3,25	153,1	5,0
1822	3,10	153,0	4,7
1823	2,90	152,9	4,4
1824	3,50	152,8	5,3
1825	3,50	152,6	5,3

Год	Урожайность, выраженная в	Вес сама, кг/га	Урожайность, выраженная в
	<i>сам-столько</i>	<i>кг/га</i>	<i>ц/га</i>
(1)	(2)	(3)	(4)
1826	3,67	152,5	5,6
1827	3,61	152,4	5,5
1828	3,90	152,3	5,9
1829	3,75	152,2	5,7
1830	2,91	152,0	4,4
1831	3,20	151,9	4,9
1832	2,80	151,8	4,3
1833	2,38	151,7	3,9
1834	3,62	151,6	5,5
1835	3,92	151,4	5,9
1836	4,10	151,3	6,2
1837	3,98	151,2	6,0
1838	3,93	151,1	5,9
1839	2,67	151,0	4,0
1840	1,82 ²	150,8	3,0
1841	3,40	152,4	5,2
1842	3,73 ²	152,3	5,7
1843	4,07 ²	152,2	6,2
1844	3,81	152,1	5,8
1845	3,42	151,9	5,2
1846	3,38	151,8	5,1
1847	3,60	151,7	5,5
1848	2,72	151,6	4,1
1849	4,03	151,5	6,1
1850	2,84	151,3	4,3
1851	4,00	151,2	6,0

Год	Урожайность, выраженная в	Вес сама, кг/га	Урожайность, выраженная в
	<i>сам-столько</i>	<i>кг/га</i>	<i>ц/га</i>
(1)	(2)	(3)	(4)
1852	3,83	151,1	5,8
1853	3,61	151,0	5,5
1854	3,51	150,8	5,3
1855	2,60	150,7	3,9
1856	3,26	150,6	4,9
1857	3,95	150,5	5,9
1858	4,08	150,4	6,1
1859	2,87	150,2	4,3
1860	3,78	150,1	5,7
1861	3,51	150,0	5,3
1862	3,57	149,9	5,4
1863	4,26	149,7	6,4
1864	3,28	149,6	4,9
1865	3,01	149,5	4,5
1866	3,84	149,4	5,7
1867	3,10	149,3	4,6
1868	3,75	149,1	5,6
1869	4,06	149,0	6,0
1870	4,59	148,9	6,8
1871	3,52	146,7	5,2
1872	3,88	146,7	5,7
1873	3,94	146,6	5,8
1874	4,34	146,5	6,4
1875	3,38	146,4	4,9
1876	3,85	146,4	5,6
1877	4,26	146,3	6,2

Таблица II-7 (продолжение)

(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)
1878	4,49	146,2	6,6	1891	3,26	137,8	4,5	1904	6,13	132,5	8,1
1879	3,78	146,1	5,5	1892	4,00	137,5	5,5	1905	4,86	132,6	6,4
1880	3,65	146,1	5,3	1893	5,63	137,2	7,7	1906	4,05	131,4	5,3
1881	4,73	141,3	6,7	1894	5,68	136,8	7,8	1907	4,83	131,4	6,3
1882	4,31	141,3	6,1	1895	5,04	136,5	6,9	1908	5,04	131,5	6,6
1883	4,04	141,3	5,7	1896	5,04	136,1	6,8	1909	6,33	129,3	8,2
1884	4,30	141,0	6,1	1897	4,12	135,8	5,5	1910	5,87	129,5	7,6
1885	3,65	140,7	5,1	1898	4,76	135,4	6,4	1911	4,17	129,6	5,5
1886	4,28	140,3	6,0	1899	5,40	135,1	7,2	1912	6,24	128,8	8,0
1887	4,87	140,0	6,8	1900	5,01	134,8	6,7	1913	6,75	129,9	8,8
1888	4,69	139,7	6,6	1901	4,08	132,5	5,4	1914	5,06	129,5	6,6
1889	3,65	139,4	5,1	1902	5,77	132,5	7,7	1915	6,70 ²	129,0	8,6
1890	4,14	139,1	5,8	1903	5,20	132,5	6,9				

* Составлено и подсчитано по: Колонка 2 — Михайловский В.Г. Тезисы доклада «Урожай в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ*. 1921, №50. С. 4, табл. 1. Колонка 4 получена путем перемножения значений колонок 2 и 3, с последующим делением полученных результатов на 100 — для перевода мер урожайности из кг/га в ц/га.

¹ Подсчитано по: Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 444–453. Расчет был осуществлен по 22 губерниям Европейской России.

² Оценки М.И. Семенова, см.: Семенов М.И. К вопросу о закономерности колебаний урожаев, в: *Вестник статистики*. 1922. Кн. XI, № 5–8. С. 74, 90–91.

За период же двух десятилетий среднее отклонение ряда расчетных значений от ряда реальных значений составляло 2%. Данная погрешность, лежащая в пределах вполне допустимой при статистических исчислениях нормы, возникла, как мы полагаем, от неполной состыкованности исходных, использованных для расчета, данных, а также, возможно, вследствие того, что оба, охваченные статистическими наблюдениями, пространства (или — территории), занятые под производство зерновых хлебов, существенно различались по своим размерам (напомним, ряд Михайловского исчислялся на базе урожайных сведений по 60 губерниям России, а ряд ЦСК—Министерства земледелия — на основе аналогичных данных по 50 губерниям, при этом данные лишь по 20 губерниям были подвергнуты нами статистическому анализу).

Таблица II-8

Реальные и расчетные значения урожайности и их различия, 1896–1915 гг. *

Год	Реальные значения,	Расчетные значения,	Отклонения расчетных значений от реальных,	Год	Реальные значения,	Расчетные значения,	Отклонения расчетных значений от реальных,
	ц/га	ц/га	%		ц/га	ц/га	%
1896	6,5	6,80	4,6	1906	5,2	5,36	3,1
1897	5,4	5,50	1,9	1907	6,2	6,35	2,4
1898	6,3	6,40	1,6	1908	6,4	6,63	3,6
1899	7,1	7,20	1,4	1909	8,3	8,18	-1,4
1900	6,6	6,70	1,5	1910	7,6	7,60	0,0
1901	5,5	5,41	-1,6	1911	5,8	5,46	-5,9
1902	7,7	7,70	0,0	1912	7,8	7,99	2,4
1903	7,0	6,90	-1,4	1913	8,7	8,77	0,8
1904	8,2	8,12	-0,9	1914	6,9	6,60	-4,3
1905	6,4	6,40	0,0	1915	8,6	8,64	0,5

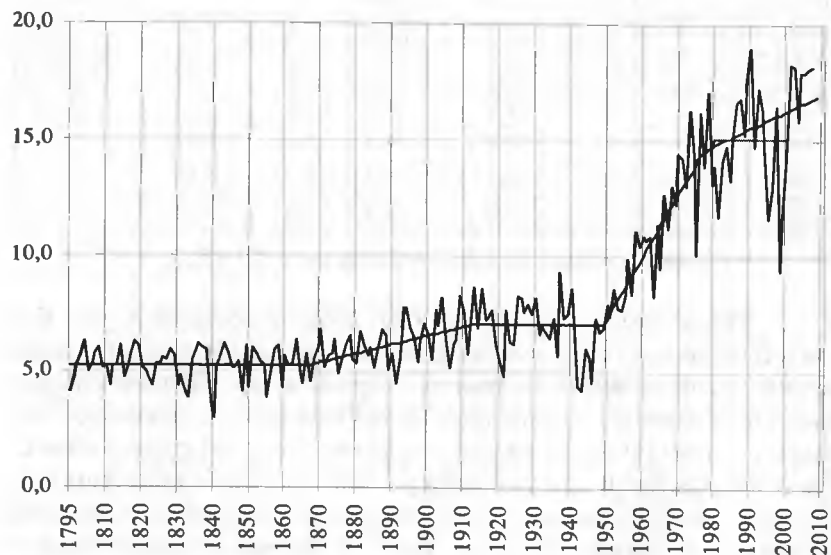
* Составлено и подсчитано по: Данные табл. II-7 и II-10.

Но не будем упускать из виду важное обстоятельство. Как свидетельствовал опыт земледельческой практики России, огромное сельскохозяйственное пространство страны с его обилием природных зон, огромным порайонным разнообразием меняющихся погодных условий (благоприятные, умеренно благоприятные, неблагоприятные, плохие и др.) уже само по себе выступало фактором своего рода нивелирования, «сглаживания» общероссийской картины урожайности хлебов, причем не только в статике (т.е. оцениваемой по состоянию на данное конкретное время, например, год), но и в динамике. Так, по данным ЦСК—Министерства земледелия, приводимым А. Финн-Енотаевским, за период в пятнадцать лет — с 1896 г. по 1910 г. среднее отклонение ряда значений урожайности всех хлебов, производившихся в 50 губерниях Европейской России, от ряда значений их урожайности в 72 губерниях России, составляло лишь 2,2%²⁵.

2. Исторические этапы изменения урожайности

Как же динамика урожайности зерновых хлебов, характерная для «удлиненного» (до 1915 г.) девятнадцатого века, соотносится с динамикой их урожайности в веке двадцатом? В целях проведения этого краткого анализа мы воспроизводим статистический ряд урожайности зерновых культур в России за XX век, приведенный в предыдущем разделе (см. табл. II-10).

Россия: урожайность зерновых в 1795–2007 гг., ц/га

Как было установлено выше, в XIX в. можно отчетливо отследить два периода долговременных изменений в движении урожайности — с точкой перелома в 1867 г., когда изменения стагнационного типа, со слабо выраженными признаками сдвига к отрицательным значениям (1795 – 1867 гг.), сменились типом изменений, отражавших длительный положительный рост (1867–1915 гг.), при этом интенсивность ежегодных приростов урожайности к концу

Рис. II-1

этого второго периода нарастала (см. табл. II-6 и табл. II-9, а также рис. II-1).

Что касается «укороченного» XX в., в нем мы можем выделить три рельефно различающихся векторами динамики периода долговременных изменений в движении урожайности (см. табл. II-9 и рис. II-1). Первый из них, протяженностью более трех десятилетий (1915–1949 гг.), насыщен трагическими событиями в истории нашей страны, сопряженными с массовыми разрушениями производительных сил, гибелью десятков миллионов людей (участие России в мировой войне 1914–1918 гг., Октябрьский переворот и последовавшая за ним гражданская война, лихолетье «военного коммунизма», насильственная коллективизация деревни, «большой террор» 30-х годов, сопровождавшаяся огромными людскими потерями и материальным ущербом Великая Отечественная война 1941–1945 гг. против германского фашизма). Все эти события тяжело отразились на сельскохозяйственном росте, в частности, на динамике урожайности сельскохозяйственных культур. Последняя в этот период характеризуется изменениями стагнационного типа, с отклонениями, хотя и весьма незначительными, их вектора в сторону отрицательных значений (см. табл. II-9).

Таблица II-9

Россия: ежегодный экспоненциальный темп изменения урожайности зерновых хлебов, выраженной в ц/га, по периодам, 1795–2007 гг.*

Период (годы)	Количество лет	Тип изменений	Темп изменения, %
1795–1867	72	Стагнация	(–) 0,001
1867–1915	48	Положительный рост	(+) 0,70
1915–1949	34	Стагнация	(–) 0,02
1949–1979	30	Положительный рост	(+) 2,45
1979–2007	28		(+) 0,45
1979–2000	21	Стагнация	(+) 0,01
2000–2007	7	Положительный рост	(+) 1,97

* Составлено по: Данные табл. II-7, II-10.

Россия: сведения об урожайности зерновых культур,

1896 – 2007 гг.*, ц/га

Год	Урожайность	Год	Урожайность	Год	Урожайность
1896	6,5	1933	6,7	1970	14,4
1897	5,4	1934	6,5	1971	14,2
1898	6,3	1935	7,3	1972	13,0
1899	7,1	1936	5,7	1973	16,3
1900	6,6	1937	9,3	1974	14,2
1901	5,5	1938	7,3	1975	10,1
1902	7,7	1939	7,5	1976	16,2
1903	7,0	1940	8,6	1977	13,9
1904	8,2	1941	7,3	1978	17,1
1905	6,4	1942	4,4	1979	13,1
1906	5,2	1943	4,2	1980	13,9
1907	6,2	1944	6,0	1981	11,7
1908	6,4	1945	5,6	1982	14,1
1909	8,3	1946	4,6	1983	14,7
1910	7,6	1947	7,3	1984	13,3
1911	5,8	1948	6,7	1985	15,1
1912	7,8	1949	6,9	1986	16,6
1913	8,7	1950	7,9	1987	16,8
1914	6,9	1951	7,4	1988	15,3
1915	8,6	1952	8,6	1989	17,5
1916	7,2	1953	7,8	1990	19,9
1917	6,4	1954	7,7	1991	14,7 (15,1)
1918	6,0	1955	8,4	1992	17,2 (18,0)
1919	6,2	1956	9,9	1993	16,3 (17,1)
1920	5,7	1957	8,4	1994	14,4 (15,3)
1921	5,0	1958	11,1	1995	11,6 (13,1)
1922	7,7	1959	10,4	1996	12,9 (14,9)
1923	7,3	1960	10,9	1997	16,5 (17,8)
1924	6,2	1961	10,7	1998	9,4 (12,9)
1925	8,6	1962	10,9	1999	11,7 (14,4)
1926	8,4	1963	8,3	2000	14,4 (15,6)
1927	7,6	1964	11,4	2001	18,3 (19,4)
1928	7,9	1965	9,5	2002	18,2 (19,6)
1929	7,5	1966	12,7	2003	15,9 (17,8)
1930	8,5	1967	11,2	2004	17,9 (18,8)
1931	6,7	1968	13,0	2005	17,9 (18,5)
1932	7,0	1969	12,2	2006	18,1 (18,9)
				2007	18,4 (19,8)

Таблица II-10

*Составлено и подсчитано по: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 434 [данные за 1896–1900 гг.]; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С.89,90, 121,126 [данные за 1901–1913 гг.]; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924. С.128,129 [данные за 1914–1916 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С.341 [данные за 1917–1921 гг. и среднегодовой показатель за 1933–1937 гг.]; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.:ЦСУ СССР, 1924. С.80–81 [данные за 1922 г.]; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С.XXXVIII,171 [данные за 1923–1930 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С.269,399 [данные за 1931–1932 гг.]; История советского крестьянства. М., 1987. Т.2. С.355; Т.3. С.80 [данные за 1933–1935, 1937–1939 гг.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С.93 [данные за 1940–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С.13;14 [данные за 1946–1987 гг.]; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С.460 [данные за 1988–1990 гг.]; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995. С.68 [данные за 1991–1994 гг.]; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002. С.62 [данные за 1995–2000 гг.]; Россия в цифрах 2007. Федеральная служба государственной статистики (см.: www.gks.ru) [данные за 2001–2007 гг.].

Примечание Описание методики исчисления показателей настоящей таблицы см.: Главу I («Комментарий к показателям по странам»).

С 1991 г. в скобках приводится показатель урожайности зерновых, численный на гектар *убранной площади*. (Данный метод оценки урожайности стал применяться Госкомстатом России с 2000 г.) В целях сохранения сопоставимости значений *всего* векового ряда данных об урожайности в настоящей таблице приводятся и значения урожайности зерновых, полученные традиционным методом, — путем деления величины сборов зерна на размер *всей* посевной площади под зерновыми.

Второй период, охватывающий три десятилетия (1949–1979 гг.), отмечен интенсивным ростом урожайности зерновых культур. Ежегодно она увеличивалась в среднем на 2,45%. Этот период вобрал в себя годы «оттепели», сопровождавшейся ослаблением давления на сельское хозяйство факторов внеэкономического порядка, годы осуществлявшихся сверху технологических трансформаций, нацеленных на перевод эволюции неэффективной сельскохозяйственной экономики России на интенсивный путь развития. Особенно активно такая политика проводилась в последнее десятилетие данного периода — в 70-х годах.

Как бы парадоксально это ни выглядело, технологический рывок этого времени сопровождался все более болезненными изъятиями в экономической динамике. В 1970 г. в РСФСР из общей массы

сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов, межхозяйственных предприятий) лишь 13% относились к убыточным. В 1980 г. число таких предприятий увеличилось до 70,6%²⁶.

Иначе говоря, парадокс заключался не только в том, что технологический прогресс в аграрном секторе России, результировавшийся в ежегодном экспоненциальном приросте урожайности зерновых культур в размере 2,45%, не получал подкрепления в виде развития адекватно соответствовавших его требованиям экономических условий, а и в том, что, призванный обеспечивать рост экономической эффективности, он, сталкиваясь с недееспособной хозяйственной системой, в границах которой и прокладывал себе путь, стимулировал процессы, оказывавшие все более сильное отрицательное влияние на динамику этой самой экономической эффективности.

Обрушение высокого темпа приростов урожайности произошло на рубеже 70–80-х годов XX в., когда все еще «социалистическая» аграрная экономика России вошла в полосу глубокого структурного кризиса, последствия которого не только не были преодолены с помощью реформ 90-х годов (крайне слабо, *inter alia*, затронувших собственно сферу сельскохозяйственного производства), но были усугублены широкомасштабными процессами ее дезорганизации, происходившими в это пореформенное десятилетие. Что застопорило поступательный рост урожайности зерновых культур, низведя темп ее ежегодного прироста до почти нулевых значений в 1979–2000 гг. (см. табл. II-9).

Темп прироста урожайности изменился со вступлением России в XXI в. Уже с первых лет века произошел скачок в подъеме урожайности, фактически «одноразовый», благодаря чему ее темп прироста в 2000–2007 гг. подскочил до 1,97% в год. Именно этот скачок позволил вытянуть в положительную динамику тренд последнего периода — 1979–2007 гг., проявившись в среднем ежегодном темпе прироста урожайности 0,45% (см. табл. II-9).

За более чем двухвековой период российской истории динамика урожайности зерновых хлебов, ярко отразившая политическое и социальное содержание эпох, пережитых страной, лишь в течение 85 лет, т.е. примерно двух пятых (2/5) данного исторического времени, показывала положительный рост, все же остальное время — а это около 130 лет — демонстрировала очевидные признаки стагнации.

Приложение-2

Россия: свод урожайных сведений по 20 губерниям, 1883–1915 гг.

Губерния	Культура	Год	Весовое наполнение четверти, кг	Высев, четвертей на га	Вес сама, кг/га	Урожайность, выраженная в:		Посевная площадь, тыс. га
						сам-столько	кг/га	
			W _{четв}	N _{четв}	W _{сам}	Y _{сам}	Y _{га}	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Центрально-промышленный район								
Владимирская	Рожь озимая	1883	141,5 ¹	1,24	175,0	3,3	583,2	435,1
		1888	139,2	1,25	173,6	3,3	572,8	451,3
		1895	144,1	1,24	179,4	2,7	484,5	373,0
		1900	142,5	1,26	180,3	4,3	775,5	397,1
		1910	142,5	1,20	170,6	3,5	597,0	391,6
		1913	142,5	1,20	171,2	3,9	667,5	376,1
		1915	144,1	1,19	172,0	4,7	809,0	407,3
	Овес яровой	1883	83,5 ¹	2,46	205,6	2,6	535,5	220,8
		1888	83,5	2,43	203,0	2,9	588,8	220,4
		1895	91,7	2,42	221,8	2,8	621,0	186,0
		1900	88,5	2,46	217,7	3,7	805,5	191,3
		1910	91,7	2,28	209,6	3,5	733,5	201,6
		1913	95,0	2,15	204,4	4,3	879,0	208,4
	Ячмень яровой	1883	107,8 ¹	1,45	156,7	3,3	513,2	21,7
		1888	111,4	1,60	178,5	3,2	571,2	21,3
		1895	109,7	1,66	182,3	3,2	583,5	17,3
		1900	109,7	1,62	177,5	3,0	532,5	13,0
		1910	113,0	1,78	200,7	4,2	843,0	8,8
1913		126,1	1,51	190,3	5,1	970,5	8,5	
1915		119,6	1,69	202,1	5,1	1030,5	7,8	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Костром- ская	Рожь озимая	1883	141,5 ¹	1,04	147,4	3,7	544,3	440,4
		1888	140,9	1,08	152,8	3,8	580,5	427,9
		1895	144,1	1,04	150,0	3,9	585,0	401,4
		1900	142,5	1,07	152,1	4,2	639,0	396,8
		1910	137,6	1,09	149,7	4,3	643,5	400,8
		1913	137,6	1,08	148,6	4,3	639,0	409,3
		1915	139,2	1,04	145,0	5,4	783,0	420,4
		Овес яровой	1883	88,5 ¹	2,09	185,3	2,8	526,5
	1888		86,8	2,09	181,7	2,8	508,8	261,7
	1895		88,5	2,21	195,6	2,6	508,5	231,6
	1900		88,5	2,28	202,0	2,8	565,5	252,0
	1910		91,7	2,23	204,3	3,4	694,5	253,7
	1913		93,4	2,23	208,1	4,0	832,5	245,7
	1915		96,6	1,90	183,6	3,8	697,5	250,5
	Ячмень яровой	1883	111,7 ¹	1,35	150,9	4,0	603,6	86,9
		1888	109,7	1,30	142,6	3,1	442,2	87,1
		1895	116,3	1,39	161,6	3,1	501,0	77,5
		1900	114,7	1,34	153,8	2,8	430,5	74,3
		1910	117,9	1,48	174,4	4,0	697,5	65,0
		1913	119,6	1,53	183,4	4,4	807,0	64,1
	Ярослав- ская	Рожь озимая	1883	143,2 ¹	1,25	178,6	4,7	839,0
1888			139,2	1,24	173,3	3,9	675,8	241,6
1895			145,8	1,25	181,6	3,8	690,0	220,2
1900			142,5	1,22	173,6	4,0	694,5	241,3
1910			145,8	1,21	177,0	4,5	796,5	207,2
1913			145,8	1,17	170,1	4,4	748,5	215,5
1915			144,1	1,15	165,3	5,5	909,0	222,4
Овес яровой		1883	92,7 ¹	2,79	258,9	3,3	866,0	160,6
		1888	91,7	2,78	255,0	2,8	714,0	159,4
		1895	95,0	2,58	245,0	3,0	735,0	169,3
		1900	93,4	2,61	243,6	2,9	706,5	162,1
		1910	98,3	2,27	223,2	3,4	759,0	137,8
		1913	99,9	2,12	211,7	4,3	910,5	132,2
		1915	98,3	2,02	198,2	4,2	832,5	130,4

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Москов- ская	Ячмень яровой	1883	120,2 ¹	1,63	195,4	4,7	913,8	20,5
		1888	113,0	1,52	171,4	3,2	548,6	20,4
		1895	121,2	1,45	176,4	3,7	652,5	17,6
		1900	119,6	1,26	150,6	2,7	406,5	10,0
		1910	127,8	1,38	176,4	4,2	741,0	10,0
		1913	126,1	1,27	159,7	7,6	1213,5	8,8
		1915	124,5	1,48	184,7	5,4	997,5	9,3
		Рожь озимая	1797		1,37 ²			
	1883		140,5 ¹	1,44	202,7	3,7	746,5	271,5
	1888		137,6	1,34	183,9	3,4	680,4	271,4
	1895		144,1	1,40	201,8	2,2	444,0	230,7
	1900		144,1	1,35	195,0	4,2	819,0	238,4
	1910		144,1	1,26	181,1	4,0	724,5	210,4
	1913		145,8	1,22	177,3	4,4	780,0	218,6
1915	145,8		1,20	175,0	5,0	873,0	218,0	
Овес яровой	1797			2,75 ²				
	1883		88,8 ¹	2,55	226,6	3,7	707,3	165,9
	1888	88,5	2,58	228,6	2,8	640,2	166,7	
	1895	95,0	2,42	230,0	3,3	759,0	142,2	
	1900	93,4	2,32	217,7	3,3	718,5	136,9	
	1910	95,0	2,29	217,5	3,4	739,5	115,1	
	1913	101,6	1,99	202,5	4,6	931,5	112,3	
	1915	98,3	2,11	208,4	3,7	771,0	102,8	
	Ячмень яровой	1797		1,83 ²				
		1883	107,5 ¹	1,72	184,5	3,7	639,6	27,4
1888		104,8	1,63	171,0	3,2	547,2	27,2	
1895		109,7	1,65	181,3	3,6	652,5	19,4	
1900		114,7	1,71	195,9	3,3	646,5	13,7	
1910		116,3	1,56	180,9	3,5	633,0	8,0	
1913		124,5	1,55	193,4	4,8	928,5	5,8	
1915		117,9	1,43	168,1	4,3	723,0	5,7	
Тверская	Рожь озимая	1797		1,15 ²				
		1883	144,5 ¹	1,11	160,4	3,7	701,2	420,5
		1888	142,5	1,13	160,3	3,5	561,2	414,9
		1895	145,8	1,09	159,2	3,9	621,0	379,5

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
		1900	145,8	1,07	156,7	4,7	736,5	397,7	
		1910	144,1	1,09	157,0	4,1	643,5	391,6	
		1913	145,8	1,04	151,2	5,0	756,0	399,2	
		1915	145,8	1,04	151,3	5,7	862,5	426,0	
	Овес яровой	1797		2,75 ²					
		1883	93,7 ¹	2,63	246,7	2,9	720,7	290,5	
		1888	93,4	2,60	242,8	2,5	607,1	291,7	
		1895	93,4	2,66	248,7	3,1	771,0	262,2	
		1900	95,0	2,67	254,0	3,0	762,0	250,6	
		1910	93,4	2,59	241,6	2,9	700,5	243,3	
		1913	96,6	2,48	240,0	3,4	816,0	225,8	
		1915	98,3	2,26	221,6	4,0	886,5	222,2	
		Ячмень яровой	1797		1,47 ²				
	1883		121,5 ¹	1,36	165,6	4,4	723,5	63,4	
	1888		121,2	1,24	150,0	3,7	555,0	63,5	
	1895		124,5	1,27	157,5	4,6	724,5	55,1	
	1900		126,1	1,18	148,7	4,6	684,0	42,1	
	1910		126,1	1,29	163,0	4,4	717,0	51,8	
	1913		126,1	1,31	165,8	5,3	879,0	50,4	
	1915		131,0	1,20	157,9	5,7	900,0	55,1	
Калужская	Рожь озимая		1883	144,1 ¹	1,37	198,0	2,9	567,6	312,4
		1888	142,5	1,36	193,5	2,9	561,2	313,4	
		1895	144,1	1,34	193,6	2,1	406,5	287,1	
		1900	145,8	1,28	186,8	3,3	616,5	297,7	
		1910	145,8	1,26	183,9	3,1	570,0	284,8	
		1913	144,1	1,33	191,4	3,3	631,5	299,7	
	Овес яровой	1915	147,4	1,18	173,9	4,4	765,0	314,2	
		1883	84,5 ¹	2,51	211,9	2,8	588,2	150,9	
		1888	88,5	2,52	222,8	2,8	623,7	151,7	
		1895	85,2	2,48	211,0	3,0	633,0	144,3	
		1900	88,5	2,50	221,3	2,8	619,5	139,7	
		1910	90,1	2,36	212,5	2,4	510,0	136,4	
		1913	95,0	2,22	210,8	3,8	801,0	139,4	
		1915	96,6	2,14	206,4	2,9	598,5	147,5	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
	Ячмень яровой	1883	109,1 ¹	1,48	161,1	3,8	609,4	52,4	
		1888	111,4	1,53	170,0	3,6	612,0	52,7	
		1895	109,7	1,43	156,4	4,2	657,0	49,1	
		1900	101,6	1,73	175,8	1,8	316,5	46,8	
		1910	109,7	1,64	180,0	2,8	504,0	45,6	
		1913	113,0	1,68	189,9	3,5	664,5	44,6	
		1915	116,3	1,65	191,9	2,9	556,5	45,0	
	Нижегородская	Рожь озимая	1883	142,5 ¹	1,13	161,5	3,5	561,2	499,0
			1888	139,2	1,14	159,4	4,0	637,5	500,5
			1895	145,8	1,07	156,7	5,4	846,0	427,9
			1900	142,5	1,07	152,9	6,2	948,0	447,9
			1910	144,1	1,11	159,4	3,5	558,0	446,0
1913			142,5	1,07	152,8	4,8	733,5	447,2	
Овес яровой		1915	144,1	1,07	154,2	5,7	879,0	527,0	
		1883	79,9 ¹	2,06	164,7	2,5	409,9	221,2	
		1888	81,9	2,06	169,4	3,1	525,0	223,1	
		1895	85,2	1,99	169,7	3,2	543,0	161,9	
Пшеница яровая	1900	85,2	2,16	184,4	3,1	571,5	173,2		
	1910	91,7	2,00	183,4	4,0	733,5	179,4		
	1913	93,4	1,81	169,4	4,8	813,0	189,2		
	1915	93,4	1,86	173,4	4,3	745,5	220,1		
	1883	151,7 ¹	1,21	184,0	2,6	472,3	52,2		
	1888	147,4	1,18	174,4	2,4	418,5	50,7		
	1895	150,7	1,11	167,9	3,6	604,5	51,8		
	1900	152,3	1,08	165,0	3,5	577,5	59,9		
	1910	136,0	1,31	177,9	2,1	373,5	72,3		
	1913	149,1	1,16	172,7	3,9	673,5	66,8		
Ячмень яровой	1915	155,6	1,07	167,1	4,3	718,5	75,6		
	1883	101,6 ¹	1,41	143,0	2,7	381,3	21,5		
	1888	106,5	1,35	144,2	4,8	692,3	21,4		
	1895	106,5	1,36	144,5	4,6	664,5	10,6		
	1900	117,9	1,23	145,4	4,2	610,5	9,7		
	1910	121,2	1,50	181,3	4,5	816,0	7,8		
	1913	124,5	1,28	159,7	6,8	1086,0	6,9		
	1915	131,0	1,23	161,3	5,6	903,0	9,3		

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
Центрально-земледельческий район									
Тульская	Рожь озимая	1797		1,15 ²					
		1883	146,1 ¹	1,08	157,2	4,3	682,4	396,6	
		1888	145,8	1,07	155,3	4,9	761,0	394,1	
		1895	147,4	1,05	155,3	5,1	792,0	367,6	
		1900	147,4	1,04	153,5	6,5	997,5	370,5	
		1910	144,1	1,06	152,8	4,3	657,0	375,1	
		1913	147,4	1,01	148,8	4,9	729,0	380,9	
		1915	147,4	1,03	152,5	5,9	900,0	476,4	
		Овес яровой	1797		2,28 ²				
	1883		95,0 ¹	2,20	208,8	3,3	696,0	291,2	
	1888		98,3	2,19	215,0	3,6	774,0	292,4	
	1895		96,6	2,05	197,7	3,9	771,0	259,2	
	1900		101,6	1,91	194,2	3,6	699,0	259,2	
	1910		101,6	1,92	195,4	4,2	820,5	260,1	
	1913		101,6	1,88	190,7	4,5	858,0	273,9	
	1915		101,6	1,98	201,3	3,8	765,0	344,5	
	Рязанская		Рожь озимая	1883	143,8 ¹	1,04	149,8	4,8	724,4
		1888		142,5	1,02	145,6	5,2	756,9	479,7
		1895		147,4	0,98	144,4	5,9	852,0	442,6
1900		147,4		0,99	145,7	7,3	1063,5	443,9	
1910		145,8		1,02	148,4	4,8	712,5	434,6	
1913		145,8		0,99	143,6	4,7	675,0	448,3	
1915		145,8		1,00	145,5	6,7	975,0	533,7	
Овес яровой		1883	89,8 ¹	1,97	176,7	3,9	665,8	290,6	
		1888	93,4	1,92	179,0	4,3	769,5	280,6	
		1895	93,4	1,89	176,7	4,1	724,5	225,4	
		1900	95,0	1,90	180,9	3,5	633,0	221,1	
		1910	96,6	1,86	179,4	5,2	933,0	244,5	
		1913	98,3	1,83	180,0	4,7	846,0	242,9	
		1915	98,3	1,83	179,4	4,8	861,0	320,2	
		Орловская	Рожь озимая	1797		1,10 ²			
1883	144,5 ¹			0,94	135,6	4,9	661,5	491,1	
1888	144,1			0,96	138,0	4,4	607,2	528,0	
1895	147,4			0,92	135,9	5,2	706,5	486,6	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
		1900	147,4	0,92	135,5	6,0	813,0	521,4	
		1910	144,1	0,94	135,5	5,7	772,5	531,2	
		1913	144,1	0,93	134,4	4,9	658,5	520,5	
		1915	147,4	0,92	135,0	6,2	837,0	634,2	
	Овес яровой	1797		2,28 ²					
		1883	91,4 ¹	1,98	181,0	3,6	652,9	324,9	
		1888	93,4	1,93	180,5	3,6	649,8	323,6	
		1895	95,0	1,81	171,7	3,8	652,5	290,5	
		1900	96,6	1,84	178,1	3,1	552,0	295,3	
		1910	96,6	1,76	169,8	4,4	747,0	300,2	
		1913	99,9	1,70	169,7	5,1	865,5	303,5	
		1915	96,6	1,78	172,5	3,6	621,0	376,9	
		Курская	Рожь озимая	1797		1,14 ²			
	1883			141,5 ¹	0,94	132,8	5,6	738,7	667,1
	1888			140,9	0,92	129,0	5,3	683,7	670,6
1895	147,4			0,93	137,8	7,0	964,5	647,1	
1900	145,8			0,92	134,6	7,0	942,0	676,0	
1910	142,5			0,94	134,5	6,3	847,5	628,2	
1913	140,9			0,96	135,5	5,7	772,5	632,7	
1915	145,8			0,92	134,6	7,2	969,0	749,5	
Овес яровой	1797				1,85 ²				
	1883		91,4 ¹	1,81	165,3	3,7	619,4	382,7	
	1888		90,1	1,83	165,0	3,3	544,5	379,1	
	1895		88,5	1,88	166,2	3,9	648,0	364,6	
	1900		93,4	1,79	166,8	3,3	550,5	359,3	
	1910		99,9	1,71	170,6	4,8	819,0	352,0	
	1913		104,8	1,67	174,8	6,4	1119,0	333,7	
	1915		99,9	1,71	170,5	4,1	699,0	431,1	
	Пшеница яровая		1797		1,19 ²				
1883			150,0 ¹	0,97	146,0	2,8	412,2	12,1	
1888			154,0	0,94	144,1	4,5	648,6	9,3	
1895			157,2	0,92	144,9	5,0	724,5	9,2	
1900		154,0	0,92	141,8	5,1	723,0	9,0		
1910		152,3	0,91	137,9	5,6	772,5	34,2		
1913		157,2	0,90	141,9	7,2	1021,5	30,9		
1915	155,6	0,91	141,1	6,4	903,0	35,6			

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
	Ячмень яровой	1883	126,1 ¹	1,06	134,3	4,4	589,1	19,3
		1888	129,4	1,01	130,6	4,9	639,9	19,3
		1895	126,1	1,02	128,3	5,8	744,0	37,6
		1900	127,8	0,99	126,3	4,5	568,5	31,6
		1910	127,8	1,09	139,8	6,2	867,0	36,3
		1913	129,4	1,10	142,0	7,1	1008,0	31,4
		1915	129,4	1,13	146,1	5,7	832,5	38,1
Воронежская	Рожь озимая	1883	144,5 ¹	0,90	130,6	4,9	635,0	841,2
		1888	149,1	0,90	134,3	6,1	819,0	825,8
		1895	150,7	0,84	127,2	8,1	1030,5	720,6
		1900	149,1	0,87	130,3	6,7	873,0	742,2
		1910	142,5	0,90	128,8	5,1	657,0	548,0
		1913	145,8	0,86	125,7	6,8	855,0	695,3
		1915	150,7	0,86	129,5	8,2	1062,0	820,4
	Овес яровой	1883	87,8 ¹	1,71	149,7	4,0	603,0	348,7
		1888	93,4	1,69	158,0	4,6	726,8	347,7
		1895	91,7	1,74	159,7	3,7	591,0	253,0
		1900	93,4	1,61	150,4	3,6	541,5	237,9
		1910	95,0	1,67	158,4	5,2	823,5	261,7
		1913	96,6	1,66	160,2	5,9	945,0	233,2
	Пшеница яровая	1883	157,2 ¹	0,80	126,0	3,3	417,6	284,2
1888		163,8	0,80	131,3	4,8	630,0	287,8	
1895		158,9	0,77	122,2	4,7	574,5	310,2	
1900		160,5	0,79	126,4	4,0	505,5	327,7	
1910		154,5	0,76	116,6	4,4	513,0	469,2	
1913		157,2	0,74	117,1	6,3	738,0	439,6	
Ячмень яровой	1883	124,5 ¹	0,90	112,6	3,7	421,8	119,8	
	1888	127,8	0,95	121,5	5,2	631,8	118,1	
	1895	129,4	0,91	118,3	4,4	520,5	173,9	
	1900	127,8	0,96	122,8	4,3	528,0	187,7	
	1910	131,0	0,95	124,0	4,1	508,5	244,5	
	1913	134,3	0,92	123,3	5,4	666,0	208,0	
	1915	132,7	0,92	122,6	5,1	625,5	219,3	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Тамбовская	Рожь озимая	1883	144,1 ¹	0,95	137,0	5,0	686,4	820,2
		1888	142,5	0,93	132,7	5,9	783,0	832,3
		1895	149,1	0,92	136,7	8,1	1107,0	784,1
		1900	147,4	0,93	137,5	8,4	1155,0	797,7
		1910	140,9	0,96	135,9	5,2	706,5	759,1
		1913	140,9	0,97	136,0	4,7	639,0	794,5
		1915	147,4	0,92	136,0	7,6	1033,5	975,8
	Овес яровой	1883	86,5 ¹	1,89	163,4	4,6	752,4	424,2
		1888	91,7	1,89	173,0	5,0	865,2	421,0
		1895	93,4	1,82	170,1	4,7	799,5	369,1
		1900	91,7	1,89	173,6	3,5	607,5	408,9
		1910	96,6	1,78	171,6	6,1	1047,0	442,5
		1913	95,0	1,77	167,9	5,1	856,5	430,4
		1915	95,0	1,79	170,4	5,0	852,0	542,8

Нижеволжский район

Самарская	Рожь озимая	1883	134,6 ¹	0,76	101,7	1,5	148,0	763,7
		1888	137,6	0,70	96,2	3,8	365,4	739,6
		1895	136,0	0,70	95,6	6,7	640,5	748,9
		1900	131,0	0,72	93,9	7,4	694,5	902,2
		1910	126,1	0,80	100,9	5,1	514,5	713,8
		1913	127,8	0,81	103,2	6,8	702,0	808,1
		1915	132,7	0,80	106,2	7,7	817,5	972,7
	Овес яровой	1883	98,0 ¹	1,53	150,2	5,9	888,0	239,6
		1888	96,6	1,22	118,0	2,4	283,2	242,2
		1895	99,9	1,06	106,0	4,6	487,5	207,6
		1900	96,6	1,12	108,6	6,6	717,0	306,4
		1910	109,7	0,97	106,6	5,8	618,0	256,0
		1913	109,7	0,99	108,2	7,1	768,0	240,8
		1915	108,1	1,11	119,5	6,4	765,0	294,0
	Пшеница яровая	1883	139,2 ¹	0,62	86,1	7,1	612,0	836,9
		1888	144,1	0,56	80,1	2,8	224,4	821,3
		1895	140,9	0,56	78,8	4,7	370,5	923,3
1900		137,6	0,59	80,5	6,5	523,5	1306,9	
1910		132,7	0,63	84,1	6,9	580,5	1827,1	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
		1913	132,7	0,62	82,9	8,4	696,0	1990,9
		1915	134,3	0,77	103,7	6,7	694,5	2496,6
	Ячмень яровой	1883	125,8 ¹	0,84	105,1	7,1	875,5	23,7
		1888	129,4	0,61	79,0	2,1	165,9	23,2
		1895	121,2	0,65	79,4	4,8	381,0	52,6
		1900	126,1	0,63	79,2	7,9	625,5	78,5
		1910	119,6	0,67	79,7	7,7	613,5	110,3
		1913	121,2	0,69	84,2	10,4	876,0	107,4
		1915	127,8	0,76	97,0	8,1	786,0	155,7
Саратов- ская	Рожь озимая	1883	144,1 ¹	0,86	123,8	2,3	290,4	698,2
		1888	144,1	0,79	114,4	4,5	514,8	681,9
		1895	145,8	0,76	110,5	6,8	751,5	636,6
		1900	140,9	0,77	108,9	7,3	795,0	696,4
		1910	139,2	0,76	105,9	4,8	508,5	513,1
		1913	140,9	0,72	101,6	8,8	894,0	647,4
		1915	142,5	0,75	107,0	7,6	813,0	1011,7
	Овес яровой	1883	89,4 ¹	1,53	137,2	5,0	679,8	273,2
		1888	93,4	1,50	140,3	3,9	547,2	268,3
		1895	88,5	1,47	129,7	3,4	441,0	213,8
		1900	90,1	1,49	134,3	4,6	618,0	233,3
		1910	91,7	1,36	124,9	5,2	649,5	218,9
		1913	95,0	1,36	129,0	5,5	709,5	169,7
		1915	95,0	1,35	128,0	4,9	627,0	292,4
	Пшеница яровая	1883	150,0 ¹	0,72	108,2	6,5	700,7	231,4
		1888	150,7	0,66	99,1	3,9	386,4	234,4
		1895	150,7	0,63	95,5	3,3	315,0	459,5
		1900	149,1	0,65	97,0	4,7	456,0	474,6
		1910	140,9	0,69	96,7	5,4	522,0	670,5
		1913	140,9	0,67	94,2	7,5	706,5	638,2
		1915	139,2	0,71	99,5	5,5	547,5	1022,3
	Ячмень яровой	1883	120,9 ¹	0,88	106,6	8,9	952,0	25,0
		1888	119,6	0,84	100,9	3,8	383,3	25,0
		1895	119,6	0,80	95,5	3,8	363,0	23,7
1900		127,8	0,84	107,8	5,8	625,5	20,8	
1910		122,9	0,85	103,9	5,4	561,0	25,8	

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Казан- ская		1913	127,8	0,80	102,2	8,1	828,0	20,9
		1915	129,4	0,83	107,5	6,5	699,0	37,0
	Рожь озимая	1883	136,3 ¹	1,01	137,3	1,5	199,7	836,4
		1888	134,3	1,01	135,0	4,1	553,5	832,5
		1895	137,6	1,06	145,8	5,3	772,5	843,4
		1900	136,0	1,06	143,7	6,2	891,0	854,8
		1910	134,3	1,07	144,2	3,6	519,0	825,2
		1913	137,6	1,01	139,0	6,3	876,0	866,3
		1915	136,0	1,05	143,1	6,7	958,5	899,2
		Овес яровой	1883	89,4 ¹	2,00	179,2	3,4	614,3
	1888		91,7	1,89	173,6	3,0	520,8	366,5
	1895		88,5	2,00	176,6	3,5	618,0	386,5
	1900		90,1	1,88	169,2	3,9	660,0	478,1
	1910		96,6	1,66	160,8	3,9	627,0	531,4
	1913		99,9	1,56	155,7	4,7	732,0	543,2
	1915		103,2	1,55	160,1	3,4	544,5	554,9
	Пшеница яровая	1883	140,2 ¹	1,14	160,5	3,5	565,0	45,0
		1888	140,9	1,07	151,1	3,5	528,9	45,4
		1895	140,9	1,12	157,7	3,1	489,0	42,3
		1900	137,6	1,22	167,2	2,7	451,5	50,0
		1910	127,8	1,25	159,2	3,1	493,5	38,6
		1913	137,6	1,08	148,2	4,9	726,0	56,9
		1915	140,9	1,10	154,3	3,8	586,5	66,3
	Ячмень яровой	1883	118,6 ¹	1,45	172,4	3,2	553,9	75,6
1888		116,3	1,44	167,4	4,2	702,9	74,1	
1895		114,7	1,48	169,8	4,4	747,0	44,9	
1900		114,7	1,59	182,6	2,9	529,5	50,9	
1910		117,9	1,59	187,8	4,8	901,5	44,9	
1913		121,2	1,36	164,7	5,7	939,0	41,8	
1915		132,7	1,30	172,0	4,1	705,0	42,7	
Приуральский район								
Оренбург- ская	Рожь озимая	1883	143,8 ¹	0,97	139,9	2,4	329,3	159,7
		1888	134,3	0,82	110,1	3,8	418,2	149,3
		1895	122,9	0,86	105,3	4,5	474,0	126,1
		1900	131,0	0,74	97,5	3,0	292,5	44,2

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
		1910	129,4	0,81	105,0	3,9	409,5	78,3
		1913	129,4	0,79	101,8	6,1	621,0	174,9
		1915	132,7	0,86	114,0	6,5	741,0	126,4
	Пшеница яровая	1883	152,7 ¹	0,95	145,0	4,8	699,0	697,1
		1888	154,0	0,85	130,2	2,6	338,4	697,6
		1895	136,0	1,02	139,3	4,5	627,0	451,1
		1900	140,9	0,82	116,0	6,3	730,5	816,0
		1910	136,0	0,88	120,0	4,3	516,0	1129,7
		1913	136,0	0,84	114,6	6,7	768,0	996,5
		1915	134,3	0,94	126,2	6,5	820,5	1433,6
Северный Кавказ								
Область Войска Донского	Рожь озимая	1883	147,1 ¹	0,55	80,8	5,5	444,5	603,7
		1888	149,1	0,49	72,6	7,9	573,3	581,8
		1895	149,1	0,48	71,2	5,9	420,0	654,8
		1900	152,3	0,49	75,0	5,6	420,0	650,4
		1910	144,1	0,44	63,3	4,1	259,5	728,0
		1913	147,4	0,44	64,4	10,6	682,5	699,7
		1915	150,7	0,44	66,4	9,9	657,0	795,4
	Овес яровой	1883	96,3 ¹	0,92	88,2	5,6	493,9	200,6
		1888	96,6	0,88	85,3	5,5	469,1	205,9
		1895	93,4	0,88	82,1	3,8	312,0	184,2
		1900	96,6	0,91	88,1	5,4	475,5	181,8
		1910	111,4	0,80	89,1	5,0	445,5	217,4
		1913	111,4	0,90	100,8	9,9	997,5	192,9
		1915	106,5	0,95	101,2	6,3	637,5	235,8
	Пшеница яровая	1883	160,5 ¹	0,54	86,4	6,3	543,9	1030,6
		1888	162,2	0,51	83,2	7,5	623,7	1049,9
		1895	158,9	0,54	85,2	4,4	375,0	998,9
		1900	160,5	0,54	86,0	5,2	447,0	1280,2
		1910	155,6	0,52	80,2	4,9	393,0	1910,9
		1913	157,2	0,50	79,4	9,6	762,0	1905,1
		1915	152,3	0,55	84,1	5,3	445,5	2547,2
	Ячмень яровой	1883	137,6 ¹	0,74	102,4	6,2	630,0	253,0
		1888	136,0	0,69	94,3	6,6	622,5	252,1
		1895	127,8	0,73	93,8	4,7	441,0	400,6

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
		1900	129,4	0,75	97,4	5,9	574,5	454,8	
		1910	145,8	0,65	94,4	6,2	585,0	874,3	
		1913	145,8	0,67	97,7	9,6	937,5	838,6	
		1915	145,8	0,68	99,0	7,0	693,0	1177,0	
Ставро- польская	Рожь озимая	1892	155,6	0,52	80,2	9,6	769,5	66,8	
		1895	155,6	0,52	80,3	7,9	634,5	58,0	
		1900	152,3	0,54	82,0	6,9	565,5	51,2	
		1910	152,3	0,71	107,4	5,6	601,5	13,8	
		1913	154,0	0,74	113,5	4,6	522,0	9,2	
		1915	140,9	0,67	94,5	7,3	690,0	7,1	
		Пшеница яровая	1892	165,4	0,52	86,3	9,3	803,0	169,4
			1895	162,2	0,53	85,8	7,1	609,0	224,3
	1900		157,2	0,55	85,8	5,3	454,5	168,0	
	1910		157,2	0,76	120,0	4,1	492,0	355,1	
	1913		162,2	0,79	128,5	6,2	796,5	483,0	
	1915		158,9	0,75	119,4	5,0	597,0	580,8	
	Кубан- ская	Рожь озимая	1892	157,2	0,73	114,5	8,3	950,4	146,1
			1895	157,2	0,77	120,8	7,3	882,0	152,5
1900			157,2	0,80	126,1	6,4	807,0	126,2	
1910			154,0	0,90	138,1	8,8	1215,0	124,7	
1913			157,2	0,86	135,4	8,5	1150,5	101,2	
1915			139,2	0,95	133,0	6,6	877,5	70,7	
Пшеница яровая		1892	160,5	0,66	105,3	8,1	852,6	287,6	
		1895	157,2	0,72	113,6	5,4	613,5	388,5	
		1900	162,2	0,74	120,5	5,5	663,0	443,9	
		1910	160,5	0,85	135,6	7,0	949,5	627,5	
		1913	163,8	0,76	124,3	9,1	1131,0	687,7	
		1915	160,5	0,84	134,6	7,0	942,0	652,1	
		Ячмень яровой	1892	147,4	0,80	117,6	9,3	1093,5	264,8
			1895	131,0	0,82	107,2	7,4	793,5	301,0
1900	142,5		0,85	121,8	7,7	937,5	353,7		
1910	157,2		0,83	130,4	8,5	1108,5	686,9		
1913	158,9		0,83	131,9	9,1	1200,0	782,2		
1915	160,5		0,75	119,6	8,0	957,0	808,0		

* Составлено и подсчитано по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. (Материалы Центрального Статистического Комитета по урожаям на надельных землях.) М.: ЦСУ СССР, 1928.

Примечание: Разделение Европейской России по земельным районам принято по состоянию на начало 80-х годов XIX в. См.: *Зверинский В.* Урожай 1883 г. в Европейской России. Общие выводы. СПб., 1884. С. 8; *Фортунатов А.* К вопросу о сельскохозяйственных районах в России. СПб., [1892]. Карта №3: Области, установленные в «Статистике поземельной собственности» (1877–78 гг.).

В настоящую таблицу включены данные по 20 губерниям тогдашней Европейской России, представлявшим пять крупных земельных регионов (районов) страны. На рубеже XIX–XX вв. эти 20 губерний составляли две пятых общего числа губерний данной части Российской Империи, а по состоянию на 1923 г. — 65% всех губерний европейской части образовавшейся в 1922 г. РСФСР. На эти же 20 губерний в 1923 г. приходилось 65,3% всех посевных площадей данной части Российской Республики (см.: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с. 60–68).

¹ «Свод статистических сведений» за период 1883–1915 гг. не приводит сведений о весовом наполнении четверти за 1883 г. Поэтому для расчетов урожайности в метрических мерах на 1883 г. мы допустили, что показатель весового наполнения четверти на 1883 г. был таким же, как и в 1888 г. — первом году, по которому ЦСК приводит данные о весовом наполнении четверти (в пудах). Поэтому в таблице все расчеты на 1883 г., в которых используется данный показатель (вес сама в *кг/га*, урожайность, выраженная в *кг/га*, посевная площадь, исчисленная в *тыс. га*), являются приблизительными (ориентировочными).

² Данные за конец XVIII в., приведены по работе: *Милов Л.В.* Велико-русский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. с. 122, 125, 126, 129, 130. Исчислены как средневзвешенная величина по количеству наблюдений, фиксирующих ту или иную густоту посева данной культуры по уездам рассматриваемых пяти губерний.

Глава III

Движение урожайности хлебов в России.

1795–2007 годы (продолжение).

«Длинные волны» изменений (по Н.Д. Кондратьеву)

В настоящей главе вопросы динамики урожайности хлебов в России мы будем рассматривать в контексте теории «длинных волн», разработанной великим ученым России Н.Д. Кондратьевым.

Понятие «длинная циклическая волна» по Н.Д. Кондратьеву обладает рядом характеристик, определяющих специфический тип видения экономического процесса. «Мысль о том, что динамика экономической жизни при капиталистическом строе общества имеет не простой и линейный, а сложный и циклический характер, в настоящее время можно считать общепризнанной», — писал Н.Д. Кондратьев в 1925 г.¹ Как показал последующий исторический опыт мирового развития, экономический рост отличается не равномерной, а неравномерной интенсивностью на различных отрезках исторического времени при любом общественном строе. Вместе с тем при определяющем воздействии на динамику роста в XX веке (особенно со второй его половины) общемировых процессов индивидуальные черты социально-экономической и политической жизни каждой отдельно взятой страны накладывают свои особые отпечатки на отдельные фазы цикла, их интенсивность и конечные результаты. Неравномерный процесс циклического развития с чередующимися фазами подъема и спада, охватывающий период исторического времени приблизительно в 50–60 лет, принято называть «длинной кондратьевской волной» (графически она изображается в виде синусоидальной кривой).

Иначе говоря, «циклически-волновое» видение по Н.Д. Кондратьеву процесса экономической динамики позволяет представить последний как непрерывный во времени, целостный поток, выявлять в *долгосрочной* ретроспективе его «взлеты» и «обвалы», обусловленные как факторами глобального порядка, то есть действующими на общемировом пространстве (такими как войны, экономические кризисы, социальные революции, перевороты в технологическом способе производства и др.), так и факторами сугубо внутренней жизни.

Мы считаем, что теория «длинных волн» Н.Д. Кондратьева может быть использована (при дополнительной разработке его методики) для исследования эволюции различных сельскохозяйственных объектов, в частности — урожайности. В настоящей главе поднимается проблема циклической неравномерности ее исторических изменений. Но вначале мы считаем необходимым затронуть, в кратком изложении, некоторые важные, на наш взгляд, для последующего анализа положения методики Н.Д. Кондратьева применительно к экономическому росту в сельском хозяйстве.

1. Методика исследования

Н.Д. Кондратьев первым в мировой науке разработал математически выверенную логику выделения в потоке исторического времени законченного цикла, причем порой на фоне кажущегося стабильным экономического процесса. Методика Н.Д. Кондратьева, созданная для анализа «больших циклов конъюнктуры» капиталистического хозяйства, основана на изучении колебаний реального темпа роста вокруг трендовых (усредненных) его значений на данном отрезке исторического времени². Другими словами, анализируя каждый особый ряд натуральных годовых показателей, ученый рассчитывал тренд, а затем исследовал отклонения (дисперсию) значений реального ряда от расчетных (трендовых) значений. В большинстве случаев при установлении временных границ «больших циклов» он сглаживал «выбросы» в этих отклонениях по скользящей средней за девятилетний период, чтобы избежать, помимо прочего, влияния «малых» и «средних» циклов³. Если отклонения имели положительные значения, на волне фиксировалась положительная фаза, и, наоборот, при отрицательных значениях отклонений волна входила в отрицательную фазу. Н.Д. Кондратьев трактовал это явление следующим образом: при увеличении темпа роста исследуемых показателей выше трендовых значений имеет место повышательная тенденция (или фаза) в экономической активности, а при падении темпа роста ниже трендовых значений можно говорить о понижающейся тенденции (фазе) в ней.

Заранее оговорим, что анализ «больших циклов» урожайности мы предпримем, используя графическое их изображение. Ибо именно такое изображение позволяет при соответствующей обработке исходного статистического материала получить ту информацию о циклах, которая может быть упущена при анализе значений натуральных данных.

Крупным открытием Н.Д. Кондратьева было принятие трендовой линии динамики исследуемых показателей за нулевую отметку, вокруг которой и исследуются колебательные движения. Тем самым ученый исключил из анализа экономического процесса собственно скорость экономического роста, оставив для изучения только *изменяющуюся неравномерность* его темпов в историческом времени.

При построении графиков «кондратьевских волн» на базе графиков динамики натуральных значений исследуемых показателей (как того требует методика, разработанная Н.Д. Кондратьевым) происходит смещение системы координат. Так, если графики натуральных значений представлены в привычной нам системе координат, где на оси абсцисс фиксируется историческое время, а на оси ординат — абсолютные значения исследуемого показателя, то при построении графика «кондратьевских волн» трендовая линия, изображенная на графике натуральных показателей (см. рис. III-1), отображается в ось абсцисс на графике «кондратьевских волн» (см. рис. III-2); на эту ось в свою очередь проецируются временные точки, а на оси ординат отмечаются относительные величины, являющиеся отклонениями точек реального ряда динамики индексов от расчетных значений трендовой линии. В классической методике Н.Д. Кондратьева трендовая линия может иметь не только линейный вид, она может принимать вид параболической или экспоненциальной кривой; тогда преобразование системы координат будет носить нелинейный характер.

Таким образом, графики «кондратьевских волн» представляют собой систему относительных кривых, где только временные диапазоны сопоставимы с временными отрезками реального экономического процесса, и поэтому они могут согласовываться с соответствующими отрезками кривых на графиках первого типа. По поведению кривых на временной оси мы и можем выявлять границы «больших циклов», сами же по себе значения амплитуд «кондратьевских волн» являются относительными величинами и могут свидетельствовать о степени *неравномерности* процесса экономического роста в данной конкретной стране лишь в рамках условных оценок — «больше», «меньше».

Рассматриваемые в совокупности, графики обоих типов позволяют запечатлеть целостный экономический процесс как бы в двух его ипостасях: во-первых, со стороны его цикличности и неравномерности его хода в историческом времени и, во-вторых, со стороны реальных технологических изменений в уровне развития исследуемого объекта в период цикла.

Трудность анализа циклических изменений в столь сложной системе, как хозяйство агросферы, обусловлена не только характером экономической природы объекта, но и особой чувствительностью к природным факторам экономической деятельности людей (включая экологические факторы человеческого бытия). Более того, циклическая неравномерность развития хозяйства агросферы (то есть временное чередование повышательной и понижательной фаз цикла) должна быть оценена и в контексте изменений, происходящих в более широком мире и оказывающих непосредственное воздействие на изменения в сельском хозяйстве. (Например, в том, что касается циклов XX века, в частности, протекавших в России, можно особое внимание обратить на влияние, оказываемое на хозяйство агросферы достижениями научно-технического прогресса, с одной стороны, и факторами политического насилия (внеэкономического принуждения), нарушающими естественное течение процесса изменений, детерминируемого собственно экономическими законами — с другой.)

Поэтому, хотя циклические изменения в хозяйстве агросферы в конечном итоге обусловлены макроэкономическими циклическими изменениями и по времени, с возможным «запаздывающим» лагом, связаны с последними, «большой цикл» развития данного хозяйства отличается определенной *автономией* и имеет свои специфические особенности и свои *временные границы*.

Мы исходим из того, что в исторической динамике хозяйства агросферы России может быть выявлена, если использовать методику Н.Д. Кондратьева, *двухфазовая* волна большого цикла длиной примерно 50 – 60 лет. Мы основываемся также на мысли Н.Д. Кондратьева о том, что «большой цикл конъюнктуры» открывается его повышательной фазой.

Вместе с тем методика Н.Д. Кондратьева предполагает параллельное исследование и динамических рядов натуральных показателей. Только такой двуединый подход позволяет дать полноценную оценку содержательной части «большого цикла». Поэтому при анализе долгосрочной динамики урожайности зерновых мы постараемся выявить обе составляющие историко-экономического процесса: трендовую и циклическую.

2. Тренды долгосрочной динамики урожайности

Тренд как отражение долгосрочной тенденции определяется базисными условиями экономического роста, такими как технологический уровень производства, отношения собственности, численность

населения. Его динамика, в частности, обусловлена фундаментальными изменениями в производительных силах и связанным с этими изменениями технологическим прогрессом общественного производства⁴. Долгосрочный тренд не подвержен воздействию кратковременных колебаний экономической конъюнктуры. Вместе с тем на циклическую неравномерность большее влияние оказывают именно кратковременные факторы экономической динамики, такие как рыночная конъюнктура, проявляющаяся в колебаниях цен и спроса, а также социально-политическая ситуация. Эти детерминанты, названные нами соответственно «рыночной» и «политической», мы рассмотрим в следующем разделе.

Для целей настоящего исследования предлагается использовать метод «разорванного» тренда, благодаря которому можно графически выделить в сельском хозяйстве страны — на протяжении 212-летнего периода (1795–2007) — этапы смены технологического базиса производства, институциональной и экономической основы его социальной организации (форм собственности, типов хозяйства).

Согласно классической методике Кондратьева, на протяжении всего периода для оценки динамики изучаемого параметра подбирается одна неизменяемая линия тренда. Метод «разорванного» тренда предполагает, что линия тренда описывается не одним уравнением на протяжении всего исследуемого периода, а имеет разные уравнения (линейного типа) и, соответственно, на графике — различный наклон, зависящий от интенсивности изменения урожайности. Именно при исследовании циклически-волновой динамики урожайности, присущей кардинально различным технологическим стадиям бытия сельского хозяйства (смену таких стадий мы наблюдаем на протяжении двух рассматриваемых веков), выявляются все преимущества данного метода. Так, динамика урожайности, свойственная периоду XIX века, характеризуется весьма незначительными изменениями (по сравнению с движением урожайности, например, в середине XX века), и при построении единой трендовой линии во всем временном интервале таковые изменения просто не могут быть учтены. Методика «разорванного» тренда позволяет успешно решить эту задачу.

Визуальный анализ динамики урожайности на отрезке в 212 лет (см. рис. III-1) показывает, что существуют временные точки (или короткие периоды), где характер движения данного параметра качественно изменяется (в этих точках либо может резко меняться скорость изменения параметра, либо отрицательная динамика его изменения может сменяться положительной). Это связано со сменой технологических режимов роста и может свидетельствовать не

только о чередовании фаз в рамках одного цикла, но и о начале нового «большого цикла». Рельефно такой перелом проявляется, например, в точке 1948–1949 гг. (см. рис. III-1), но его можно идентифицировать, хотя и при менее выпуклом изломе трендовой линии, в точке 1867 г.

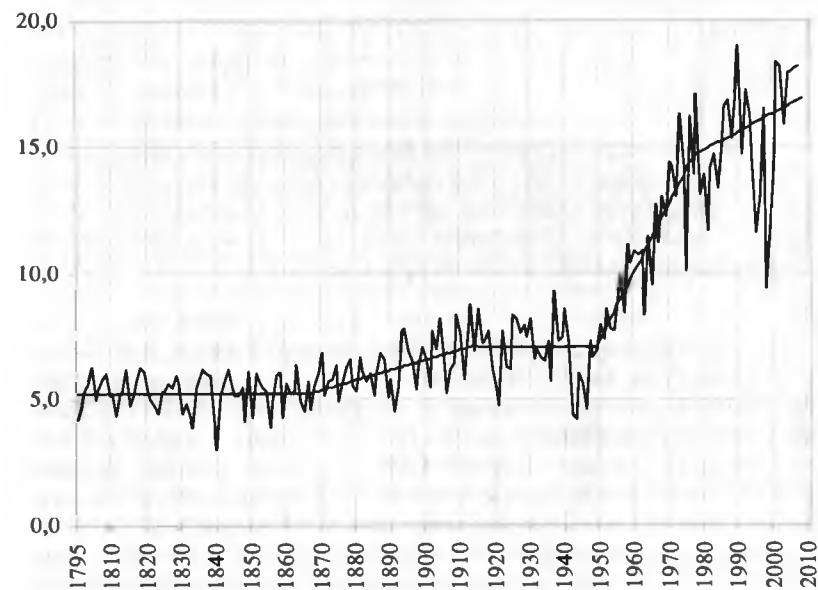
Методика «разорванного» тренда предназначена для определения временных точек перелома и подбора трендовых линий, соответствующих различным историческим периодам роста. Предложенный в работе метод состоит в следующем. На первом этапе, прибегнув к экспертному анализу, мы выделяли возможные 5-летние области, в рамках которых предположительно могла находиться точка перелома тренда. Таким образом, график натуральных величин как бы разбивался на две части с одной общей 5-летней областью, но так как исследовалось сразу несколько предполагаемых областей перелома, то и вариантов разбивок было несколько. Для каждого варианта разбивки на стороне каждой из двух частей графика рассчитывались (по методу наименьших квадратов) две пересекающиеся линии тренда. Критерием выбора нужного варианта разбивки были два необходимых условия: во-первых, точка пересечения тренда должна была находиться в 5-летней области перелома, ранее предположенной именно для данного варианта разбивки; и, во-вторых, стандартная ошибка отклонения пересекающихся трендов от реального ряда показателей для данного варианта (по сравнению с другими вариантами) должна была быть минимальна. Если выбранный вариант разбивки графика удовлетворял обоим перечисленным условиям, а также не противоречил первоначально сделанной экспертной оценке, касавшейся реальных возможностей смены режимов роста в выделенный исторический период, то мы рассматривали временную точку пересечения трендов как точку перелома в режиме технологического роста, а отрезки трендов как наиболее точно отражающие движение исследуемого параметра. Такая точка перелома могла совпадать с началом следующего цикла (в идеальном, с точки зрения волновой динамики, случае), как это было в 1949 г., а могла и не совпадать (если имели место существенные экономические деформации в развитии хозяйства агросферы), примером чего может служить 1867 г.

На основании этой методики, изучая динамику урожайности зерновых в 1795–2007 гг. (см. Приложение-3.1), мы выделили пять периодов, которые показаны на рис. III-1. В таблице III-1 приведены временные границы этих периодов и соответствующие им уравнения линейных трендов. В уравнении тренда урожайность (Y) зависит от времени (t), причем за начальную точку отсчета времени ($t=0$)

принят первый год выделенного периода. Уравнение линейного тренда имеет вид $Y = a + b \cdot t$, где a – начальное трендовое значение урожайности в выделенном периоде, b – приростный коэффициент урожайности (или наклон графика тренда), в частности при положительных значениях коэффициента b трендовый уровень урожайности имеет тенденцию к увеличению, при отрицательных — к снижению.

Рис. III-1

Россия: динамика урожайности зерновых в 1795–2007 гг., ц/га

Попытаемся объяснить, что в долгосрочной исторической ретроспективе определяло трендовый уровень динамики урожайности хлебов в России⁵, а также чем могли быть вызваны переломы трендовой линии на графике урожайности (см. рис. III-1).

Таблица III-1

Тренды динамики урожайности зерновых в России по периодам, 1795–2007 гг.

№	Годы	Вид тренда урожайности (Y)	Количество лет (t)	Ежегодный темп прироста урожайности, %
1	1795–1867	$Y = 5,25 - 0,0001 \cdot t$	72	(-) 0,001
2	1867–1915	$Y = 5,24 + 0,0385 \cdot t$	48	(+) 0,70
3	1915–1949	$Y = 7,09 - 0,0002 \cdot t$	34	(-) 0,02
4	1949–1979	$Y = 7,08 + 0,2550 \cdot t$	30	(+) 2,45
5	1979–2007*	$Y = 14,74 + 0,0744 \cdot t$	28	(+) 0,45
	1979–2000		21	(+) 0,01
	2000–2007		7	(+) 1,97

* Этот период разбит на два подпериода: первый, длительностью 21 год, характеризующийся длительной стагнацией роста урожайности зерновых, и второй, охватывающий первые семь лет XXI века, в течение которых произошел одномоментный скачок урожайности (2001–2002), позволивший вытянуть в положительную динамику тренд всего пятого периода.

Первый период (1795–1867) характеризовался, как было показано ранее (см. табл. II-9, III-1), абсолютной стагнацией урожайности (ежегодный темп ее прироста составил минус 0,001%), трендовый уровень урожайности хлебов (рассчитанный по таблице III-1) за все 72 года показывал значения 5,25 ц/га. Какие факторы определили столь длительный застой в динамике урожайности зерновых? В предыдущей главе мы рассказали, по каким направлениям изменялась технология высева хлебов в средней полосе и на юге России в XIX в. (особенно во второй его половине), однако положение аграрного сектора страны на рубеже XVIII–XIX вв., когда формировались предпосылки модели зернового хозяйства, определившей движение урожайности хлебов в течение первых шести с лишним десятилетий XIX века, затронуто не было.

Почти весь период 1795–1867 гг. прошел под давлением сохранявшихся крепостнических отношений, которые уже с начала XIX века существенно тормозили рост экономической эффективности в аграрном секторе. В российском сельском хозяйстве были

распространены хозяйства двух типов: помещичье и крестьянское. Особенности российской статистики в XIX в. позволяют вычленил сектор помещичьих имений (к нему относились помещичьи хозяйства и хозяйства крепостных крестьян, которые считались собственностью помещиков и несли повинность в форме барщины и/или оброка), на который приходилось 59% посевов зерновых; крестьянские хозяйства, возделывавшие земли, принадлежавшие государству – «казне» (в этот сектор включались крестьяне, которые считались «свободными сельскими обывателями» и выплачивали в казну ренту в виде денежного оброка), располагали 38% посевов зерновых; удельные крепостные крестьяне (они были прикреплены к землям царской фамилии и выплачивали казне денежный оброк) обрабатывали 3% посевной площади. Если выделить примерную долю запашки в помещичьих имениях, то получим следующие соотношения социального распределения посевной площади под *зерновыми*: 24% посевов зерновых культур приходилось на хозяйства помещиков, 35% — на хозяйства крепостных крестьян, 38% — на хозяйства государственных крестьян, 3% — на хозяйства удельных крестьян⁶.

В последнюю треть XVIII в. происходил подъем сельскохозяйственного производства. В связи с реформами 60-х годов XVIII в. укрепился тип помещичьего хозяйства, основанный на подневольном (крепостном) труде и частично ориентированный на рынок⁷. Освободившиеся от обязательной государственной службы помещики стали воспринимать земледелие как источник получения товарного хлеба и, соответственно, денежных доходов. В этот период начал формироваться общероссийский рынок зерна. Согласно исследованиям Б.Н. Миронова, скачок в рыночной инфраструктуре произошел в России с 1760 по 1790 г., когда численность торговой сети (ярмарок, базаров, торговых стационарных центров) увеличилась с 955 до 2571 пункта, в дальнейшем вплоть до 60-х годов XIX в. она оставалась практически неизменной (2636 пункта в 1860 г.)⁸.

Реформы Екатерины II способствовали росту у помещиков интереса к занятиям сельским хозяйством. В частности, в крупных помещичьих экономиях бурно развивалось оранжерейное производство престижных сельскохозяйственных продуктов – фруктов, овощей, цветов. На плодородных землях в черноземных губерниях основывались обширные помещичьи зерновые хозяйства, производившие хлеба не только для внутривладельческого потребления, но и для рынка, главным образом, внутривладельческого. Постепенно эти хозяйства стали поставлять зерно на внешние рынки, хотя следует отметить, что доля экспорта хлебов в общероссийском экспорте была на рубеже XVIII–XIX вв. весьма незначительной. Товарность

сельскохозяйственной продукции начала медленно повышаться; по данным Б.Н. Миронова (опиравшегося в своих оценках на расчеты В.К. Яцунского и И.Д. Ковальченко), товарность зерновых поднялась с 9–12% их валового сбора в начале XIX в. до 17–18% в 60-х годах XIX в.⁹ По расчетам зернового баланса, проведенным Начальником ЦСУ П.И. Поповым, выход зерна на рынок в 1840–1850 гг. составил 11,4% валового сбора, в 1850–1860 гг. — 15,7%, в 1861–1870 гг. — 16,4% (см. табл. III-2). Причем в поставках на рынок товарного хлеба преобладали помещичьи экономии. По оценкам А.С. Нифонтова, «уровень товарности земледелия в помещичьих экономиях достигал 57–59%, в хозяйствах помещичьих крепостных — 6–8%, государственных крестьян — 11–13% валового сбора»¹⁰ (хлебов).

Создание в 1765 г. Вольного экономического общества расширило доступ наиболее активной части помещичьего сословия к современным знаниям в области аграрного производства. Однако несмотря на то, что в отдельных помещичьих хозяйствах начали проводиться организационные и, в меньшей степени, технологические усовершенствования, экономический рост в сельском хозяйстве в целом определялся экстенсивными факторами.

Увеличение производства происходило, во-первых, за счет расширения посевных площадей во вновь осваиваемых регионах Причерноморья и Сибири (результатом явилось увеличение числа крестьянских хозяйств) и, во-вторых, за счет распашки части угодий на уже освоенных помещичьих землях в «старых» районах (лесных полос, покосов). О том, с какой быстротой развивалась экстенсивная форма хозяйства в Центрально-земледельческом районе, свидетельствуют данные, приводимые в работе российского историка Л.В. Милова: в Тульской губернии в 1788 г. под посевами было занято 46,7% всех ее пахотных угодий, в 1821 г. — уже 76,9%, а в 1859 г. посевы занимали почти всю площадь пахотных угодий губернии — 99,2%¹¹.

Существенных технологических сдвигов в этот период не наблюдалось. Преобладающими системами земледелия были в это время трехполье — в Центральной России (удобренный пар, озимая рожь, овес или другие яровые), переложная система на вновь осваиваемых землях — в южных и юго-восточных губерниях, подсека¹² — в лесистых северных районах; в структуре посевов преобладала рожь (свыше 50% до середины XIX в.; см. табл. II-1); традиционные сорта предполагали достаточно большую густоту посева при «мелком» размере семян (см. табл. II-3, II-4). О селекции новых сортов зерновых упоминаний не встречается; на вновь осваиваемые земли

переносились сорта, возделывавшиеся в традиционных районах российского земледелия и плохо адаптированные к условиям новых районов, что давало на этих землях более низкие урожаи зерновых. (Только к концу XIX в. появились новые сорта зерновых, в частности пшеницы, позволявшие увеличить урожайность хлебов в южных и юго-восточных губерниях России.)

Увеличивающиеся потребности рынка в товарном зерне (при отсутствии мотивации к повышению производительности труда) помещики восполняли усилением эксплуатации крепостных крестьян. Преобладающей формой организации хозяйственной деятельности стала выступать барщина, предполагавшая бесплатный принудительный труд крепостного крестьянина, отрабатывавшего определенное количество дней в помещичьей экономии. Барщина заменила (а чаще — дополнила) собой оброчный тип отношений между крестьянином и помещиком, при котором крепостной крестьянин выплачивал натуральный и/или денежный оброк, но распоряжался своим рабочим временем¹³. Причем затраты рабочего времени крепостных крестьян на отработку росли прямо пропорционально развитию товарного производства. Точные статистические данные по количеству барщинных дней по России в XVIII — XIX вв., к сожалению, недоступны, но, по грубым оценкам, можно установить, что если в конце XVII в. нормой затрат рабочего времени крестьянского двора при работах на барщине было 1–2 дня в неделю, то к концу XVIII в. количество отработанных дней достигало в некоторых губерниях 5–6 дней¹⁴. Это потребовало от Власти законодательного ограничения числа барщинных дней, что и было сделано Указом Павла I от 1797 г. (установившим, что барщина не может превышать трех дней в неделю с крестьянского двора). Этот указ, однако, помещиками практически не исполнялся. Побуждаемая рынком, неутолимая жажда прибавочного труда у крепостников-помещиков, захватывавшая все большую часть рабочего времени, необходимого для осуществления воспроизводства в самом крестьянском хозяйстве, вместе с тем свидетельствовала о том, что бесплатный ресурс дальнейшего роста доходов помещичьего хозяйства на основе увеличения в нем производства зерновых был к началу XIX в. исчерпан.

Крепостное крестьянское хозяйство являлось своего рода общающим сосудом, прочно связанным с помещичьим хозяйством: ведь тот ресурс рабочего времени, который прибавлялся за счет усиления эксплуатации крепостных в помещичьем хозяйстве, убывал в крестьянском хозяйстве. Данный тип хозяйства, располагавшийся на плодородных черноземных землях, мог бы показать более высокую урожайность, но из-за общего обветшания хозяйства,

преобладания традиционных форм в производственной деятельности, этого не происходило¹⁵.

Стагнация урожайности зерновых в крестьянском хозяйстве в рассматриваемый период была обусловлена и тем, что средств, поступающих в его бюджет от продажи «излишков» зерна (из-за низких цен на хлеб), едва хватало (а Н.М. Дружинин отмечает, что во многих случаях — и не хватало) на выплату денежных повинностей и покупку тех необходимых продуктов, произвести которые в своем хозяйстве крестьянская семья не могла¹⁶.

Хозяйство государственных крестьян, более свободное в использовании своего труда и отягощенное меньшими повинностями, по сравнению с крепостным крестьянским хозяйством, также не показывало роста урожайности зерновых. Экстенсивное распространение земледелия в восточные и южные губернии осуществлялось за счет расширения именно этого ареала крестьянского хозяйства¹⁷. Крестьяне вынуждены были приспосабливаться к новым типам земель, адаптируя традиционные технологические приемы, сельскохозяйственные орудия и сорта зерновых в процессе освоения этих земель. Поэтому на почвах южных и юго-восточных губерний урожайность зерновых оказывалась ниже, чем в зонах традиционного для России земледелия. Причем здесь наблюдался интересный статистический казус: урожайность хлебов, выраженная в «сам-только», в южных и юго-восточных губерниях могла быть выше, чем в центральных районах, но из-за существенно более низкого «веса сама» в этих губерниях (о коэффициенте перевода *сам-только* в *кг/га* см. предыдущую главу) реальная урожайность, выраженная в килограммах зерна, собранного с одного гектара посевной площади, была ниже среднероссийского показателя¹⁸. Все эти факторы приводили к снижению среднего по России показателя урожайности зерновых.

В целом при традиционной системе земледелия урожайность хлебов в России больше зависела от района возделывания, чем от типа хозяйства. Все хозяйства определенного района характеризовались единым уровнем технологического развития, так как и в помещичьих, и в крестьянских хозяйствах применялись однотипные семена, инвентарь, использовались одни и те же агрономические приемы. А.С. Нифонтов указывает на два резерва повышения урожайности хлебов в России¹⁹. Во-первых, на более высокую агротехническую оснащенность хозяйства в отдельных нечерноземных губерниях (Прибалтика, Вологодская губерния), которая позволяла передовым помещичьим экономиям поддерживать относительно высокий уровень урожайности, такие хозяйства, однако, составляли

не более 11% всех помещичьих хозяйств этих губерний. Во-вторых, на тот факт, что потенциал естественного плодородия почв черноземной полосы использовался при господстве традиционных технологий не в полной мере.

Ярким доказательством экстенсивного типа развития зернопроизводящего сектора являлся также стабильно низкий уровень производительности труда в земледелии. Так, рост объема производства в земледелии в сопоставлении с ростом рабочей силы *примерно за век* (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) составил 14%, а подушевые сборы зерновых увеличились на 7% – за шестьдесят лет (с 1802 по 1863 г.)²⁰. Темп прироста производительности труда в земледелии в течение всего рассматриваемого периода можно оценить как 0,1% в год (!).

Второй период (1867–1915.). Обозначившийся с 1867 г. стабильный подъем урожайности зерновых хлебов (см. рис. III-1 и табл. III-1) стал возможен благодаря двум (несомненно взаимосвязанным) обстоятельствам: во-первых — Великой реформе 1861 г., главным результатом которой стало освобождение личности крестьянина от крепостной зависимости, последовавшим за ней реформам 1863 г., 1866 г. (они касались изменения социального положения удельных и государственных крестьян) и, наконец, аграрной реформе 1906 г., связанной с именем П.А. Столыпина; во-вторых — быстрому вовлечению экономики России, и в частности ее аграрного сектора, в международное разделение труда.

Трендовый уровень урожайности хлебов (расчет осуществлен по данным табл. III-1), который отображает положительный рост в рассматриваемый 48-летний период, вырос на треть — с 5,24 *ц/га* до 7,09 *ц/га* (ежегодный темп прироста урожайности составил 0,7%). Рассмотрим причины происшедшего в 1867 г. слома стагнационной (характерной для предыдущего 72-летнего периода) тенденции в движении урожайности хлебов.

Первая — институциональные изменения в структуре земельной собственности России. С отменой крепостного права, подчеркивает А.М. Анфимов, земля с некоторыми ограничениями, касавшимися крестьянских наделов, стала объектом купли-продажи²¹. В рамках реформ 1861–1866 гг. были унифицированы различные типы крестьянского хозяйства, которых (как указывалось ранее) было три: хозяйства крепостных, удельных и государственных крестьян, т.е. законодательно было оформлено единое, с точки зрения гражданских свобод и экономических прав, *крестьянское сословие*. Весьма точную, по нашему мнению, трактовку принципов реформы

1861–1866 гг. привел в своем исследовании 1914 г. французский ученый Эдмон Тери; он выделил следующие из них: 1) после получения крестьянами гражданских свобод помещичья власть была заменена властью общины, которая стала выступать промежуточным звеном между государством и крестьянством; 2) крестьянские земельные наделы сохранялись за общиной, которая должна была выплачивать *выкуп*²²; 3) пользователями земли являлись крестьяне, которые по завершении выплаты выкупа могли распоряжаться своим наделом, т.е. выделить его из общинной собственности, осуществлять продажу или сдачу в аренду, не меняя при этом целевого использования земель; 4) государство помогало общинам осуществлять платежи по выкупу, предоставляя им ссуды²³.

В дальнейшем аграрная реформа 1906 г., связанная с именем П.А. Столыпина, *отменив все накопившиеся за сорок пять лет выкупные платежи по наделам и повинностям*, освободила простор для формирования реальной частной собственности крестьян во владении земель. В рамках этой реформы были проведены межевание и выделение крестьянам земельных участков, направленное на разрушение общины; расширялись зоны сельскохозяйственного производства путем переселенческой политики; постепенно закладывались условия для перехода производителей к новым технологическим методам хозяйствования.

Таким образом, в результате реформ в России был введен институт *частной собственности* принципиально нового «окраса» (категории), характеризовавшийся тем, что земля (хотя и в урезанном виде) стала принадлежать *непосредственному сельскохозяйственному производителю* (первоначально — коллективному, представленному общиной).

В течение четырех с половиной десятилетий, прошедших между реформами 1861–1906 гг., постепенно формировались новые типы крестьянского хозяйства, трансформировалось сознание земледельца-производителя, изменялась мотивация его сельскохозяйственной деятельности. Все чаще целью аграрного производства начинала выступать *прибыль*. Такая целевая функция превалировала в помещичьих хозяйствах (хотя относительная роль последних в производстве хлеба падала по сравнению с предыдущим периодом), а также в хозяйствах нового типа, создававшихся купечеством и разбогатевшими крестьянами путем покупки (и/или аренды) земли. Если в середине XIX в. 24% посевов зерновых концентрировалось в помещичьем хозяйстве, то к концу века удельный вес таких посевов сократился до 21–22%, но получили распространение частнособственнические хозяйства крестьян и купцов, которые (хозяйства) стали

занимать 8% посевной площади²⁴. Таким образом, в конце XIX в. на долю всей группы частновладельческих хозяйств приходилось 30% хлебных посевов в России, остальные же 70% были сосредоточены в крестьянском хозяйстве на наделных (общинных) землях.

Существует определенная корреляция между формой земельной собственности и типом организации производственной деятельности в земледельческом хозяйстве. Оцениваемое по критериям отношения к рынку, крестьянское хозяйство России развивалось по двум направлениям: во-первых, по традиционному пути — хозяйство ориентировалось, главным образом, на обеспечение средствами к жизни крестьянской семьи, в нем использовался преимущественно труд самого производителя и членов его семьи (концентрировалось такое хозяйство на наделных землях), и во-вторых, по капиталистическому пути — хозяйство работало на рынок, было нацелено на получение прибыли и использовало в аграрном производстве, помимо собственного труда, еще и труд наемных рабочих (распространение такой тип хозяйства получил на частнособственнических землях).

В крупных помещичьих экономиях (они были уже полностью интегрированы в рыночную структуру и целевой функцией основной массы таких хозяйств выступало производство товарного зерна) можно также отследить две формы организации хозяйственной деятельности: отработочное, или «кабально-крепостническое» (А.А. Кауфман), хозяйство с раздачей земли в мелкую аренду и обработкой земли инвентарем крестьянина (иногда инвентарем владельца), расчеты с владельцем (бывшим помещиком-крепостником) в таких хозяйствах осуществлялись по преимуществу «исполну», т.е. путем выплаты владельцу в виде арендной платы натурой *половины* собранного урожая (частично практиковались также денежные расчеты); и капиталистическое хозяйство, где применялся наемный труд, внедрялись передовые технологии, технические средства труда²⁵. Сопоставимых данных для оценки удельного веса капиталистического типа хозяйства в рамках аграрного сектора России не существует, но если судить по степени распространения наемного труда в сельском хозяйстве, то его доля к началу XX в. не была значительной. По Всероссийской переписи населения 1897 года, наемные сельскохозяйственные рабочие составляли 9,5% всего взрослого сельскохозяйственного населения (в то время как, например, в Германии, по переписи 1907 года, их доля достигала 29,5% всего числа работников в сельском хозяйстве)²⁶.

Следует отметить, что на старте капиталистического пути владелец далеко не всегда стремился внедрять новые технологии, а

выжимал максимум прибыли из уже освоенных ресурсов. В России это было связано с отсутствием (и даже – прямым расхищением) инвестиционных ресурсов²⁷. К концу XIX в. капиталистическое аграрное хозяйство в среднем по России не успело «набрать обороты» для того, чтобы стать более продуктивным (с более высокой урожайностью хлебов), нежели традиционное²⁸; и только с развитием рыночных отношений, расширением спроса на товарный продукт земледелия под влиянием реформы 1906 г. мы наблюдаем корреляционную связь между ростом урожайности зерновых и территориальным расширением капиталистического типа хозяйства²⁹.

Вторая причина – государственная политика, способствовавшая развитию земледелия и, в частности, увеличению экономической эффективности зернового производства. Существенный сдвиг наблюдался в структуре посевов, на смену традиционной российской культуре Центральных черноземных районов – ржи пришла культура Южных районов – пшеница, которая несла с собой и новую агротехнику (о некоторых особенностях возделывания культуры пшеницы см. предыдущую главу), постепенно стала трансформироваться техническая база в аграрном секторе, появились сельскохозяйственные машины, внедрялись новые сорта семян, вводились прогрессивные системы севооборотов³⁰.

Менялось в определенной степени районирование зернового производства, сокращались посевные площади в нечерноземном Центрально-промышленном районе, где производство хлебов становилось *относительно* менее выгодным объектом экономической деятельности, расширялись посевы зерновых на высокоурожайных черноземных землях, особенно в южных и юго-восточных губерниях³¹.

Начиная с 80-х годов XIX в. государство стало внедрять различные формы экономической поддержки сельскохозяйственного производителя, как крупного помещика, так и мелкого крестьянина, в первую очередь посредством организации системы кредитования производителя. Оно стало предоставлять ссуды на развитие сельскохозяйственного производства (Госбанк России), позднее – ипотечный кредит на приобретение земли (Крестьянский поземельный банк и Дворянский банк) и, наконец, «народный» кредит, ориентированный на поддержку мелкого производителя³². Только оборот «народного» кредита, самого доступного для мелкого производителя, вырос с 1905 по 1912 г. более чем в 5 раз – с 112,5 млн. руб. до 580,4 млн. руб. Общая площадь земель, проданных крестьянам в кредит Крестьянским поземельным банком за 30 лет (с 1883 по 1912 г.), составила 16,3 млн. га (15% всей посевной площади)³³.

Существенное увеличение эффективности хозяйства было достигнуто благодаря усовершенствованию сельскохозяйственных орудий труда. Н.М. Дружинин отмечает, что этот процесс начался сразу после отмены крепостного права³⁴, однако широкий масштаб внедрение новых средств труда приобрело после реформы 1906 г. В частности, в первое десятилетие XX в. наблюдался существенный рост импорта сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений из-за рубежа³⁵.

Начиная с 1906 г. большие ассигнования правительство России выделяло на сельскохозяйственное образование, причем задача получивших образование агрономов состояла не только в разработке новых агрономических приемов, селекции высокоурожайных сортов, но и в передаче новейших знаний непосредственному производителю – крестьянину.

Третья причина – производство хлебов в России принимает рыночный характер. Постепенно в течение второй половины XIX в. увеличивалась товарность зернового производства, особенно активно этот процесс стал проявляться с 1870-х годов. Так, за десятилетие с 1861–1870 гг. по 1871–1880 гг. товарный выход зерна на внутренний рынок вырос более чем на 5 процентных пунктов, с 16,4% до 21,5% общей массы зерна, учтенного хлебофуражным балансом, а к началу Первой мировой войны, по расчету Н.Д. Кондратьева, осуществленному по хлебофуражному балансу, товарный выход уже достиг 27,8% (см. табл. III-2).

Таблица III-2

Изменение товарности зернового хозяйства России, 1840–1913 гг.

Год	1840–1850	1850–1860	1861–1870	1871–1880	1901–1905	1909–1913	1913
Товарность, %	11,4	15,7	16,4	21,5	23,5	26,7	27,8

* Рассчитано по: Попов П. Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925. С. 18, 37, 38 [данные за 1840–1850, 1850–1860, 1901–1905 гг.]; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М.: «Наука», 1974. С. 214 [данные за 1861–1870, 1871–1880 гг.]; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С.126,130,322 [данные за 1909–1913, 1913 гг.]. См. также: Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. М., 2004, табл. СП-9.

В этот период отмечается активное включение зернового хозяйства России в международное разделение труда. Россия становится ведущей страной, экспортирующей зерно. Наиболее интенсивные процессы интеграции зернового производства России в мировой рынок приходятся на вторую половину XIX в. Так, в 1861 г. объем экспорта зерновых хлебов составлял около 1 млн. т, в 1881 г. он вырос до 3,2 млн. т., а к периоду 1896–1900 гг. — до 7,3 млн. т.³⁶ Причем не только поднимается общий уровень товарности, но и растет доля экспорта зерновых в общей массе товарного хлеба. К концу XIX в. удельный вес экспорта зерновых достигал уже *половины* величины их товарных поставок, осуществлявшихся российской деревней³⁷. Интенсивность, с какой зернопроизводящее хозяйство России включалось в международное разделение труда, подтолкнуло экономическую активность во многих отраслях национального хозяйства, и, естественно, такая активность сопровождалась увеличением продуктивности зернового хозяйства.

Третий период (1915–1949) характеризовался не просто стагнацией трендового уровня урожайности, а даже некоторым его падением (ежегодный темп падения урожайности составил $-0,02\%$). В течение всех тридцати четырех лет рассматриваемого периода тренд урожайности зерновых имел, хотя и небольшой, отрицательный наклон (см. табл. III-1, рис. III-1), отразивший снижение среднего уровня урожайности с $7,09 \text{ ц/га}$ в начале периода до $7,08 \text{ ц/га}$ в его конце. Первая мировая война 1914–1918 гг. ввергла в кризис всю экономику России, однако наиболее значительное сокращение урожайности началось со времени Октябрьского переворота 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны; так, в 1921 г. показатель урожайности был равен $5,0 \text{ ц/га}$ (см. Приложение-3.1). Значимым институциональным преобразованием этого периода стала национализация земли, проведенная в 1917–1919 гг., фактор, который заключал в себе возможность движения к положительному росту продуктивности крестьянского хозяйства, но с самого же начала «новой (коммунистической) эры» труднопреодолимым препятствием на пути сельскохозяйственного прогресса встала политика «военного коммунизма», губительно воздействовавшая на экономический рост в аграрном воспроизводстве; только в период НЭПа обозначился рост урожайности, связанный с развитием рыночных отношений в российской деревне. Последовавшая на рубеже 20–30-х годов XX в. коллективизация, вызвавшая резкое увеличение товарного выхода зерна (в первую очередь за счет использования внеэкономических методов изъятия зерна из коллективных хозяйств), не сопровождалась

каким-либо ростом урожайности зерновых. При нулевом темпе роста средней урожайности удельный вес товарной продукции, реализованной за пределами деревни, в валовом сборе зерновых вырос с $14,8\%$ в 1926/27 г. до $40,1\%$ в 1940 г.³⁸

В конце XIX в. повышение товарности крестьянского хозяйства, происходившее в условиях роста рыночных отношений (см. табл. III-2), сопровождалось как экстенсивным расширением ареалов пахотных угодий, так и определенными технологическими усовершенствованиями, проявившимися в росте урожайности зерновых, однако тот же фактор (повышение товарности), действие которого вызвано было внеэкономическими методами принуждения, не приводил к увеличению урожайности зернового производства, хотя хозяйство (теперь – коллективное) стало крупнее и, предположительно, продуктивнее, чем крестьянское хозяйство начала XX в. Отсутствовала одна, но, очевидно, существенная составляющая — мотивация экономической деятельности. В рассматриваемый период Россия (Советский Союз) пережила крупнейшую национальную трагедию – войну 1941–1945 годов, развязанную фашистской Германией против советского народа и вызвавшую гибель многих миллионов людей, разрушение огромной части экономического и ресурсного потенциала страны. В 1942–1943 годах значения урожайности хлебов упали даже до $4,2\text{--}4,4 \text{ ц/га}$ — уровня конца XVIII века. И только после окончания Великой Отечественной войны, после завершения восстановительного периода (1946–1950 гг.) трендовый уровень урожайности хлебов начал быстро повышаться (см. рис. III-1).

Четвертый период (1949–1979). С начала 50-х годов XX века начинается сначала слабый, а потом все более усиливающийся подъем продуктивности производства в аграрном секторе. Ежегодный темп прироста урожайности зерновых составил $2,45\%$, а трендовый ее уровень поднялся в этот период более чем вдвое – с $7,08 \text{ ц/га}$ до $14,74 \text{ ц/га}$ (расчет по таблице III-1). (Хотя в исходных данных, возможно, содержатся определенные фальсификации, имеющие официальное название «приписки»³⁹.) В истории сельскохозяйственного роста в России за два рассматриваемые нами столетия данный период отмечен самыми высокими темпами прироста урожайности хлебов. Связано это было с переходом зернопроизводящего хозяйства России на *интенсивную* стадию роста (см. табл. III-3). С середины 60-х годов в сельском хозяйстве стали осуществляться технологические трансформации производственной базы, выразившиеся в скачкообразном приросте использования химических средств повышения урожайности (минеральных удобрений, пестицидов и др.) и

механизированных орудий обработки почвы (высокомощных тракторов, комбайнов), которые привели к существенному увеличению энерговооруженности отдельных стадий сельскохозяйственного труда⁴⁰. Технологические трансформации как поступательное движение продолжались до конца 70-х годов, что позволило существенно увеличить урожайность зернового производства. В таблице III-3 отмечены некоторые факторы, способствовавшие становлению интенсивной стадии зернового производства в России.

Таблица III-3

**Факторы интенсификации зернового хозяйства России,
1950–1995 гг.***

Год	Потребление минеральных удобрений, кг/га в действующем веществе	Использование тракторов, штук/1000 га	Выработка сельскохозяйственной продукции на работника, 1960=100
1950	2,3	3,9	50
1953	2,3	3,9	60
1960	6,7	4,3	100
1965	19,8	6,3	127
1970	32,9	7,6	164
1975	59,9	8,9	172
1980	67,5	9,8	191
1985	85,0	10,9	230
1990	88,0	10,6	264
1995	17,0	9,3	180

* Составлено по: Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВРАН, 1999, табл. I-12.

Интенсификация зернового хозяйства, опиравшаяся на резко усилившуюся государственную поддержку, привела к росту урожайности зерновых (см. рис. III-1, Приложение-3.1). Надо при этом отметить, что трендовый перелом динамики урожайности хлебов, обозначивший начало рассматриваемого периода – 1949 г., совпал по времени с началом нового циклического подъема — 1947 г.

(ср. рис. III-1 и III-2), и такая синхронность дала мощный импульс процессу увеличения урожайности зерновых.

Однако искусственно сформированное крупное коллективное хозяйство, управляемое из единого центра и лишенное рыночных и ценовых откликов (ибо связь «рынок ресурсов/рынок продуктов» в социалистической экономике отсутствовала), обладало очень высокими транзакционными издержками, т.е. издержками, направленными на реализацию прав собственности в форме, какой они существовали в Советском Союзе⁴¹. Несмотря на дальнейшее накачивание ресурсов в агросферу⁴², отсутствие мотивации к труду сельскохозяйственного работника и диспаритет⁴³ между монопольно установленными государством ценами на продукцию сельского хозяйства, с одной стороны, и ценами на продукцию промышленности, с другой, катализировали с начала 80-х годов структурный кризис в экономике сельского хозяйства. Он и определил окончание периода бурного роста урожайности.

Пятый период (1979–2007) характеризуется вялотекущим подъемом трендового уровня урожайности зерновых, в целом за период 1979–2007 гг. он вырос с 14,7 ц/га до 16,8 ц/га (рассчитано по таблице III-1), при темпе прироста 0,45% в год. Причем два последних десятилетия XX века были отмечены тяготением к стагнационному типу изменения урожайности.

По-видимому, целесообразно разбить рассматриваемый период на два полупериода: а) 1979–2000 гг., темп прироста урожайности зерновых в котором составил 0,01% в год; б) 2000–2007 гг., аналогичный показатель в котором достиг 1,97% в год (см. табл. III-1). Первый полупериод отмечен резкими скачками урожайности (см. рис. III-1, Приложение-3.1): ее падение на рубеже 70–80-х годов, подъем с 1985 по 1993 г. (совпавший с периодом перестройки и сопровождавшийся, помимо прочего, существенным повышением закупочных цен на продукцию сельского хозяйства — по 1991 г.), резкий провал в 1994–1999 гг. – в период разгула рыночной стихии, губительно отозвавшегося на состоянии производственного потенциала сельского хозяйства⁴⁴. В 2000–2007 гг. обозначился «одномоментный» скачок урожайности зерновых хлебов: так, средняя урожайность зерновых, увеличившаяся с 11,8 ц/га в 1998–2000 гг. до 17,1 ц/га в 2001–2003 гг., изменилась в дальнейшем крайне незначительно — 17,9 ц/га в 2004–2005 гг., 18,2 ц/га в 2006–2007 гг. (см. Приложение-3.1). На такой скачок урожайности зерновых, по-видимому, повлияла активная государственная политика в отношении зернопроизводящего хозяйства, воплотившаяся в создании с конца 90-х

годов XX века под патронажем государства крупных корпораций в зернопроизводящей отрасли⁴⁵.

В аграрном секторе России к началу XXI века сложились три типа хозяйств⁴⁶: «крупные и средние сельскохозяйственные предприятия», организованные на базе бывших колхозов и совхозов, крестьянские фермерские хозяйства, зачастую представляющие собой семейно-трудовые объединения лиц, связанных между собой родственными отношениями, и, наконец, хозяйства населения («личные подсобные хозяйства»). Производство основной массы (около четырех пятых) зерна в России приходится на сектор «крупных и средних сельскохозяйственных предприятий», хотя фермерские хозяйства уже все больше внедряются в этот процесс (см. табл. III-4).

Таблица III-4

Распределение производства зерна по типам хозяйств в аграрном секторе России, 2000–2007 гг.*, %

Сельскохозяйственные предприятия		Хозяйства населения		Крестьянские (фермерские) хозяйства	
2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.
90,7	78,5	0,9	1,3	8,4	20,2

* Составлено по: Россия в цифрах 2007. Федеральная служба государственной статистики (см.: www.gks.ru)

Для стимулирования производства зерна государство стремится использовать многообразные меры бюджетно-налоговой и кредитно-денежной экономической политики: регулирует зерновые рынки, поддерживая закупочные цены на зерно на стабильном (в тенденции) уровне в течение данного годового цикла воспроизводственного процесса (в частности, путем политики «потолка» цен и использования механизмов товарных интервенций на внутренний рынок), постепенно улучшается рыночная инфраструктура, оптимизируются механизмы обеспечения крупного зернового хозяйства ресурсами производства (например, лизинг сельскохозяйственных машин, в частности тракторов), внедряется новая кредитная политика, предполагающая льготное кредитование сельскохозяйственного производителя.

В эпоху глобализации нельзя недооценивать роль государства. Опыт развитых стран свидетельствует о мощной государственной поддержке сельского хозяйства, проявляющейся, в частности, в

крупных вливаниях ресурсов (субсидий и инвестиций) в аграрное производство — в 2003–2005 гг. такие ресурсы составляли от 16% (США) до 58% (Япония) стоимости валового сельскохозяйственного продукта⁴⁷.

3. Циклическая неравномерность динамики урожайности

Изучая циклическую неравномерность урожайности зерновых в России (по описанной выше методике Н.Д. Кондратьева) на протяжении 212 лет, можно выявить четыре полных «больших цикла» урожайности зерновых культур длительностью 50–60 лет каждый в XIX – XX веках и зарождение — на рубеже XX–XXI веков — пятого «большого цикла» (см. рис. III-2). Причем экстремумы (высшие и низшие точки) циклов XIX и XX веков повторяются с полувековой периодичностью (см. табл. III-5)⁴⁸.

Рис. III-2

Россия: циклическая динамика урожайности зерновых в 1795–2007 гг.

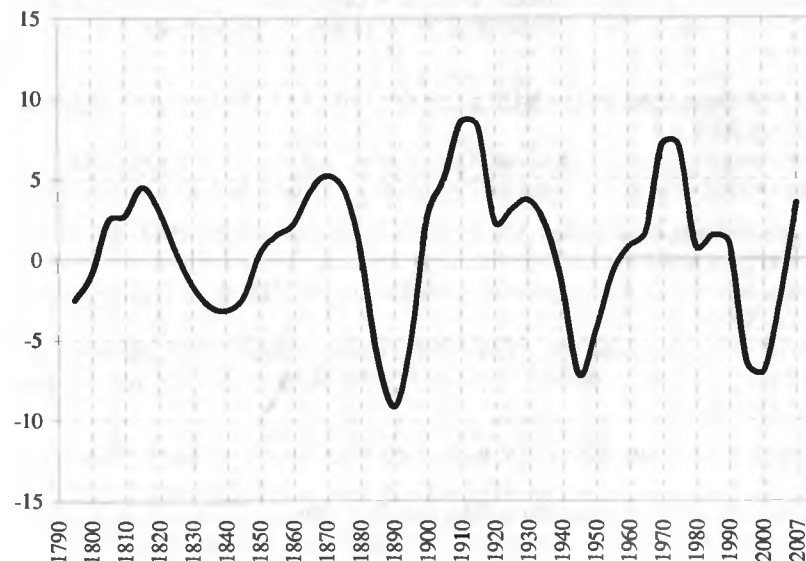

Таблица III-5

Экстремумы больших циклов урожайности хлебов в России

	Верхний экстремум – точка пика большого цикла	Нижний экстремум – точка дна большого цикла
Первый большой цикл XIX в.	1815 г.	1840 г.
Второй большой цикл XIX в.	1872 г.	1890 г.
Первый большой цикл XX в.	1913 г.	1947 г.
Второй большой цикл XX в.	1973 г.	1999 г.

Первый большой цикл XIX в. (конец XVIII в. – рубеж 30–40-х годов XIX в.)

Повышательная фаза: конец XVIII в. – середина 10-х годов XIX в.

Понижательная фаза: середина 10-х годов – рубеж 30–40-х годов XIX в.

Второй большой цикл XIX в. (рубеж 30–40-х годов – рубеж 80–90-х годов XIX в.)

Повышательная фаза: рубеж 40-х годов – начало 70-х годов XIX в.

Понижательная фаза: начало 70-х годов – рубеж 80–90-х годов XIX в.

Первый большой цикл XX в. (рубеж 80–90-х годов XIX в. – конец 40-х годов XX в.)

Повышательная фаза: рубеж 80–90-х годов XIX в. – середина 10-х годов XX в.

Понижательная фаза: середина 10-х годов – конец 40-х годов XX в.

Компенсационный рост в период НЭПа: начало 20-х годов – конец 20-х годов XX в.

Второй большой цикл XX в. (конец 40-х годов – конец 90-х годов XX в.)

Повышательная фаза: конец 40-х годов – начало 70-х годов XX в.

Понижательная фаза: начало 70-х годов XX в. – конец 90-х годов XX в.

Компенсационный рост в период Перестройки: начало 80-х годов – конец 80-х годов XX в.

Первый большой цикл XXI в.

Начало повышательной фазы: рубеж XX и XXI веков.

Первый большой цикл XIX в. (конец XVIII в. – рубеж 30–40-х годов XIX в.). Повышательная фаза цикла началась в конце XVIII в. Более точный временной отрезок рассчитать не удалось из-за ограниченности статистических данных (первые *регулярные – сплошные* – показатели урожайности хлебов приведены в докладе В.Г. Михайловского⁴⁹ – с 1801 г., по отдельным данным Н.Л. Рубинштейна⁵⁰ можно было рассчитать показатель урожайности на 1795 г.).

Амплитуда колебаний (см. рис. III-2) в этом цикле была не столь значительной, нежели в последующие, но все же она хорошо выражена, несмотря на то, что цикл проходил на фоне стагнации трендового уровня урожайности (см. рис. III-1). Фаза подъема, начало которой пришлось на конец XVIII в., была связана с политическими и конъюнктурными факторами, господствовавшими в социально-экономической жизни России на рубеже XVIII и XIX вв.

С начала XIX в. идея неприятия крепостничества в общественном мнении России становится все более популярной. Изданный в 1801 г. указ, «запрещающий раздачу населенных имений в частную собственность» (имелось в виду – помещичью), и указ, «предоставляющий право лицам свободных состояний приобретать в собственность недвижимое имущество без крестьян» (этим правом могли воспользоваться купцы, мещане, казенные крестьяне), а также указ 1803 г. «о свободных хлебопашцах»⁵¹, согласно которому помещики могли освобождать крестьян только с наделами, позволили несколько снять напряжение в обществе. Законы начала XIX в. не оказали решающего влияния на долгосрочную динамику продуктивности сельскохозяйственного производства, но проявились в циклической динамике – становлении повышательной фазы первого большого цикла урожайности в XIX в.

Из конъюнктурных факторов, действовавших в русле повышательных тенденций, можно отметить увеличивавшийся спрос на товарный продукт земледелия и, как следствие, рост цен на зерно и распространение зернового производства на земли, приобретенные Россией в результате войн к концу XVIII в. Средний показатель урожайности зерновых возрос с 1795–1801 гг. до 1813–1815 гг., к

концу повышательной фазы рассматриваемого цикла, на 20% — с 4,5 *ц/га* до 5,4 *ц/га*.

Повышательные импульсы, однако, не отличались долговечностью, и волна покатила вниз — с середины 10-х годов XIX в. началась понижательная фаза первого большого цикла XIX века. Средний показатель урожайности зерновых сократился с 5,4 *ц/га* в 1813–1815 гг. (верхний экстремум цикла) до 4,3 *ц/га* в 1838–1840 гг. (периода, определявшего нижний экстремум цикла), при расчетном трендовом уровне урожайности, равном 5,25 *ц/га* в течение всего рассматриваемого периода (ср. рис. III-1 и III-2). Причем если в повышательной фазе данного цикла значения урожайности ниже трендового уровня фиксировались не более чем в 30% временной выборки, то в понижательной фазе такие значения охватывали уже более чем 40% выборки (см. Приложение-3). Ужесточение государственной политики во второй четверти XIX в., направленной преимущественно на укрепление царской власти и усиление бюрократического аппарата, негативно отразилось на аграрном секторе страны. Помимо социально-экономических и политических причин (в том числе крестьянских волнений⁵²), в период понижательной фазы цикла аграрное производство России столкнулось с катастрофическими неурожаями, вызванными погодными условиями — 1822–1823 гг., 1830–1831 гг., 1832–1833 гг., 1839–1840 гг.

Второй большой цикл XIX в. (рубеж 30–40-х годов — рубеж 80–90-х годов XIX в.). В начале 40-х годов монархией были проведены определенные меры по изменению законодательства, регулировавшего аграрные отношения: был принят ряд законов (1837–1841 гг.), касавшихся положения государственных крестьян (в 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ — МГИ, которое было призвано не только изменить административное устройство, но и улучшить агрикультуру, быт, способы ведения хозяйства у государственных крестьян); закон 1842 г., касавшийся помещичьих крестьян и уточнявший закон 1803 г. о «свободных хлебопашцах» (см. выше), закон 1847 г., предоставлявший право МГИ приобретать за счет казны крепостных крестьян помещичьих имений, а крестьянам, продававшимся за помещичьи долги, выкупаться с земельным наделом на волю, закон 1848 г., позволявший крестьянам приобретать недвижимость⁵³. Именно эти политические факторы определили начало подъема циклической волны второго большого цикла XIX в., который растянулся на 32 года (с 1840 по 1872 г.; см. рис. III-2). Длительность фазы подъема была стимулирована свершившейся в 1861 г. Великой реформой отмены крепостного права

(см. на рис. III-2 изменения в характере волновой динамики в начале 1860-х гг.). Среднегодовой показатель урожайности зерновых увеличился с 4,3 *ц/га* в 1838–1840 гг. (точка нижнего экстремума данного цикла) до 5,9 *ц/га* в 1870–1872 гг. (точка верхнего экстремума цикла) (см. Приложение-3.1), расчетные же трендовые значения урожайности в точках нижнего и верхнего экстремума составляли соответственно 5,25 *ц/га* и 5,37 *ц/га* (см. табл. III-1).

Понижательная фаза цикла, проявившаяся с начала 70-х годов XIX в., формировалась под влиянием двух противоположных тенденций: с одной стороны, институциональных преобразований, способствовавших в 1867 г. перелому долгосрочного тренда в сторону положительной динамики, с другой — под воздействием ухудшения условий воспроизводства в крестьянском хозяйстве по прошествии первого послереформенного десятилетия 1861–1870 гг.⁵⁴ (отсутствие инвестиций, измельчание земельных наделов, неэффективное распределение — с точки зрения производственных нужд — земельных наделов в рамках общины, когда коллективная собственность и ее частый передел оказывали доминирующее влияние на структуру посевов, время и тип полевых работ)⁵⁵. Все это привело в итоге к циклическому спаду урожайности зерновых, протекавшему на фоне возраставшего ее трендового уровня (ср. рис. III-1 и рис. III-2). К нижней (завершающей) точке понижательной фазы второго большого цикла XIX в. (1889–1891 гг.) среднегодовой натуральный показатель урожайности хлебов опустился до 5,1 *ц/га* (см. Приложение-3.1), а расчетный трендовый уровень составил 6,1 *ц/га* (см. табл. III-1).

Первый большой цикл XX в. (рубеж 80–90-х годов XIX в. — конец 40-х годов XX в.). Начало фазы подъема в этом цикле приходится на рубеж 80–90-х годов XIX в. (см. рис. III-2). Главным фактором циклического подъема в данный период выступают интеграционные мировые процессы. Можно наблюдать высокую степень корреляции между повышательной волной первого «большого цикла» XX века и ростом экспорта зерна, то есть влиянием спроса на российское зерно на мировом рынке.

Всего лишь за полтора десятилетия, с 1896–1900 годов до последнего предвоенного пятилетия 1909–1913 гг., среднегодовые сборы зерновых в России резко увеличились — с 49,2 млн. т до 69,6 млн. т — на 41%, еще больше вырос вывоз зерна за рубеж — с 7,3 млн. т до 11,1 млн. т — на 52% (см. табл. III-6), хотя удельный вес зернового экспорта в сборах зерновых уже с начала века сохранялся на одном уровне, обнаруживая некоторую тенденцию к понижению

(внутренний рынок постепенно отвоевывал все большие позиции у мирового рынка).

Мы уже отмечали (см. предыдущий раздел этой главы), что доля зернового экспорта в общей массе товарного зерна, отпущавшегося российской деревней на рынок, была огромной, на нее приходилась в конце XIX – начале XX вв. половина общей массы товарного зерна. Вся же масса товарного зерна составляла около $\frac{1}{3}$ валового производства зерна в России в этот период (если принять оценку Н.Д. Кондратьева, основывающуюся на учете перевозок зерна по транспортным артериям страны — железнодорожным и водным; см. табл. III-6).

Таблица III-6

Россия/СССР: производство и вывоз зерна за рубеж, 1896–1930 гг. *

Показатель \ Годы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1909–1913	1909–1913 в % к 1896–1900	1911–1913	1928–1930
Сбор зерновых ¹ , млн. т	49,2	58,1	60,0	69,6	141	66,8	76,2
Вывоз зерна за рубеж ¹ , млн. т	7,3	9,4	9,5	11,1	152	11,0	1,7
удельный вес в сборе, %	14,8	16,2	15,8	15,9	1,07	16,5	2,2
Товарность зернового производства, удельный вес объема перевозок зерна в его валовом сборе, %	30,7	30,6	34,0	33,3	108,5		30,1

* Составлено и подсчитано по: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: «Наука», 1978. С. 69; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С. 91, 101; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград: Комиссариат финансов, 1918. С.33,67; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932. С. XXXIX, 163, 242, 390.

¹ Четыре главных хлеба (рожь, пшеница, овес, ячмень) — на них приходилось примерно 91% валовых сборов всех зерновых культур, включая крупные культуры; в 1909–1913 гг. в России в границах СССР до 17 сент. 1939 г. — 93,2% (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924. С.131).

Столь высокая интеграция зернового производства России в систему мирохозяйственных связей определяющим образом влияла как на рост зернового производства в целом, так и на улучшение его качественных параметров. Так, за период с 1889–1891 гг. (точка

нижнего экстремума большого цикла) по 1913–1915 гг. (точка верхнего экстремума первого большого цикла XX в.) урожайность зерновых в России выросла с 5,1 ц/га до 8,1 ц/га, или более чем в полтора раза (см. Приложение-3.1). Трендовый уровень урожайности, рассчитанный для точек нижнего и верхнего экстремума, составлял 6,1 ц/га и 7,05 ц/га (см. табл. III-1).

Напомним в связи с этим о довольно значительном по масштабам того времени импорте из-за рубежа современных (опять-таки по тогдашним стандартам) средств производства, в том числе сельскохозяйственных машин, удобрений и др. В России уже в начале XX века начались технологические преобразования в развитии зернового хозяйства «вглубь»; в нем повышалась культура земледелия, осваивались новые технологии⁵⁶.

Лидировали в этом процессе отнюдь не рядовые общинные крестьянские хозяйства, а владельческие хозяйства, крупные посевики хлеба и другие состоятельные производители, экономический потенциал которых был полностью сметен в ходе аграрной революции, последовавшей за Октябрьским переворотом. Эта группа хозяйств благодаря более высокой концентрации производства могла отпускать на рынок относительно больше своего зерна, чем крестьянские хозяйства. В самом деле, в 1909–1913 гг. на долю данной самостоятельной группы сельских товаропроизводителей приходилось 12,1% валового сбора зерновых, однако реализованное ими на рынке зерно составляло более пятой части его общенациональной массы — 21,6%⁵⁷.

Итак, пик повышательной фазы первого «большого цикла» XX века в России пришелся на канун и первые годы Первой мировой войны (1913–1915 гг.), причем процесс нарастания активности хозяйственной деятельности до пика фазы за предшествующие два с половиной десятилетия происходил весьма интенсивно (см. рис. III-2). Последовавшая за Октябрьским переворотом гражданская война, политика «военного коммунизма», как отмечалось выше, прервала относительно спокойный переход повышательной волны цикла в понижительную, резко обрушив волну. Положительное колебание циклической волны в период НЭПа до конца 20-х годов, по существу, отразило лишь результат компенсационного роста, возмещившего частично тот ущерб в экономическом потенциале хозяйственного развития деревни, который Россия понесла в период 1917–1921 гг. Первый «коммунистический» эксперимент, как известно, завершился крупнейшей национальной трагедией — массовым голодом и мором 1921 года и последовавшими на их почве невиданными разрушениями в народном хозяйстве России⁵⁸.

Результаты компенсационного роста, достигнутые в период НЭПа, на рубеже 20–30-х годов были сметены насильственной коллективизацией, угнетавшей личный интерес производителя к эффективной экономической деятельности в агросфере и уничтожавшей экономические мотивы к введению улучшений в сфере производства. Обрушение циклической волны стало набирать обороты. Опустошение экономического потенциала страны, вызванное фашистской агрессией против СССР в 1941–1945 годах, низвергло циклическую волну до отрицательного пика ее движения. В итоге процесс спада циклической активности в период первого «большого цикла» XX века продолжался в России, даже с учетом частичного реабилитирующего влияния НЭП-овской «реставрации», на протяжении более трех десятилетий — до второй половины 40-х годов. Это и была завершающая «точка» первого «большого цикла» XX века в России.

Перелом циклической активности, который перекрыл сползание сельского хозяйства в пропасть, наметился на рубеже 40–50-х годов, по завершении периода, получившего в истории СССР название «пятилетки восстановления».

Второй большой цикл XX в. (конец 40-х годов – конец 90-х годов XX в.). Начало повышательной фазы цикла совпало с окончанием кратковременного периода компенсационного роста (послевоенная «пятилетка восстановления народного хозяйства СССР»), а с 1953 г., времени появления в России первых признаков частичных изменений в террористическом политическом режиме, названных «оттепелью», положительная циклическая динамика стала получать все новые импульсы. Активность экономической деятельности в этот период цикла, отраженная в его повышательной фазе, была подкреплена начавшимся внедрением интенсивных технологий в аграрное производство, позволившем в период от конца 50-х годов XX века до начала 70-х годов заметно увеличить урожайность зерновых, одновременно такая активность стимулировалась стартовавшей в 60-х годах механизацией хозяйства агросферы (см. табл. III-3).

Можно выделить два позитивных результата, достигнутых в период повышательной фазы второго «большого цикла» XX в. в аграрном секторе России.

Во-первых, это – радикальное преобразование производительной силы труда, обеспечившее качественно новые, соответствующие характеру индустриальных производительных сил условия роста производительности труда. Последняя в наиболее крупном секторе сельского хозяйства страны — зерновом — увеличивалась весьма быстро (с 60-х годов), достигнув к концу периода фазы —

началу 70-х годов — довольно высокого показателя выхода продукта на единицу времени — 72 кг/час (95 кг/час в 1990 г.). В эволюции агросферы России от мануфактурной ступени технологического развития к господству системы индустриальных технологий тем самым был сделан существенный шаг вперед. Но прогресс этот происходил на фоне провальных «достижений» в движении урожайности, значения которой в течение последующих двух с половиной десятилетий (1975–2000 гг.) «буксовали на месте» или носили характер резких колебательных скачков около стагнационной линии тренда (см. рис. III-1, Приложение-3.1).

Во-вторых, это — несомненные достижения в интеграционных экономических процессах. Насильственный слом системы полунатурального (индивидуального) хозяйства произошел в России еще в период понижательной волны предшествующего «большого цикла». Его замена «социалистическим» типом крупного хозяйства, происшедшая в этот же период, не привела к сколько-нибудь значительным преобразованиям в производительной силе труда; прямые затраты на единицу произведенного продукта даже в наиболее продвинутой отрасли сельского хозяйства России — зерновой в течение около двух десятков лет (начало 30-х – начало 50-х годов) выражались одной и той же величиной: на час прямых затрат труда производилось 8–11 кг зерна, с учетом же управленческих затрат — на 45–50% меньше. Хозяйство стало «крупным» пока преимущественно по масштабам использования живого труда, принудительно организованного на условиях мануфактурного разделения труда. Интеграционные процессы в этот, первый, период повышательной фазы были еще слабо развиты. При этом опосредствовались они почти исключительно системой властных, «вертикальных», связей. Но с накоплением в агросфере России индустриальных средств труда, с вытеснением из деревни огромных контингентов рабочей силы (живого труда) отраслевой (внутрисекторский) воспроизводственный процесс оказался к концу повышательной фазы нового (второго) «большого цикла» глубоко интегрирован в макровоспроизводственный процесс⁵⁹ (однако при все еще сохранившем большую мощь властным посреднике-«интеграторе»). И это обстоятельство коренным образом изменило весь характер сельскохозяйственного роста в России.

Понижательная фаза второго большого цикла XX в. началась в начале 70-х годов и по временным рамкам совпала с переломом трендового уровня от положительной динамики урожайности зерновых к стагнации, длившейся с 1979 по 2000 г. (см. табл. III-1). При глубокой межотраслевой интеграции сельское хозяйство имело

отрицательную рентабельность, так, условная норма прибыли в сельском хозяйстве составляла -3,4% в 1965 г., +26% в 1970 г. (на графиках этот период соответствует пику большого цикла), -0,4% в 1975 г., -9,0% в 1980 г.⁶⁰. Столь плачевные результаты аграрной динамики вызваны были ценовым дисбалансом: «гонкой издержек производства» в аграрном секторе (происходившей по законам ценообразования в промышленном секторе), с одной стороны, и не «поспевавшими» за ней государственными закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию, с другой⁶¹. Некоторое сглаживание ценового дисбаланса в период Перестройки (середина 80-х годов XX в.) проявилось в повышательной циклической тенденции, соответствовавшей компенсационному росту, отмеченному в данный период (см. рис. III-2). Например, закупочные цены на зерно с 1980 по 1988 г. были увеличены в два раза (со 107 руб./тонна до 205 руб./тонна), а к 1990 г. – даже в три раза (313 руб./тонна), цены же на ресурсы (тракторы, удобрения и др.), уже чрезмерно высокие по отношению к ценам на продукцию сельского хозяйства, увеличились не более чем на 10%. Вследствие этого условная норма прибыли (рентабельность) приобрела положительные значения: +16% в 1985 г., +37% в 1990 г.⁶². Следует отметить, что понижательная фаза длинной «кондратьевской волны» совпала со структурным кризисом социалистического хозяйства, спасти который частичными мерами (в частности, ценовой политикой) не представлялось возможным. Поэтому по окончании периода Перестройки циклическая волна покатила еще дальше вниз, достигнув отрицательного экстремума в 1998–2000 гг. (средняя урожайность зерновых в эти годы опустилась до 11,8 ц/га, т.е. почти на 30% ниже трендового уровня урожайности, составившего, по расчетам, 16,2 ц/га).

Первый большой цикл XXI века. По нашему мнению, на рубеже XX и XXI вв. начался новый (первый) «кондратьевский» большой цикл XXI в.⁶³, и он уже показал свои результаты. Проявившись, как отмечалось выше, в «одноразовом», по существу, скачке урожайности зерновых (сразу на 45% – с 11,8 ц/га до 17,1 ц/га — за период с 1998–2000 по 2001–2003 гг.; в последующие годы результаты этого скачка были лишь законсервированы — 17,9 ц/га в 2004–2005 гг. и 18,2 ц/га в 2006–2007 гг.), он вытянул волну динамики урожайности вверх (см. рис. III-2 и Приложение-3.1). Если позволить себе провести аналогии с циклами урожайности XIX и XX вв., то допустимо предположить, что фаза подъема этого большого цикла может длиться, по меньшей мере, до начала – середины 20-х годов

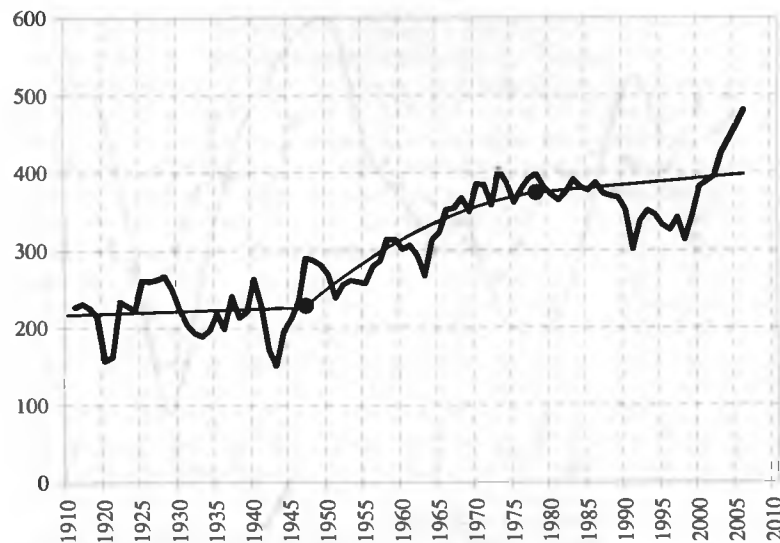
XXI в., а с начала – середины 20-х годов XXI в. может наступить циклический спад.

* * *

И в заключение проведем краткий сравнительный анализ циклического движения урожайности, с одной стороны, и циклического движения производства сельскохозяйственного продукта в расчете на гектар посевной площади, с другой. Натуральные значения стоимости валовой продукции на гектар посевов и ее трендовые изменения за период 1911–2006 г. см. на рис. III-3, а также в Приложении-3.2. Обратим внимание на то, что в скачке этого показателя в 2000–2006 гг. сказались, помимо реальных экономических факторов, «неучтенная» инфляция, вызванная, в частности, первой революцией нефтяных цен XXI в. (см. Предисловие, прим. 8)

Рис. III-3

Россия: динамика стоимости валовой продукции сельского хозяйства в расчете на гектар посевной площади

Примечание. Тренды динамики стоимости валовой продукции сельского хозяйства на гектар посевной площади (X), рассчитанные по методу разорванного тренда, имеют следующие математические выражения:

за период 1911–1947 гг.	$X = 211 + 0,738 \cdot t$;
за период 1947–1979 гг.	$X = -146,03 + 14,766 \cdot t - 0,104 \cdot t^2$;
за период 1979–2006 гг.	$X = 319,7 + 0,846 \cdot t$.

Что касается собственно кондратьевской волны (см. рис. III-4), мы видим по существу *значительное соответствие* в конфигурации понижательной и повышательной фаз первого и второго циклов XX века на обоих графиках. При той, однако, разнице, что волна стоимости валовой продукции сельского хозяйства, рассчитанная на гектар посевной площади, обозначена более ранними изменениями во временном диапазоне циклов, чем волна урожайности. В первом цикле XX века это объясняется тем, что разрушения сельского хозяйства России в период Великой Отечественной войны особенно сильно сказались именно на «второй» составляющей валовой продукции сельского хозяйства — животноводстве.

Рис. III-4

Россия: циклическая динамика стоимости валовой продукции сельского хозяйства на гектар посевной площади

В результате чего нижний экстремум первого цикла динамики стоимости валовой продукции наступил раньше (примерно на 5 лет), чем завершился стандартный цикл (измеряемый по интенсивности движения урожайности). Вместе с тем рис. III-4 отражает и

период (см. ранний отрезок волны — за 1942–1950 гг.), который характеризует время компенсационного роста, новая же фаза второго цикла XX века началась после завершения периода компенсационного роста — на рубеже 40–50-х годов.

Ту же «аномалию» мы видим и в завершающий период понижательной фазы второго цикла XX века. На этот раз объясняется это тем, что потери животноводства были более значительными, чем потери в растениеводстве в период экономического безвременья — в 1990-х годах. А появление первых ростков фермерского хозяйства с его производством интенсивных, в частности масличных, культур дало толчок более раннему наступлению повышательной фазы. В то же время в таком резком подъеме повышательной волны могла проявиться и «неучтенная» инфляция, вызвавшая скачок показателя стоимости валовой продукции на гектар посевов (см. рис. III-3).

* * *

Хотелось бы представить подходы к исследованию «кондратьевских» больших циклов американского социолога-теоретика Иммануэля Валлерстайна. В своих исследованиях он «пропустил» поток мирового исторического процесса и мировой экономической динамики XIX–XX вв. (и их более отдаленных во времени проявлений) сквозь призму циклически-волнового видения⁶⁴. Именно с позиций такого подхода автор концептуализирует модель развития мировой социальной системы, охарактеризованную им как «капиталистическая мир-система» (т.е. система, которая сама по себе представляет целый мир). Ее пульсирующее, принимающее форму спирали движение в историческом времени он и исследует и оценивает, по меньшей мере, за последние два века, в контексте циклической теории Н.Д. Кондратьева. При этом Валлерстайн исходит из принятого в мировой науке положения, что «кондратьевские» циклы протяженностью 50–60 лет каждый имеют по две фазы: фазу А («повышательная») и фазу Б («понижательная»). Фаза А второго «большого цикла» XX века приходится, по автору, на период 1945–1967/1973 гг. «В настоящее время (1995 г. — *Авт.*), по мнению Валлерстайна, мы находимся в конце фазы Б очередного «кондратьевского» цикла, которая проходит с 1967–1973 гг.»⁶⁵. Основываясь на анализе тенденций мирового развития в XX веке, его циклических «зигзагов», их причин и результатов, автор предпринимает попытку, весьма обоснованную, на наш взгляд, заглянуть в ближайшее будущее — первую четверть XXI века, на которую, по логике циклической теории Н.Д. Кондратьева и предположению И. Валлерстайна, выпадает фаза А очередного «кондратьевского» цикла; по завершении этого цикла, «в 2050 или 2075 г.», «мы не будем больше жить в условиях капиталистической мир-экономики. Вместо этого мы будем развиваться в рамках нового порядка или порядков, некоей новой исторической системы или систем»⁶⁶.

Приложение-3.1

Россия/СССР/Россия: сведения об урожайности зерновых культур,
1795 – 2007 гг.*, ц/га

Год	Урожай-ность	Год	Урожай-ность	Год	Урожай-ность
1795	4,2	1833	3,9	1866	5,7
1801	4,7	1834	5,5	1867	4,6
1802	5,3	1835	5,9	1868	5,6
1803	5,7	1836	6,2	1869	6,0
1804	6,3	1837	6,0	1870	6,8
1805	5,0	1838	5,9	1871	5,2
1806	5,4	1839	4,0	1872	5,7
1807	5,8	1840	3,0	1873	5,8
1808	6,0	1841	5,2	1874	6,4
1809	5,1	1842	5,7	1875	4,9
1810	5,3	1843	6,2	1876	5,6
1811	4,4	1844	5,8	1877	6,2
1812	5,2	1845	5,2	1878	6,6
1813	5,3	1846	5,1	1879	5,5
1814	6,2	1847	5,5	1880	5,3
1815	4,8	1848	4,1	1881	6,7
1816	5,2	1849	6,1	1882	6,1
1817	5,7	1850	4,3	1883	5,7
1818	6,3	1851	6,0	1884	6,1
1819	6,1	1852	5,8	1885	5,1
1820	5,2	1853	5,5	1886	6,0
1821	5,0	1854	5,3	1887	6,8
1822	4,7	1855	3,9	1888	6,6
1823	4,4	1856	4,9	1889	5,1
1824	5,3	1857	5,9	1890	5,8
1825	5,3	1858	6,1	1891	4,5
1826	5,6	1859	4,3	1892	5,5
1827	5,5	1860	5,7	1893	7,7
1828	5,9	1861	5,3	1894	7,8
1829	5,7	1862	5,4	1895	6,9
1830	4,4	1863	6,4	1896	6,8
1831	4,9	1864	4,9	1897	5,5
1832	4,3	1865	4,5	1898	6,4

Год	Урожай-ность	Год	Урожай-ность	Год	Урожай-ность
1899	7,1	1936	5,7	1973	16,3
1900	6,6	1937	9,3	1974	14,2
1901	5,5	1938	7,3	1975	10,1
1902	7,7	1939	7,5	1976	16,2
1903	7,0	1940	8,6	1977	13,9
1904	8,2	1941	7,3	1978	17,1
1905	6,4	1942	4,4	1979	13,1
1906	5,2	1943	4,2	1980	13,9
1907	6,2	1944	6,0	1981	11,7
1908	6,4	1945	5,6	1982	14,1
1909	8,3	1946	4,6	1983	14,7
1910	7,6	1947	7,3	1984	13,3
1911	5,8	1948	6,7	1985	15,1
1912	7,8	1949	6,9	1986	16,6
1913	8,7	1950	7,9	1987	16,8
1914	6,9	1951	7,4	1988	15,3
1915	8,6	1952	8,6	1989	17,5
1916	7,2	1953	7,8	1990	19,9
1917	6,4	1954	7,7	1991	14,7 (15,1)
1918	6,0	1955	8,4	1992	17,2 (18,0)
1919	6,2	1956	9,9	1993	16,3 (17,1)
1920	5,7	1957	8,4	1994	14,4 (15,3)
1921	5,0	1958	11,1	1995	11,6 (13,1)
1922	7,7	1959	10,4	1996	12,9 (14,9)
1923	7,3	1960	10,9	1997	16,5 (17,8)
1924	6,2	1961	10,7	1998	9,4 (12,9)
1925	8,6	1962	10,9	1999	11,7 (14,4)
1926	8,4	1963	8,3	2000	14,4 (15,6)
1927	7,6	1964	11,4	2001	18,3 (19,4)
1928	7,9	1965	9,5	2002	18,2 (19,6)
1929	7,5	1966	12,7	2003	15,9 (17,8)
1930	7,9	1967	11,2	2004	17,9 (18,8)
1931	6,7	1968	13,0	2005	17,9 (18,5)
1932	7,0	1969	12,2	2006	18,1 (18,9)
1933	6,7	1970	14,4	2007	18,4 (19,8)
1934	6,5	1971	14,2		
1935	7,3	1972	13,0		

*Составлено и подсчитано по: Данные таблиц II-7 и II-10.

Приложение-3.2

Россия/СССР/Россия: стоимость валовой сельскохозяйственной продукции (в сопоставимых ценах 1965 г.), 1909–2006 гг. *

Период / год	Валовая сельскохозяйственная продукция, млрд. руб.	Посевная площадь, млн. га	Валовая продукция на гектар посевной площади, руб./га
(1)	(2)	(3)	(4)
1909–1913	22,5	99,1	227
1913	24,3	105,0	231
1917	21,4	100,1	214
1920	16,3	103,7	157
1921	14,6	90,3	162
1922	18,2	77,7	234
1923	20,9	91,7	228
1924	21,9	98,1	223
1925	27,2	104,3	261
1926	28,7	110,3	260
1927	29,4	112,4	262
1928	30,1	113,0	266
1929	29,4	118,0	249
1930	28,4	127,2	223
1931	27,7	136,3	203
1932	26,0	134,4	193
1933	24,5	129,7	189
1934	25,8	131,4	196
1935	28,9	132,8	218
1936	26,5	133,8	198
1937	32,6	135,2	241
1938	29,2	136,9	213
1939	29,4	133,7	220
1940	39,6	150,4	263
1941	24,6	108,1	228
1942	15,0	87,7	171
1943	14,2	94,1	151
1944	21,4	109,9	195

(1)	(2)	(3)	(4)
1945	24,1	113,6	212
1946	26,8	114,0	235
1947	34,5	119,0	290
1948	38,4	133,7	287
1949	39,3	139,7	281
1950	39,3	146,3	269
1951	36,6	153,0	239
1952	39,8	155,7	256
1953	41,0	157,2	261
1954	43,1	166,1	259
1955	47,8	185,8	257
1956	54,3	194,8	279
1957	55,4	193,7	286
1958	61,4	195,6	314
1959	61,7	196,3	314
1960	61,1	203,0	301
1961	62,6	204,6	306
1962	63,3	216,0	293
1963	58,3	218,5	267
1964	66,6	212,8	313
1965	67,6	209,1	323
1966	72,8	206,8	352
1967	73,3	206,8	354
1968	75,9	207,0	367
1969	72,7	208,6	349
1970	79,5	206,7	385
1971	79,6	207,3	384
1972	75,5	210,7	358
1973	86,7	215,0	403
1974	83,7	216,0	387
1975	78,6	217,7	361
1976	82,7	217,9	379
1977	85,4	217,7	392
1978	86,8	218,2	398
1979	83,3	217,8	382
1980	80,9	217,3	372
1981	78,1	214,9	364
1982	80,3	214,3	375
1983	83,2	213,0	391

(1)	(2)	(3)	(4)
1984	81,0	212,6	381
1985	79,2	210,3	377
1986	81,4	210,3	387
1987	78,9	211,5	373
1988	78,2	211,5	370
1989	77,1	209,8	368
1990	73,1	208,0	352
1991	34,8	115,5	301
1992	38,7	114,6	338
1993	39,2	111,8	351
1994	36,4	105,3	346
1995	34,0	102,5	332
1996	32,5	99,6	326
1997	33,0	96,6	342
1998	28,7	91,7	313
1999	30,3	88,3	343
2000	32,6	85,4	382
2001	32,9	84,8	389
2002	33,4	84,6	395
2003	33,9	79,6	426
2004	34,9	78,8	443
2005	35,7	77,5	461
2006	37,0	77,1	480

* Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 216, 219 [данные за 1909–1913, 1913, 1917, 1920–1922, 1926–1970 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С. 79, 127 [данные за 1923–1925 гг.]; Попов П. Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925. С. 42 [данные за 1923/24 г.]; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929. С. 288 [данные за 1925/26–1926/27 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 193, 194, 238 [данные за 1928–1934 гг.]; 20 лет советской власти. М., 1937. С. 50, 51 [данные за 1913, 1935, 1937 гг.]; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С. 84, 95 [данные за 1929, 1933, 1937 гг.]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 83, 99 [данные за 1941–1945 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 24, 25 [данные за 1940–1965 гг.]; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988.

С. 8, 25 [данные за 1971–1987 гг.]; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991. С. 10, 30 [данные за 1988–1990 гг.]; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001. С. 396, 406 [данные за 1991–1999 гг.]; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 19, 32, 109 [данные за 2000–2001 гг.]; Агропромышленный комплекс в странах Содружества Независимых Государств. Статистический сборник. М., 2004. С. 62 [данные за 2002–2003 гг.]; Российский статистический ежегодник 2007. М., 2007. С. 446, 456 [данные за 2004–2006 гг.]. См. также: Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин: «Прогресс», 1922. С. 10; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л. С. 154; Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 112; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979. С. 216; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 206; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 112.

Примечания: Все значения показателей стоимости валовой сельскохозяйственной продукции и посевной площади, приведенные за те или иные годы, касались территории СССР или России в тех границах, которые существовали в именно в эти годы, кроме 1913 г., по которому были использованы оценки, касающиеся территории СССР в границах до 1939 г. Стоимость валовой сельскохозяйственной продукции рассчитывалась по индексу за периоды: 1917–1939 гг. Перевод стоимости валовой продукции, представленной в постоянных ценах 1926/27 г., в сопоставимые (читай — постоянные) цены 1965 г. был осуществлен по соотношению 1: 2, а из цен 1983 г. в цены 1965 г. — по соотношению 1,938 : 1. Показатели стоимости валовой сельскохозяйственной продукции России за 1991–2006 гг. рассчитаны по индексам производства валовой продукции сельского хозяйства, так как с начала 90-х годов Росстат России отказался от стоимостных оценок валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах с указанием базисного года. За первоначальную точку мы взяли показатель 1990 г. по РСФСР, выраженный в сопоставимых ценах 1983 г. (см. Страны-члены СНГ. 1992. Статистический ежегодник. М., 1992. С. 339) и переведенный в цены 1965 г. по указанному соотношению. С 1960–2006 г. показаны данные за вычетом субсидий, исчисленных как процент от стоимости валовой сельскохозяйственной продукции. (Значения удельного веса субсидий за 1960–2000 гг. см.: Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004. С. 365, 386. Значения удельного веса субсидий за 2001–2006 гг. подсчитаны по: Российский статистический ежегодник 2007. Росстат. М., 2007. С. 446, 635, 636).

Глава IV

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ЭПОХУ

«РАННЕГО СОЦИАЛИЗМА».

30-е – начало 50-х годов XX века*

*«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя»
(Вергилий о Полифеме)***

В переживаемую современной Россией историческую эпоху, определяемую кратко емкой формулой — «старое хозяйство разрушено, а новое еще только укладывается» — остро ощущается потребность в «сквозном» концептуальном осмыслении (точнее — переосмыслении) *предшествующих экономических форм*, утвердившихся в аграрном секторе страны в «социалистический» период ее бытия. Обломки этих форм, распавшихся в историческое одночасье, сильнейшим образом влияют на алгоритм становления новых форм хозяйства. А тем временем мертвое все еще продолжает цепко держать живое за горло, деформируя, помимо прочего, процесс сельскохозяйственного роста страны: экономические последствия краха «социалистических» форм хозяйства в аграрном секторе России приняли поистине чудовищные масштабы (напомню, меньше чем за десятилетие, считая от 1990 г., валовая продукция сельского хозяйства страны сократилась на две пятых¹); что само по себе требует концептуальной, комплексной оценки экономических параметров и социальных качеств воспроизводственного процесса в коллективизированной агросфере России. Более того, в беспристрастной оценке

* В главе использован материал очерка В.Г. Растяникова «Власть и крестьянин в России. 30-е–начало 50-х годов XX столетия. (Очерк по политэкономии «раннего социализма»)», опубликованного в сб.: Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. [Отв. редакторы и составители: С.В. Сопленков, А.М. Петров.] / Институт востоковедения РАН. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 224–249.

** Эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в переводе В.К. Третьяковского.

точнее — переосмыслении), особенно после крушения «социализма», нуждается *стадия исторического процесса*, пройденная российской деревней в период ее коллективизационного бытия. Ведь большевистская власть, сотворившая в российской деревне «новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества», всерьез рассматривала образование именно колхозной системы *переломным* рубежом в развитии общественно-экономического строя российского (советского) общества. Резолюция XVI съезда ВКП(б) (1930 г.) так объясняет суть дела: «Если конфискация земли у помещиков была *первым* шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является *вторым* и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»².

Колхозная система на протяжении всего времени, отведенного ей Историей, была объектом мощного идеологического воздействия, неизбежно затронувшего в советский период истории российского общества и экономическую науку. Вспомним, например, постулат о якобы постепенно свершавшемся подъеме «кооперативно-колхозной собственности» (как «социалистической» собственности «низшего» порядка) до уровня «общенародной собственности» (как «социалистической» собственности «высшего», адекватно соответствовавшего сущности «социализма», порядка). А толчок экспансии этой популярной мифологемы дала директивная установка все того же XVI съезда большевиков (1930 г.), провозгласившего, что «колхозное движение может подниматься к высшей форме — к комму-не...»³. Потребность в преодолении представлений, рожденных коммунистическим мифотворчеством, о социальной сущности форм хозяйства аграрного сектора в период, названный «социалистическим», закономерно повышает значимость целостного концептуального подхода к их исследованию.

Ниже предпринимается попытка — охарактеризовать, в первом приближении, природу социально-экономических отношений между колхозами советского образца и противостоявшей им Властью, отношений, которые оказывали детерминантное влияние на формирование уникальной модели коллективной системы производства как целостного феномена. Временные рамки нашего анализа охватывают по преимуществу эпоху 30-х – начала 50-х годов, тот зловещий период в аграрной истории России, когда были заложены основы и осуществлена — до «последних винтиков» — институционализация колхозного строя в российской деревне.

1. Функциональные особенности коллективизированного крестьянского хозяйства

Становым хребтом аграрной экономики России с начала 30-х годов и до рубежа 80–90-х годов XX века — времени распада СССР были коллективные хозяйства (колхозы), а с конца 50-х годов — и бравшие на себя все большую часть сельскохозяйственного производства государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы).

Всеобщая коллективизация крестьянских хозяйств, проведенная в бывш. СССР с конца 20-х до конца 40-х годов, помимо достижения насущнейшей социально-политической цели (создание организационно-хозяйственной формы, адекватной, по представлениям правившей в стране большевистской элиты, требованиям «построения социализма»), в самой деревне должна была обеспечить решение двух кардинальных задач: а) сформировать институциональные условия для всестороннего политического контроля над крестьянством — подавляющей частью советского народа; и б) создать — в том, что касалось экономического роста страны, — новые устойчивые макровоспроизводственные пропорции, соответствовавшие курсу страны на индустриализацию — аграрный сектор был призван снабжать страну во все растущих размерах товарным хлебом (и другим сельскохозяйственным сырьем). Вместе с тем новая система хозяйства, представляемая колхозами, должна была, во-первых, обеспечивать страну не просто хлебом, а именно *дешевым* хлебом, и, во-вторых, существенно облегчить условия для *отчуждения максимально возможной части прибавочного продукта, производившегося в наиболее отсталом секторе народного хозяйства, ради нужд накопления, титавшего индустриализацию.*

Именно в этом заключалась истинная «генеральная линия» политики большевиков в аграрном секторе советской России, линия, предопределившая на практике применение жестоких методов в построении нового общества, названного «социализмом».

Действительно, поставки сельскохозяйственной продукции государству — а в первые годы коллективизации это были в основном поставки зерновых — были объявлены «первоочередной обязанностью» колхозов⁴. Для подвергшейся коллективизации традиционной аграрной экономики, опиравшейся на ручной труд и соответствующие ему материальные средства производства, т.е. экономики, предполагавшей расход подавляющей части продукта на воспроизводственные нужды самого хозяйства, установленные кратократией⁵

нормы обязательных отчуждений были весьма высоки. Так, в начале 30-х годов в зернопроизводящих районах по договорам о контрактации (система контрактации действовала до 1933 г.) колхозы должны были «сдавать» (т.е. продавать государству по принудительным, крайне заниженным ценам) от 1/4 до 1/3 валового сбора зерна⁶. В 1940 г. норма обязательных поставок зерна государству (без натуральных выплат, причитавшихся МТС; см. ниже) была установлена на уровне 21,9% по отношению к среднему валовому урожаю зерновых в стране в 1938–1939 гг.⁷ При этом кратократия накладывала жесткий запрет на любое отчуждение какой-либо доли колхозного продукта в целях его рыночной реализации до полного выполнения «плана» обязательных поставок государству. Иначе говоря, с самого начала своей экономической деятельности крестьянское хозяйство, получившее новый, «социалистический», статус, оказалось в петле жестких ограничений в своем общении с рынком.

Режим сдачи колхозами зерна государству все более ужесточался. В 1933 г. политика этого ужесточения в решениях высших властных структур концептуализируется следующим образом: «Мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а *зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками (курсив наш. — Авт.)*. Это значит, что никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом» (из Постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 20 июня 1933 г.). Более того, «колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в ... сроки, подвергаются через сельсоветы денежному штрафу в размере *рыночной стоимости* невыполненной части обязательства, и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении *всего годового обязательства*, подлежащего взысканию в *бесспорном порядке* (курсив наш — Авт.)» (из Постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г.)⁸. При этом кратократия настаивает на безусловном приоритете изъятия «своей» доли: все поставки должны осуществляться «из первых обмолотов»⁹.

По сравнению с нормами товарности, сложившимися в период НЭПа, в постколлективизационный период резко вырос удельный вес отчуждаемого продукта, принимавшего в руках кратократии товарную форму (и прежде всего главной его составляющей — зерна). Следует выделить несколько основных источников, способствовавших мощному рывку в росте товарности с первых же лет коллективизации.

Во-первых, переключение многих внутридеревенских связей на вертикаль власти и подчиненные ей хозяйственные институты (последняя перехватывала часть обменных потоков в деревне, например, посредством уничтожения частной торговли), а также связанные с коллективизацией крупные социальные трансформации в деревне (уничтожение института «наемного труда» и других видов «эксплуатации» и, соответственно, свертывание внутридеревенского рынка хлеба и других продовольственных продуктов) высвободили дополнительную массу крестьянского продукта, которая ранее обращалась внутри деревни, а теперь, приняв облик «государственных заготовок», прямой дорогой направилась в «закрома государства».

Во-вторых, к источникам роста товарности сельского хозяйства можно было отнести начавшееся в 30-х годах внедрение в мануфактурное разделение труда в аграрном секторе некоторых механизмов (прежде всего тракторов), способствовавшее частичному вытеснению из отдельных сельскохозяйственных операций тяговой силы рабочего скота и соответственно высвобождению части зерновых ресурсов из сферы внутрихозяйственного потребления (в качестве кормов). (Впрочем, излишки зерна, получаемые из этого источника, впоследствии поглощались в формировавшихся отраслях животноводства.)

Но, по-видимому, главный источник увеличения поставок товарного продукта (и в первую очередь его основного вида — зерна) формировался давлением кратократии на фонд жизненных средств коллективизированных производителей. В колхозах четко обозначилась *обратная зависимость* между динамикой отчуждаемого в пользу государства сельскохозяйственного продукта и динамикой его части, распределяемой в фонд жизненных средств колхозников.

Как свидетельствует один из документов Совета по делам колхозов (1949 г.), такая зависимость характеризовалась следующими данными (см. табл. IV-1).

Автор документа комментирует: «Доля зерна, сдаваемого государству, значительно возросла в последние годы. Снижение внутрихозяйственного потребления произошло за счет сокращения отчислений в семенной фонд (!) и особенно в фуражный». Более «тощим» стал и трудодень: «Средняя выдача зерна на один трудодень колхозникам и трактористам снизилась с 1,65 кг в 1940 г. до 1,02 кг в 1947 г.». При этом «в 1940 г. было 39% колхозов, выдававших зерна на трудодень меньше 1 кг, а в 1947 г. (голодном. — *Авт.*) таких колхозов было 70%»¹⁰.

Таблица IV-1

Аграрный сектор в СССР: зависимость между движением поставок колхозного продукта государству и движением фонда оплаты труда в колхозах, 1937–1947 гг.^{*}, в % от оприходованного колхозами зерна

Вид отчуждения / год	1937	1938	1939	1940	1946	1947
Сдано и продано государству (включая натуроплату МТС ¹)	30,3	35,8	40,2	42,9	51,7	51,2
Определено к выдаче колхозникам и трактористам по трудодням	35,9	26,8	22,9	19,9	14,1	16,2

^{*} Составлено по: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, [Документ № 6]. С. 57.

¹ Этот вид отчуждений колхозного продукта мы рассмотрим ниже.

Совершенно очевидно, что в данном случае захватываемая кратократией и превращаемая ею в товар, *дополнительная* часть колхозного продукта (т.е. часть, выходящая за границы нормы, обеспечивающей минимальную заработную плату колхозника, если за стандарт таковой принять ее довоенный уровень) *не опирается на общественное разделение труда*, а представляет собой просто вычет из фонда жизненных средств работников колхоза, его «неделимых» и иных фондов, т.е. *отчисления из фонда потребления продукта, расходуемого на воспроизводство*. В создании такой *мнимой товарности* в колхозном производстве заключалась сильнейшая аномалия экономического роста, столь тяжело отражавшаяся на воспроизводстве в колхозах.

В погоне за массой изымаемого из колхозов продукта кратократия прибегала и к особо изощренным методам внеэкономического принуждения. В частности, в начальный период «колхозного строительства» с целью изъятия реальных излишков колхозного продукта, оставшихся в колхозах после расчета последних по их многообразным обязательствам перед государством, она инициировала обескровливание колхозов посредством использования механизмов «встречных планов». Провозглашалась необходимость «мобилизации колхозников на выполнение и перевыполнение на основе встречных планов государственных заданий»¹¹; на хозяйства оказывалось жесткое давление — «производственный план колхоза должен стать встречным планом колхозников по выполнению производственных заданий района»¹². Идея «встречных планов» внедрялась даже в производственную бригаду: «В практической работе

бригада должна стремиться к перевыполнению задания, применяя методы встречных планов»¹³. При этом понятно, что доступная для дополнительных отчуждений часть колхозного продукта могла быть тем больше, чем больше продукта сохранялось в колхозе после обязательных выплат государству и его институтам системы распределения (МТС и др.), на которой стоял колхозный строй. Вот здесь-то тараном, сокрушавшим колхозные (крестьянские) закрома, наполненные причитавшимися колхозам «излишками» (или по эквивалентной более ранней терминологии — «остатками») хлеба и другой продукции, и выступали «встречные планы».

Джинн был выпущен из бутылки. Низовые (районные) функционеры кратократии, отзываясь на сигналы, поступавшие сверху, при опоре на силу принуждения, прикрытую идеологическим флером — якобы «добровольного волеизъявления» коллективизированных производителей делать дополнительные взносы в «копилку» «социализма», фактически дочиста обирали колхозы: в результате они подрывали уже сформированные ею (кратократией как целостной системой) механизмы производства в коллективном хозяйстве, создавая тем самым угрозу самому процессу воспроизводства в его долгосрочной перспективе. Уже в 1933 г. высшие властные структуры ужаснулись содеянному; теперь они почти в каждом постановлении, касающемся сельского хозяйства, грозят *уголовным преследованием* всех организаций и лиц, «виновных в даче встречных планов»¹⁴.)

Бремя «обязательств», возложенное на колхозы, было настолько тяжело, что недоимки по поставкам государству сельскохозяйственной продукции стали самым уязвимым звеном взаимоотношений колхозов с государством. Возникшие с первых же лет коллективизации, недоимки погружали колхозы в пучину не поддающихся оплате долгов (подробнее см. ниже), хотя, как и собственно текущие «обязательства», подлежали «первоочередному» погашению из собранного в данном году урожая.

Руководители Совета по делам колхозов при Правительстве СССР рапортовали секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову об «успехах» в мобилизации зерна по навязанным колхозам «обязательствам» к концу послевоенной «пяtilетки восстановления» (1946–1950 гг.): «В течение последних пяти лет только около половины колхозов полностью выполняют свои обязательства перед государством по поставкам зерна...»¹⁵. Драматизм ситуации заключался в том, что по показателю удельного веса колхозов, выполнявших «планы заготовок зерна», высокоспециализированные зернопроизводящие регионы страны прочно обособились в группе,

выделявшейся наиболее высоким удельным весом *хозяйств-недоимщиков*, о чем свидетельствовали следующие данные Министерства заготовок (см. табл. IV-2).

Таблица IV-2

Удельный вес колхозов СССР, выполнивших планы заготовок зерна, 40-е годы XX в. *, %

Регион	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Всего по СССР	57,7	50,0	42,1	нет св.	44,2
Алтайский край	17,0	11,8	30,7	18,0	8,9
Ставропольский край	20,0	21,5	7,1	15,2	13,4
Краснодарский край	13,1	23,1	15,5	14,1	21,1

* Составлено по: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 30]. С. 159.

Многофункциональную роль в колхозной экономике играли машинно-тракторные станции (МТС), сеть которых стала формироваться в советской деревне с первых же дней коллективизации. Они воплощали возникавшую в деревне новую, индустриальную систему производительных сил, объективно способствуя внедрению в крестьянское хозяйство новой культуры земледельческого труда, коренному изменению параметров его производительной силы, т.е. экономии земледельческого труда. Они же продавливали на селе тот тип социальной организации хозяйственной деятельности, который кратократия называла «социалистическим», выполняя, помимо прочего, функцию «социалистического» — политического — «надзирателя» над коллективизированным крестьянством.

Совершенно особыми функциями кратократия наделила МТС в области распределения сельскохозяйственного продукта, производившегося в колхозах. Именно МТС как институциональные представители «власти насилия» (см. ниже) непосредственно в сфере экономической деятельности колхозов могли наиболее эффективно выполнять функцию их внеэкономического принуждения, способствуя перекачке в «закрома государства» значительной массы колхозного продукта в рамках оплаты услуг МТС.

По установлению властного партийного форума 1929 г. колхозы должны были расплачиваться с МТС, как при феодальной издольщине, *долей* валового продукта, безотносительно к действительным издержкам производства в

хозяйстве, долей, составлявшей на рубеже 20–30-х годов 25–30% валового урожая зерновых¹⁶ (впрочем, в раннем примерном договоре между МТС и колхозами — от 1930 года эта норма была зафиксирована на нижней границе — 25% урожая зерновых). При этом столь крупная доля урожая подлежала изъятию в оплату только предположительной амортизации, топлива и расходов на ремонт предоставленной МТС техники (а также расходов «на содержание административного, агрономического и технического персонала» станций). За отдельные выполненные МТС работы колхозами вносились дополнительные платежи, отдельно оплачивался труд работников МТС (см. ниже)¹⁷.

Но с 1934 г. примерный договор уже предусматривал оплату услуг МТС колхозами не «валом», а по операциям. За «пакет» из пяти основных операций, осуществлявшихся в зерновом секторе производства, колхозы должны были отдавать МТС, например, при урожайности зерновых 6 ц/га — 30,3%, 8 ц/га — 32,4%, 10 ц/га — 32,9% их валового сбора¹⁸. Горькая «изюминка» этих выплат заключалась в том, что продукт, отчуждавшийся из колхозов по нормативам МТС в натуре и выполнявший функцию *средства платежа*, оценивался пролетарской властью по ставкам, которые были *намного ниже рыночных*.

У изымавшихся «излишков» цены (представленных разностью между ценой заготовительной и ценой реализационной) был и четко очерченный адрес. По определению СНК СССР и ЦК ВКП (б) (от 25 июня 1933 г.), «без такой оплаты государство не могло бы содержать МТС, а МТС оказывать помощь колхозам»; и, кроме того, присваиваемыми «излишками» цены оно покрывало расходы «по созданию новых МТС»¹⁹. Т.е. колхозный продукт, распределяемый по принудительно установленным ценам, с первых же дней существования колхозов становился источником принудительно же формируемых государственных инвестиций в индустриальную базу сельскохозяйственного производства.

Но вот собственником, причем единственным, монопольным, индустриальных средств производства, сосредоточенных в МТС, оставалась кратократия в лице государства, а вовсе не колхозы. Плата за государственную монополию такого рода (монопольная рента) включалась в ту часть продукта, которая отчуждалась у колхозов за услуги МТС. Тем самым, МТС, реализовывавшие эту монополию, как мы не раз убедимся ниже, фактически выполняли для кратократии важную социальную функцию — отчуждение части фонда жизненных средств непосредственных производителей сельскохозяйственного продукта — колхозников. (Три десятилетия спустя со времени старта коллективизации, в 1958 г., кратократия начнет распродавать средства производства, принадлежащие МТС, — за отдельную плату — колхозам, которые многократно уже покрыли их стоимость отчислениями в пользу МТС части своего продукта *in natura*.)

Жесткость отношения МТС к «опекаемым» ими колхозам была заложена кратократией в ее директивных документах. В одном из них (от 25 июня 1933 г.) читаем, что договора МТС с колхозами «имеют твердую силу закона», что «причитающееся МТС от колхозов зерно по натуроплате за произведенные МТС в колхозах работы должно быть сдано машинно-тракторным станциям колхозами полностью и безоговорочно в точном соответствии с размерами произведенных МТС в колхозах работ и установленных норм оплаты», при этом МТС предоставлено «право беспспорного взыскания натуроплаты с колхозов, задерживающих оплату натурой произведенных МТС работ»²⁰. МТС же «взыскивали с колхозов натуроплату в одинаковых размерах» даже при нанесении ущерба своим договорным контрагентам — колхозам²¹.

На начальных этапах «колхозного строительства» кратократия даже возложила на МТС ответственнейшую функцию: «устанавливать» в каждом отдельно взятом колхозе, который она, станция, обслуживала, «размер товарных излишков» (по соглашению между станцией и колхозами, но «на основании хлебофуражного баланса года, составленного станцией же для каждого колхоза в отдельности»); соответственно «все товарные излишки полевого хозяйства колхоз обязан был сдать по государственным ценам (причем отнюдь не сразу выплачиваемым. — *Аем.*) станции непосредственно после уборки урожая». Только после этого «хлебозаготовки считались законченными»²². Этой акцией принуждения со стороны кратократии коллективное хозяйство полностью изгонялось с рынка — воспроизводственные потоки первого переключались исключительно на детерминируемую Властью вертикаль обменных отношений. (Через несколько лет колхозу все-таки позволят весьма скромные «излишки», если таковые все-таки обнаружатся после внесения всех обязательных платежей натурой, реализовывать на колхозном рынке.)

Особый урон поступательному росту аграрной экономики, в частности, развитию товарного производства, наносило жесткое и эффективное осуществление кратократией *уравнительного принципа* в региональной (порайонной) распределительной политике, принуждавшей «благополучные» колхозы, способные выполнять возложенные на них тяжелые задания по обязательным поставкам и иным платежам, вносить из своего продукта в «государственные закрома» дополнительную дань за «неблагополучные» колхозы, колхозы «отстающие», или просто неспособные нести на себе бремя обязательных платежей в тех пределах, в каких они были кратократией установлены.

В самом деле, в масштабах всего государства основной «учетной единицей» плана изъятий сельскохозяйственного продукта был вовсе не колхоз, а отдельная территориальная единица, представленная районом, областью, краем и даже республикой. Поэтому при любых случаях «недосдачи» массы продукта, определенной к выплате государству, любыми производственными единицами (колхозами), эту «недосдачу» принуждали покрывать те производственные единицы (колхозы), у которых необходимая масса «излишков» продукта могла оказаться в наличии, и эти «излишки» кратократия бесцеремонно вымогала для «государственных закровов», чтобы выполнить «план» района, области и т.п.

Через десять с лишним лет после начала коллективизации ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынуждены были признать (7 апреля 1940 г.), что «колхозы, имеющие развитое общественное стадо и увеличивающие его из года в год, должны сдавать все большее и большее количество мяса, молока и шерсти по обязательным поставкам государству, в то время как колхозы, имеющие слабые животноводческие фермы, сдают мало продуктов по обязательным поставкам государству, а колхозы, вовсе не имеющие животноводческих ферм и не желающие их организовывать, находясь в льготном положении, так как не сдают по обязательным поставкам государству продуктов животноводства»²³.

Более того, как явствует из доклада отдела Совета по делам колхозов, представленного председателю Совета А.А. Андрееву, от 26 февраля 1949 г., «по указаниям местных органов, передовые колхозы, выполнив свои обязательства по поставке продукции, понуждаются к сдаче дополнительного количества продуктов /.../ практика перекаладывания обязательств по поставкам продукции на передовые колхозы имеет место и в других областях и республиках. Это приводит к созданию иждивенческих настроений в колхозах, систематически не выполняющих планы поставок продукции, и подрывает материальную заинтересованность колхозов, добросовестно выполняющих свои обязательства перед государством»²⁴. Изъятия дополнительной массы продукции из закровов «передовых» колхозов были, очевидно, огромны. Так, руководители Совета по делам колхозов в своей записке на имя Г.М. Маленкова, отметив, что около половины колхозов в 1948 г. не выполнили полностью обязательств по зернопоставкам, подчеркнули, что, тем не менее «план хлебозаготовок выполнили почти все союзные республики и большинство областей, краев и республик РСФСР, однако это выполнение обеспечено главным образом за счет перевыполнения сдачи хлеба передовыми колхозами... (курсив наш. — Авт.)»²⁵. Надо ли специально говорить, что все герои «планов громадьа» остались безвестны для истории: «Сейчас нет даже надлежащего учета таких колхозов»²⁶. (О нравственных основах отношения Власти к «социалистическому» (колхозному) крестьянству на ранних этапах «строительства» «нового общества» см. подробнее ниже.)

Тем самым кратократия воссоздавала и поддерживала в аграрном секторе принудительный режим *фискальной круговой поруки*, унаследованный еще от общинных времен бытия аграрного строя и приспособленный к ее (кратократии) требованиям и нуждам. При этом сельскохозяйственная политика кратократии, концептуализированная в различного рода решениях форумов правившей большевистской партии, прямо развязывала и легитимизировала инициативу низшего звена «служителей» кратократии в манипулировании объемами обязательных поставок от различных производственных единиц (колхозов). Этим исполнителям коллективной воли кратократии разрешалось изымать у «благополучных» колхозов на 30% больше среднерегionalной нормы и «прощать» недобор с «неблагополучных» в тех же — 30% — размерах, с тем, однако, чтобы установленный план по каждой учетной территориальной (региональной) единице был выполнен²⁷. Возникла ситуация: чем лучше работал колхоз, тем относительно меньше продукта он и, соответственно, его работники в виде заработанного дохода получали. Таким образом, «благополучные» колхозы лишались «избыточных» ресурсов сельскохозяйственного продукта, которые могли бы быть ими самостоятельно реализованы на рынке за деньги.

В зерновом производстве, главной отрасли сельского хозяйства СССР (в том числе России), механизм такого принудительного распределения и перераспределения действовал особенно сурово и практически едва ли не целиком разрывал межотраслевые «горизонтальные» (т.е. рыночные) связи. Так, в 1948/49 сельскохозяйственном году на колхозных рынках крупных городов была реализована колхозами масса зерна, составлявшая 0,64%, а в 1949/50 г. — 0,7% от общего объема государственных заготовок и закупок зерна²⁸.

Обратим внимание: в собственно мануфактурный период развития аграрной экономики СССР (т.е. до 60-х годов) обе статьи изъятий («обязательные» поставки государству, натуроплата услуг МТС) охватывали *около двух пятых цены валового сельскохозяйственного продукта общественного сектора хозяйства и более*²⁹. Мы уже говорили о деформирующем воздействии на воспроизводство в общественном хозяйстве выплат столь крупной доли произведенного в нем продукта. Подчеркнем, что эта доля взыскивалась в *натуральной форме* (отнесем сюда и ту фракцию «обязательных» поставок, официально называвшуюся «закупками», которая аккумулировалась государством по принудительно установленным, дармовым (монопольным) ценам, вне всякой связи с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим рыночную альтернативу).

Воспроизводство натуральных отношений в колхозах осуществлялось широко и всесторонне, одновременно по нескольким направлениям. Колхозный хозяйственный комплекс воссоздавался как целостное бестоварное (натуральное) хозяйство, включавшееся в первые постколлективизационные десятилетия в народное хозяйство СССР (России) методами принуждения. Кратократия *тормозила* прежде всего *рост общественного разделения труда* — в том, что касалось системы колхозов, препятствуя развитию, насколько это от нее зависело, любых «горизонтальных» форм обмена, в противоположность единственно господствовавшей «вертикальной» его форме, замкнутой на саму кратократию.

Сохранить «чистоту» сельскохозяйственной деятельности колхозов, не дать ей смещаться, независимо от воли Власти (и представляемого ею государства), с внедеревенскими формами экономической деятельности было одной из важнейших целей кратократии в аграрном секторе. Дело доходило до парадоксов. Когда в конце 30-х годов некоторые колхозы попытались организовать у себя промышленные предприятия (мастерские и др.) и даже, если использовать современную терминологию, заняться угольным бизнесом, Совет народных комиссаров (СНК) СССР решительно воспрепятствовал «этой противогосударственной и противоколхозной практике», приняв специальное постановление (от 22 октября 1938 г.) о ликвидации в колхозах «промышленных предприятий, не связанных с сельскохозяйственным производством», сославшись при этом на то, что «недра земли являются государственной собственностью»³⁰. Попытки коллективов колхозников вырваться в своей экономической деятельности за пределы железного обруча колхозной системы были пресечены у самых их истоков. Отметим, что в данном случае кратократия стремилась выжечь каленым железом именно те проявления совокупной экономической деятельности крестьянина, которые, выступая в форме неземледельческих крестьянских промыслов, до революции, например, в потребляющей полосе России, приносили в крестьянский бюджет 21,5% его суммарного дохода³¹.

Политику по созданию замкнутых хозяйственных комплексов на базе колхозной системы кратократия активно осуществляла и через механизмы сдерживания общественного разделения труда также в других сферах жизни колхозного хозяйства. Как известно, в рыночном хозяйстве специализация производства, предусматривающая, помимо прочего, экономию труда и используемых ресурсов и обеспечивающая наибольшую выгоду от экономической деятельности, неизбежно ведет к росту концентрации производства в одних группах хозяйств, в одних районах, вытесняя из данного вида экономической деятельности другие группы хозяйств, другие районы.

В условиях кратократии процессы специализации, естественные для рыночной экономики, по существу были повернуты

вспять. Одержимая «мечтой» создать систему аграрного хозяйства, каждая ячейка которой была бы самодостаточна и автаркична, а главное — замкнута на «руководящую» власть, последняя стремилась воплощать эту «мечту» — упорно и не без успеха — в своей практической деятельности, *de facto*, помимо других отраслей, в животноводческом комплексе.

Начало реализации этой «мечты» было положено еще в 1934 г., когда очередной форум правящей партии подчеркнул «решающую роль колхозных товарных ферм в деле развития животноводства». Отсюда «установка» — «укрепление существующих колхозных товарных ферм и создание фермы в каждом колхозе (курсив наш. — Авт.) должно стать первоочередной задачей партийных и советских организаций»³². Дальше — больше. В конце 30-х годов СНК СССР и ЦК ВКП (б) выпускают документ (от 8 июля 1939 г.), в котором постановляют: «каждый колхоз (курсив наш. — Авт.) должен иметь, по крайней мере, не менее двух животноводческих ферм, из них: одну ферму крупного рогатого скота и другую — овцеводческую или свиноводческую ферму», но считать «желательным» и «целесообразным» создавать «в каждом колхозе (курсив наш. — Авт.) три животноводческие фермы, одну — крупного рогатого скота, другую — овцеводческую и третью — свиноводческую»³³. Кратократия была бескомпромиссно нацелена на распределение производственных ресурсов по «образу и подобию» распределения таковых в самодостаточном хозяйстве традиционного типа.

Дух и буква этого постановления распространяли свое влияние на развитие животноводства практически в течение всего дальнейшего периода существования СССР. Это относилось прежде всего к сектору коллективных хозяйств, который оставался верен убыточному молочному «бизнесу» на протяжении всей эпохи «социалистического строительства», сохраняя в нем («бизнесе») почти 100-процентное присутствие (например, в 1961 г. держали молочных коров 99,8% всех колхозов, в 1985 г. доля колхозов, имевших поголовье молочного скота, упала ... до 99%); более того, сектор даже увеличил долю крупных хозяйств (имевших свыше 1000 голов на хозяйство) — до 11,8% от общего числа колхозов в 1985 г. (против 2,4% в 1961 г.), и сократил долю хозяйств с малым поголовьем коров. Напротив, в секторе совхозов наблюдался явно выраженный процесс деконцентрации поголовья коров: за четверть века сектор резко снизил долю крупных хозяйств (имевших свыше 1000 коров на хозяйство) — более чем в 1,5 раза (с 31,1% до 19,3%), вместе с тем увеличилась (хотя и незначительно) доля совхозов с малочисленным поголовьем коров³⁴. Но при этом подавляющая часть

совхозов (86%), подчиняясь жесткой дисциплине «директивного планирования», все еще продолжала держать молочный скот и заниматься, как правило, экономически убыточным молочным «бизнесом».

Конечно, кратократия требовала одновременно создавать в рамках «каждого» колхоза (совхоза), обремененного даже не тремя, а всего лишь одной животноводческой фермой, собственную кормовую базу, каких бы затрат это ни стоило.

По директивной установке СНК СССР и ЦК ВКП (б) (от 17 января 1941 г.), местные органы власти должны были добиваться, чтобы «каждый колхоз (курсив наш. — Авт.) уже в 1941 году имел посевы кормовых корнеклубнеплодов или бахчевых культур»; в своем Постановлении от 29 мая 1941 г. СНК разъясняет, что «недостаток сочных кормов в колхозе вынуждает непроизводительно затрачивать излишнее количество зерна на корм скоту»³⁵. Такая практика расходования ресурсов зерна, как о том свидетельствуют данные о застойной динамике пропорций товарного выхода зерна — вокруг 43% с начала 50-х годов XX века до начала 90-х, — сохранялась в аграрном секторе СССР на протяжении всего периода его последующего существования.

По существу речь шла о дальнейшем разрывании системы *технического* (внутриколхозного) разделения труда, противопоставленного *общественному* разделению труда с его гарантировавшими экономические выгоды преимуществами. Посредством такого рода политики кратократия подталкивала колхозы к развитию производства *автаркического* типа и тем самым открывала путь не к экономии, а к нагнетанию издержек производства.

Проклятие «социалистической модели» специализации в области животноводства («всем сестрам по серьге») до сих пор лежит на животноводческом секторе «крупных и средних предприятий» сельского хозяйства современной России. Как и в советские времена, почти 85% этих предположительно коммерческих сельскохозяйственных организаций (товарный выход молока составляет у них 83,7%) держат молочный скот. Более того, происходит прогрессирующее размывание группы крупных молочных хозяйств. По данным Госкомстата России на 2001 г., группа хозяйств с самым крупным поголовьем коров (свыше 1000 голов на хозяйство) составляла лишь 1,9% общего числа «крупных и средних предприятий», т.е. сократилась в 6–10 раз по сравнению с 1985 г. И при этом на ее долю приходилось лишь 15,1% общего объема производства молока. В то же время удельный вес предприятий (организаций), сосредоточивающих каждое до 300 коров, составлял 67,7%³⁶. Очевидно, что крупный производитель молока в 90-е годы активно освобождался от молочного стада, стремясь тем самым снизить потери от нерентабельной хозяйственной деятельности, зачастую не окупавшей даже издержки производства³⁷. Добавим к этому,

что процесс такой маргинализации молочного хозяйства происходил на фоне хиреющей (или, может быть, точнее — полужастойной) продуктивности молочного стада. Например, в РСФСР/России с 1965 г. по 2000 г. средние надои молока на корову увеличились с 2030 кг до 2343 кг, или в 1,15 раза за 35 лет³⁸.

Сильнейший удар по общественному разделению труда в ареалах распространения колхозного производства нанесла политика, проводившаяся с 1940 г., в соответствии с которой был принят *погектарный принцип* формирования государственных заготовок: каждая производственная единица (колхоз) обязывалась к безусловному выполнению предписанного ей наряда по наполнению «заказов государству» — посредством «строжайшего соблюдения политики исчисления обязательных поставок с каждого гектара закрепленной за колхозами пашни при обложении продуктами полеводства и с каждого гектара закрепленной за колхозами земельной площади при обложении продуктами животноводства»³⁹. При этом «обкладывалось» поставками и фактически еще не ставшее реальным, а лишь ожидаемое в будущем производство, или сбор культуры, которая даже не была засеяна!⁴⁰

Что же подвигло Власть на принятие столь жестких мер в преобразовании механизмов принуждения тружеников колхозов? К концу 30-х годов, через десять лет после начала коллективизации, кратократия уяснила себе, что может (и, соответственно, должна), говоря вешими словами Е. Преображенского, «брать больше из (предположительного. — Авт.) еще большего дохода»⁴¹, и, более того, сумеет силой «голового» внеэкономического принуждения преодолеть тенденции к застою в динамике колхозной экономики. В самом деле, «существовавший до 1940 года порядок исчисления обязательных поставок (напомним: «имеющих силу налога». — Авт.) в зависимости от посевной площади или поголовья скота уничтожал заинтересованность колхозов в развитии общественного колхозного хозяйства, приводил к стремлению колхозов добиваться уменьшенных планов сева и развития животноводства, поощрял сокращение посевных площадей, не стимулировал освоения новых земель»⁴²; словом, этот «порядок» задавал четкий алгоритм процессам инволюции — развитию вспять.

При этом утверждалось, что «передовые колхозы, расширяющие посевы и увеличивающие поголовье скота на фермах, ставятся в невыгодное положение по сравнению с отсталыми колхозами, не дающими роста посевных площадей, не имеющими ферм или общественного животноводства»⁴³. Как же быть? Как всех поставить в одинаковое — «выгодное положение»? Оказалось — «просто»:

адекватным средством предотвращения указанного «неравенства» стал универсально-уравнительный — погектарный — принцип исчисления обязательных (оплачиваемых по далеко не возмещающим ценам) поставок сельскохозяйственной продукции. Введение «новшества» сопровождалось отрицательными «побочными» последствиями: при тяжести установленных норм обязательных поставок хозяйства не могли изменить внутреннюю специализацию производства с тем, чтобы в рамках колхоза обеспечить оптимальную отраслевую структуру. Окостеневские нормы по существу консервировали уже сложившуюся структуру или, хуже того, ухудшали ее. (Так было, например, при реализации идеи о преимуществах кукурузо-производства, озарившей Н.С. Хрущева, первое лицо государства на рубеже 50–60-х годов, идеи, внедрявшейся в жизнь под мощным воздействием властных структур, безотносительно к природным и иным региональным условиям производства.)

В 30-х годах кратократия категорически запрещала замену обязательных поставок отдельных (ценных) земледельческих культур, в частности, пшеницы и ржи, поставками других культур⁴⁴. Погектарные нормы жестко применялись при исчислении объемов сдачи колхозами молока⁴⁵, что являлось одной из существенных причин столь медленных изменений в продуктивности молочного животноводства (см. выше).

Таким образом, действовавший от имени государства механизм внеэкономического принуждения коллективизированных производителей сельскохозяйственной продукции препятствовал естественному, из потребностей поступательного экономического роста развивающемуся, общественному разделению труда, сильнейшим образом тормозил внутри- и межхозяйственную специализацию производства, воспроизводил замкнутость хозяйственных единиц, консервируя их экономическую изоляцию (с предоставлением, однако, небольших отдушин, в частности, в виде колхозных рынков), высокую затратность производства.

Аналитики Всемирного банка следующим образом оценивали долговременные последствия политики «региональной автаркии», осуществлявшейся кратократией на протяжении асех шести десятилетий бытия колхозного строя: «Применительно к зерновой и животноводческим отраслям осуществлялась политика регионального замкнутого хозяйства: более 90 процентов всех совхозов и колхозов бывшего СССР были вовлечены в производство зерна и примерно такая же доля — в производство крупного рогатого скота. Примерно две трети из них занимались свиноводством. /.../ Затраты на производство сильно колебались в зависимости от региона. Затраты на производство единицы

продукции зерна, мяса и молока в два или три раза были выше в республиках с высокими издержками по сравнению с республиками с низкими издержками»⁴⁶.

На ранней, мануфактурной стадии экономического роста за счет колхозных ресурсов осуществлялись и даже наращивали свои масштабы коллективные строительные работы, которые, унаследованные еще от общинной организации труда, активно практиковались кратократией. Речь идет о так называемых «трудгужповинностях», выполнявшихся с использованием дармового труда коллективизированных крестьян и их рабочего скота и мертвого инвентаря. По данным ЦУНХУ при Правительстве СССР, трудовое участие колхозников только в дорожном строительстве с применением их средств труда оценивалось за период 1929–1933 гг. в 1,9 млрд. руб., а за период 1934–1938 гг. — уже в 4,3 млрд. руб. (в ценах соответствующих лет)⁴⁷. За этими показателями роста скрывались процессы расхищения труда и прямого разрушения производительных сил колхозов, их скромного «основного капитала», процессы, происходившие в таких масштабах, что ЦИК и СНК СССР вынуждены были вмешиваться в эту «самодеятельность» кратократии на местах.

Специальным постановлением (от 27 мая 1932 г.) высшие органы власти «ввиду наличия многочисленных случаев незаконного объявления трудгужповинности и проведения этой трудгужповинности бесхозяйственным способом, результатом чего является массовый падеж лошадей», запретили местным органам власти «объявлять трудгужповинность без специального в каждом отдельном случае разрешения на это СНК СССР», и более того, предписали вообще «запретить правлениям колхозов предоставлять колхозных лошадей в бесплатное пользование для каких бы то ни было нужд и по чьему бы то ни было требованию, в том числе и органам местной власти, уполномоченным высших органов, заготовителям и т.п.»⁴⁸. Тем не менее натуральная дань в виде «трудгужповинностей» вносила в тот период весомый вклад в создание общественного продукта за границами собственно аграрного сектора.

Натуральные отношения «партия большевиков» в течение первой половины периода существования колхозного строя в исторической России активно воспроизводила в области *оплаты труда работников колхозов*. Как известно, труд колхозных работников оплачивался из двух источников: из заработанного в общественном хозяйстве и из дохода, полученного в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), которое рассматривалось большевиками неотъемлемой частью колхозной системы, по крайней мере, в течение многих десятилетий после возникновения в российской деревне колхозного строя. «Трудодень», категория, концептуализированная Колхозцентром, с 1930 г. представлял собой наиболее удобную форму оплаты труда в

тогдашних условиях, а главное — единственно возможную форму при оплате труда *натурой*. В этом смысле «трудодень» как единица учета затраченного труда был органичен механизму натурального воспроизводства, бытовавшему в колхозе, и в частности, распределению фонда продукта, расходуемого на личное потребление в колхозных семьях. Тем более что он соответствовал глубоко укорененным в крестьянстве представлениям о «справедливом» распределении произведенного продукта.

Преимущественно натуральному по исполнению трудодню все-таки нужно отдать должное. В руках кратократии он выступил инструментом вытеснения еще сохранившихся общинных механизмов уравнительного распределения ресурсов производства (в частности, труда), каковые (механизмы) плавно перекочевали вместе с общинным сознанием коллективизированных крестьян в колхозную систему. Так, Наркомзем СССР и Колхозцентр особо выделяли (август 1930 г.) из «основных нарушений установленного порядка распределения урожая и дохода» то, что в ряде колхозов «распределение доходов и урожая ведется только по едоцкому принципу»⁴⁹. Колхозцентр настоял (январь 1931 г.) на устранении этого «общинного» принципа в распределении продукта, широко практиковавшегося в «колхозах ряда районов»⁵⁰, потребовав (сентябрь 1930 г.) категорически запретить «распределение дохода по едокам, душам, земле и т.п.»⁵¹. Но искоренение уравнительных принципов распределения колхозного продукта происходило медленно и трудно, общинное сознание вновь и вновь обнаруживало свои «ослиные уши».

В дело распределения колхозного продукта включался «деревенский телеграф», и в результате независимо от количества и качества затраченного труда, полученного урожая и других хозяйственных обстоятельств уравнительный принцип распределения продукта вновь торжествовал — теперь в масштабах всего района: трудодень оплачивался в *разных* колхозах *одинаковым* количеством продукта. Что подвигло власти предпринять специальные меры по искоренению «фактов уравнительного подхода к определению размеров натуральных выдач в колхозах на трудодень»⁵².

Но вместе с тем кратократия, в лице своих властных институтов, решительно противилась эволюции натуральной формы оплаты труда колхозника по трудодням в денежную форму. В одном из конструктивных документов уже на самом раннем этапе образования колхозной системы читаем: «Оплата труда в колхозах производится и натурой, и деньгами, причем категорически воспрещается оплата труда колхозникам внутри колхоза исключительно деньгами»⁵³. Более того, даже при оплате наиболее прогрессивной формы труда — сдельной «категорически запрещается оценка работы колхозников в деньгах», последняя должна осуществляться только в трудоднях

(30 августа 1930 г.)⁵⁴, т.е. в учетных единицах натуральной системы оплаты труда.

Натура в оплате труда колхозников в общественном хозяйстве колхоза безусловно доминировала, как можно судить по документам, практически до конца 50-х годов. Так, удельный вес денежной платы в колхозном трудодне составлял: в 1953 г. — 35,7%; в 1954 г. — 45,3; в 1955 г. — 43,0 (расчет наш. — *Авт.*); в 1956 г. — 52,6; в 1957 г. — 54,5; в 1958 г. — 57,1%⁵⁵. Иначе говоря, перелом в оплате труда по трудодням, отмеченный преобладанием в трудодне денег, произошел в советской (русской) деревне лишь в середине 50-х годов. Но это была еще лишь «первая ласточка» успеха, достигнутого пока в одном, хотя и весьма объемном, звене денежного оборота в колхозном воспроизводстве. По авторитетному свидетельству ЦСУ СССР, совокупная стоимость продуктов, «выданных в натуральном виде колхозникам по трудодням или израсходованных в натуре на хозяйственные надобности колхозов, ... значительно превышает денежные доходы колхозов»⁵⁶.

Что касается другого источника потребительского дохода колхозного двора — «личного подсобного хозяйства» (ЛПХ), упомянем здесь, что оно, предположительно ориентированное на натуральное производство ради личного потребления крестьянской семьи, приносило ей и главную часть скудного денежного дохода, в противовес той денежной плате, которую колхозники за свой труд получали в общественном хозяйстве (см. табл. IV-3).

Поэтому очевидно — главная масса дохода крестьянского двора от общественного хозяйства в этот период представляла доход, присваивавшийся в *натуральной форме*.

Отметим также, что как по своим размерам, так и по способу ее движения к работнику заработная плата (личный потребительский доход), выплачиваемая за работы в общественном секторе колхозного производства, была социально четко дифференцирована. Так, в системе оплаты натурой труда работников, трудившихся на колхозном поле, имелась четко разработанная шкала ставок оплаты; в частности, по специальному Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) (от 13 января 1939 г.)⁵⁷ «пролетарские кадры (механики, слесаря и т.д.)»⁵⁸, сосредоточенные в МТС и служившие опорой «пролетарской диктатуры» в деревне, оплачивались по гораздо более высоким ставкам, чем местные «многопрофильные» (неквалифицированные) труженики колхозов.

Для первых был установлен «гарантийный минимум» оплаты труда, осуществлявшейся из ресурсов колхоза, в размере не менее 3 кг зерна за

трудодень, при этом колхозы были обязаны доставлять причитающуюся по трудодням плату механизаторам «на дом»⁵⁹. Предполагалось, что в течение одного рабочего дня механизатор при выполнении установленной «нормы» мог получить до 12–15 кг зерна в день и более (помимо небольшой, но гарантированной заработной платы деньгами, выплачиваемой МТС). Для сравнения напомним, что в 1939 г. 35,9% колхозов выдавали своим работникам (без учета трактористов) до 1 кг зерна на трудодень, а 31,9% — от 1,1 до 2 кг зерна (количеством зерна более 5 кг трудодень оплачивался в 2,9% всех колхозов)⁶⁰.

Таблица IV-3

Семья колхозника СССР: доход от личного подсобного хозяйства versus доход от общественного хозяйства колхоза, 1940–1950 гг. *, %

Показатель	ЛПХ	Общественное хозяйство
Затраты рабочего времени ¹ :	1940 г.	73
	1950 г.	73
Удельный вес дохода в совокупном доходе семьи:	1940 г.	39,7
	1950 г. ²	30,9
Удельный вес денежного дохода в совокупном денежном доходе семьи:	1940 г.	15,1
	1950 г.	19,1

* Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 419 [удельный вес дохода в 1940 г.]; Российский статистический ежегодник 1994. Статистический сборник. М., 1994. С. 92; Попов В.А. Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 212–217 [Документ №48. Из докладной записки начальника ЦСУ В.Н. Старовского Председателю Совмина СССР И.В. Сталину]. Ср. также данные о распределении денежного дохода семьи колхозника в СССР в 1950 г. в: История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988. С. 179.

¹ У трудоспособных колхозников.

² 1952 г., бывш. РСФСР.

³ Включая также продажу некоторой части продукта, полученного натурой из колхоза в оплату труда по трудодням, и, кроме того, выручку от продажи продукции, полученной натурой по выполненным контрактам из колхоза (главным образом домашнее выращивание скота для колхоза).

Конечно, механизаторы относились к категории работников сложного труда, но разница между ними и всей массой работников простого труда — членов колхоза состояла в том, что первые оплачивались по установленным, относительно высоким ставкам *независимо от итоговых результатов производства*, а колхозники, в отношении оплаты которых действовал *остаточный принцип*, оплачивались, как постановили СНК СССР и ЦК ВКП(б) 18 августа 1933 года, из «остатков хлеба»⁶¹ (а позже — из просто «излишков хлеба», каковым понятием были заменены одиозные «остатки хлеба»).

Более того, при оплате колхозного труда большевики проводили политику двойных стандартов. Так, зерно, выдававшееся колхозникам в оплату заработанных трудодней, оценивалось совсем по другим ценам, нежели те, по которым государство расплачивалось с колхозами за зерно, сданное ими в «закрома государства» в счет выполнения «твердых обязательств», «имеющих силу налога»⁶², а именно — по ценам, близким к розничным или не отличавшимся от них⁶³. И это объяснимо: ведь в противном случае натуральная часть трудодня, составлявшая до 1953 г. около 2/3 его общей величины, существовало «похудела» бы, в результате трудодень, выраженный в денежной форме, обозначался бы совершенно мизерной величиной.

И еще: о характере колхозного труда. Рабочее время работников колхоза регламентировалось законом, нарушение которого влекло за собой уголовное преследование. Так, за невыработку обязательного минимума трудодней было осуждено в 1946 году 191 тыс. колхозников, в 1947 г. — 137 тыс., в 1948 г. — 117 тыс., а в 1949 г. (три квартала) — 109 тыс.⁶⁴, т.е. более 550 тыс. колхозников за неполные четыре года. Именно в этом законе, помимо прочего, обнаруживал себя принудительный характер труда в колхозах.

2. Содержательные (социальные) характеристики коллективизированного крестьянского хозяйства

Итак, что же представлял собой колхоз, эта основная хозяйственная (производящая) единица коллективизированной деревни России в 30-х — начале 50-х годов? Вопрос тем более актуален потому, что модель коллективного хозяйства «по-советски», послужившая для властных групп ряда государств прообразом аграрных преобразований коллективистского типа (с учетом, однако, «национальной специфики») в период (как увидим ниже) и после Второй мировой войны, — явление, безусловно, уникальное в мировой истории XX столетия.

В области собственно механизма колхозного воспроизводства можно отследить, по меньшей мере, такие, органически взаимосвязанные, типологические черты, характеризующие колхоз советского образца как *целостный социально-экономический феномен*.

Во-первых — это доминирование *натуральных* потоков в воспроизводственном процессе по отношению к потокам денежным. Причем это касалось как возмещения потребленных «чужих» средств производства, производивших колхозный продукт (например, оплата долей сельскохозяйственного продукта, произведенного колхозами, амортизации, ремонта основных средств производства — «социалистического» аналога «основного капитала», принадлежащего государству в лице МТС, а также затрат на сырьевые ресурсы промышленного происхождения, использовавшиеся в колхозном производстве), так и формирования фонда заработной платы (личных доходов) колхозных работников и механизаторов МТС. Главным образом натурой отчуждался и прибавочный продукт колхоза (при этом внутреннее накопление, если оно имело место, формировалось фактически путем вычета из фонда заработной платы).

Колхозная экономика практически была *отсечена от рынка* (если сказать точнее — от возможного, потенциального рынка с его контингентами конкурирующих агентов, осуществляющих обмен), его заместила монополия кратократии, направившей по *своей воле* «игры обмена» (Ф. Бродель). Колхозам фактически разрешалась реализация за деньги лишь небольшой части распределенного продукта (в составе последнего — продукция, составлявшая «неделимые фонды», часть которой ради инвестиционных нужд могла быть продана за деньги государству — по закупочным, т.е. резко заниженным, ценам, и продукция, выплаченная в натуре работникам колхоза по трудодням, которая могла быть продана на условно свободном — колхозном — рынке; иногда такой «привилегии» удостаивалось и общественное хозяйство, но лишь применительно к скромной части «излишков» колхозного продукта, оставшегося после всех «обязательных» «внешних» изъятий и внутрихозяйственных отчуждений).

Во-вторых, в движение воспроизводственных потоков в коллективном хозяйстве вторгался специфический фактор распределения, навязанный колхозной экономике коммунистическим порядком: возмещение средств производства, принадлежавших колхозам и потреблявшихся в колхозном производстве, осуществлялось по *остаточному принципу*; неделимые фонды колхозов, т.е. их фонды накопления, также формировались по остаточному принципу — после полной «расплаты» хозяйств с институтами «внешнего мира» (погашение задолженности государству, «обязательные» поставки

колхозной продукции государству, натуроплата услуг МТС, выплата налогов и др.). По остаточному же принципу, занимавшему в иерархии степеней остаточного принципа, действовавшего в системе распределения колхозного продукта, самое последнее место, распределялся и «рабочий фонд» колхоза — фонд заработной платы работников колхоза, причитавшейся им за работу в общественном хозяйстве.

В-третьих, в противоположность целевым установкам экономической деятельности индивидуального крестьянского хозяйства основной целью коллективизированного хозяйства стало удовлетворение потребностей *коллективного потребления* (включая удовлетворение потребностей корпорации функционеров кратократии), в противовес индивидуальному потреблению — крестьянской (колхозной) семьи и в ущерб ему. Распределительный механизм в части, касавшейся потребленного в колхозном производстве живого труда, *никогда не был рассчитан на то, чтобы полностью возместить его затраты*, хотя труд коллективизированного работника на общественном поле поглощал подавляющую часть — около 3/4 в 1940 г. и столько же в 1950 г. — его рабочего времени, и тем более он не был рассчитан на то, чтобы обеспечить такому работнику наибольшую часть его личного дохода в денежной форме (см. табл. IV-3). О том, сколь безжалостна была Власть по отношению к коллективизированному труженнику земли, создававшему весьма весомую часть национального богатства страны, наглядно показывает то место, которое «остатки хлеба», выплачиваемые по трудодням, заняли в первые же годы «колхозного строительства» в «реестре» *нормативного* распределения урожаев зерна. На такие «остатки» приходилось лишь 6-8% объема валовых сборов зерновых (подробнее см. Приложение-4).

Действительно, в «двуярусной» колхозной системе прибавочный продукт, создававшийся трудом работника колхоза на общественном поле, имел тенденцию вобрать в себя весь фонд заработной платы (и уж, безусловно, охватывал подавляющую его часть), а, опять же в тенденции, основная тяжесть возмещения затраченного в общественном хозяйстве труда перекладывалась на личное подсобное хозяйство (ЛПХ) колхозника, которое по существу становилось главным источником жизненных средств последнего.

Вот один из знаковых фактов той эпохи, свидетельствующий о мощи этой тенденции. В Рязанской области в 1938 г., согласно выборочному обследованию 100 «колхозных хозяйств», совокупный доход семьи колхозника (натуральный и денежный), полученный за труд в общественном хозяйстве колхоза и в ЛПХ, распределялся следующим образом: общественное хозяйство обеспечивало 11,2% этого дохода, а личное подсобное хозяйство — 88,8%⁶⁵. Лишь

в 1963 г. доход колхозной семьи от работы в общественном хозяйстве в СССР достиг уровня дохода, получаемого ею от ЛПХ.

Возникла ситуация, при которой главной целью как колхозного коллектива в целом, так и каждого его члена в отдельности было просто выживание — за счет ЛПХ.

В-четвертых, особенностью натуральной системы производства при колхозном строе был жестко осуществлявшийся кратократией курс на *экономическую изоляцию* каждой колхозной производственной единицы, ее замкнутость на непосредственно осуществляющую функции обмена вертикаль власти, уничтожение на корню стихийно возникавших ростков обмена горизонтальных типов, обмена, принимавшего товарную форму, на подавление которого была обращена вся репрессивная мощь кратократии.

Ответственный милицейский чин докладывал тогдашнему министру госбезопасности СССР (20 февраля 1952 г.) о том, что была арестована «группа расхитителей и спекулянтов хлебом /.. / Преступники скупали у колхозников в Саратовской и Сталинградской областях пшеницу по 27–30 рублей за пуд, перерабатывали ее на муку, которую продавали в Пензе по 145 рублей за пуд. Всего ими было закуплено, переработано и продано более 13 тонн пшеницы»⁶⁶. Что еще удивительнее, отторгавшие удушающую хватку кратократии очаги коллективной экономической деятельности возникали и непосредственно в сфере сельскохозяйственного производства, например, в Челябинской области, где высланные в период ликвидации кулачества «как класса» «спецпереселенцы» организовали артель «Вперед», в которой «широко использовали наемную рабочую и механическую силу, привлекаемую на договорных началах, с широко разветвленной сетью коммерческой торговли. /.. / С целью уйти от зависимости от МТС и окончательно освободиться от контроля государства, руководящая группа колхоза ... ближайшей своей задачей ставила иметь собственные средства производства в виде электрического плуга»⁶⁷. Конечно, группа проводила «пропаганду» против колхозного строя: «Сейчас при советской власти /.. / крестьяне ничего не имеют, во всем ограничены, общественные земли поросли сорняком, качество обрабатываемой земли плохое. Сельхозинвентарь и машины не берегутся, а ломаются, а ломаются, так как колхозники не считают их своими собственными, а чужими колхозными /.. / Крестьяне не являются сами себе хозяевами, их заставляют насильно работать»⁶⁸. Наиболее любопытным здесь было то, что артель была «одной из передовых сельскохозяйственных артелей области и выполняла все виды поставок государству»⁶⁹.

Хозяйственная изолированность колхозных производственных единиц, как мы видели, достигалась посредством натурализации отношений по поводу отчуждения тех или иных долей их продукта для оплаты их многообразных «обязательств» (в том числе реально

выполненных для них работ, полученных ими услуг); путем искусственного торможения и прямого блокирования (методами политического принуждения) стихийно развивавшегося общественного разделения труда, затрагивавшего колхозную экономику; введением многообразных регламентаций, убивавших на корню возможности оптимальной специализации производства; проведением жесткой политики «погектарного» исчисления размеров отчуждаемого в пользу государства колхозного продукта *in natura*, что жестоко угнетало развитие производительных сил колхозной экономики, и др.

Весь этот отлаженный механизм работал во имя изъятия из колхозов *максимально возможного объема производившегося в них продукта*, притом — даже ценой нарушения воспроизводственного процесса, особенно в его подразделении, обеспечивавшем жизненные средства работников колхоза и их семей (а порой — и прямого разрушения производительных сил колхозной экономики).

Извечный вопрос, возникающий по ознакомлении с методами «колхозного строительства» по «социалистическому» образцу: почему кратократия столь яростно боролась на протяжении всего периода «раннего социализма», да и позднее, за консервацию в колхозах отношений натурального типа, за возмещение потребленных средств производства отчуждением части колхозного продукта в натуральной форме, за оплату труда работника натурой, за получение взвинченных сверх всякой рациональной меры многообразных «обязательных» поставок колхозного продукта также в натуральной форме, и, более того, за оплату натурой же налогов, которыми было обложено личное подсобное хозяйство колхозников и др.?

При кратократическом типе организации хозяйства аграрно-го сектора натуральная форма отношений (оплата натурой «внешних» обязательств, внутрихозяйственные отношения, оборот продукта и др.) имела ряд важных преимуществ перед денежной формой.

Во-первых, принуждение хозяйств рассчитываться с государством натурой (выполнять государственные поставки «из первых обмолотов», расплачиваться натурой с МТС и др.) позволяло кратократии осуществлять экспроприацию крестьянского (колхозного) продукта в масштабах, практически невозможных при денежных выплатах; последние, помимо прочего, предполагали неизбежную процедуру прохождения продукта через сферу рынка с его ценами, ориентированными на учет реальных издержек производства, в противоположность крайне заниженным заготовительным / закупочным государственным ценам, обслуживавшим механизмы неэквивалентного обмена в их предельных негативных (для коллективного

крестьянского хозяйства) проявлениях. Во-вторых, при абсолютной государственной монополии на подлежащую «обязательному» (принудительному) отчуждению долю крестьянского продукта просто не могло существовать индивидуальных (частных) экономических агентов, способных эту массу продукта осваивать (покупать и продавать), «пропуская» ее через рынок. Наконец, в-третьих, отчуждения крестьянского (колхозного) продукта *in natura* обеспечивали идеальные условия для его мобилизации в руках кратократии — немедленно и в определявшемся ею объеме, минуя «долгий» путь прохождения данного продукта через рынок с его изменяющейся конъюнктурой.

Захватывая по «обязательным» поставкам крестьянский урожай, большевики по сути дела в новых, послеколлективизационных, условиях продолжали осуществлять методы продразверстки, заимствованные ими из эпохи «военного коммунизма» рубежа 10–20-х годов, причем с гораздо более высокой эффективностью (например, доля урожая хлеба, изымавшаяся из крестьянского хозяйства в рамках политики государственных заготовок зерна, в начале 20-х годов была существенно меньше, чем в 30-х годах, когда мобилизационная экономика на базе колхозного строя уже вполне сложилась).

Не будем упускать из виду и социально-политический аспект проблемы, связанный с процессами консервации натуральных отношений в экономике колхозов. Горизонтальный тип экономических связей в колхозном воспроизводстве, в противоположность сложившемуся монополюльно-вертикальному («огосударвленному») типу, рационально мог основываться лишь на росте общественного разделения труда, опосредствуемого рыночными отношениями, — а это означало бы размывание *социальных основ господства кратократии*, т.е. конец «социализму», в том виде, в каком последняя исповедовала его на *практике*. Именно натуральный тип отношений, дополненный многообразными барьерами на пути роста общественного разделения труда, основывающегося на рыночных связях, адекватно соответствовал коренным (первородным) интересам кратократии — воспроизводству ею самой себя как *господствующего* элемента в созданной ею социальной системе.

А что же представляла собой экономически та масса продукта, которую колхоз отправлял за границы своей экономики — в виде «обязательных» поставок государству, выплат МТС за предположительно осуществленные работы в колхозе, другие изъятые из колхоза (в том числе без оплаты) доли продукта?

Из сказанного выше вытекает, что ни о каком добровольном отчуждении «огосударственных» масс колхозного продукта речи не идет, и уж совсем не приходится говорить о каком-либо *влиянии конкуренции на формирование его цены*. Оплачиваемые по предельно заниженным ставкам («обязательные» поставки государству) или в соответствии с искусственно установленными пропорциями натурального обмена («работа МТС — оплата ее натурой»), данные массы продукта представляли собой принудительно (насильственно) отчуждавшийся фонд колхозного продукта, который принимал товарную форму (в ее «социалистическом» варианте) в руках других, *неколхозных*, экономических агентов и на цену которого какое-либо влияние его производитель и первичный поставщик (колхоз) никакого воздействия не оказывал. (Напомним, что на условно свободном — колхозном — рынке непосредственно самим колхозом могла быть реализована лишь незначительная часть того незначительного колхозного «излишка», который оставался в общественном хозяйстве после завершения жесткой процедуры распределения валового колхозного продукта — по «законам», установленным кратократией.) Этот принудительно отчуждавшийся из колхозов продукт на стадии первичного распределения оценивался *безотносительно к действительным издержкам производства* (особенно в части, касавшейся оплаты живого труда), т.е. входил в процесс товарного обращения, не соотнобясь с действительными условиями воспроизводства в хозяйствах, данный продукт производивших.

В этом смысле сельскохозяйственный продукт, принудительно отчуждавшийся кратократией у непосредственных производителей в натуральной форме, представлял собой не товар в точном значении этого слова, а *псевдотовар*, т.е. материальную субстанцию, выполнявшую функцию связи (посредством обмена) между субъектами (агентами) общественного разделения труда, но корректировочным импульсам, исходившим от *bona fide* рынка, недоступную. Если использовать более жесткую формулу, предложенную А.А. Барсовым, этот тезис звучит так: «Фактически государственные заготовки многих сельскохозяйственных продуктов превратились (в СССР. — *Авт.*) в своеобразную форму натурального сельскохозяйственного налога, лишь внешне прикрытого товарно-денежной оболочкой»⁷⁰. Не рынок, а механизмы внеэкономического принуждения определяли подлинные пропорции обмена в такой экономике.

Колхозная система относилась к тому классу общественных институтов, *функциональная* роль которых в социальном процессе определяла существенно важные их *содержательные* характеристики. Действовавшее здесь правило известный российский

обществовед В.В. Крылов формулировал следующим образом: «Законом развития вещей в социальном процессе является приспособление их физической природы к их социальной функции. Константой и пределом развития является здесь именно функция вещи в социальном процессе, а “переменной” характеристикой, стремящейся к этому функциональному пределу, — физический (в рассматриваемом нами случае — постулируемый официально (властью) социальный. — *Авт.*) облик этой вещи»⁷¹.

Действительно, колхозная организация хозяйства, утвердившаяся на территории СССР (России), функционально представляла собой *универсальный* институт по отъему у производителя (колхозного коллектива) прибавочного продукта, институт, выполнявший свои распределительные функции *вне зависимости от природы политического режима, в рамках которого он существовал*; можно сказать и иначе: колхоз в его классическом виде был «голым» инструментом фазы распределения в воспроизводственном процессе, *безотносительно к его (колхоза) постулируемому властью социальному окрасу*.

Удивительная социальная метаморфоза, происшедшая с колхозами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на временно оккупированной фашистами части территории СССР, феномен такой универсальности блестяще выявляет. Как свидетельствуют авторы фундаментального труда по советской экономике периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.⁷², оккупационные власти отнюдь не стремились в те годы ликвидировать колхозы, они лишь стремились переориентировать их социальное обличье, сохранив при этом ту функцию, которую те выполняли в системе общественного воспроизводства при «социализме». В одном из документов оккупационных властей утверждалось: «Колхозная система как большевистская отменяется. Однако на земле бывших колхозов будет вестись крупное хозяйство. Ничего другого не может быть. Каждый крестьянин обязан работать на общем дворе»⁷³. В «инструкции» «Принципы ведения хозяйства на Востоке» кое-что говорилось и о функциональной роли такого «крупного хозяйства»: «Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии»⁷⁴. Авторы труда поясняют, как мобилизационная способность колхозов встраивалась в механизмы «нового порядка», устанавливавшегося немецким фашизмом в СССР (России): «Ограбление сельского хозяйства с первоначальным использованием в этих целях колхозной системы было первоочередной задачей захватчиков на оккупированных территориях»⁷⁵.

В феврале 1942 г. оккупанты издали разработанный Розенбергом закон «О новом аграрном порядке», по которому колхозы становились «общинными хозяйствами», последним «передавался сельскохозяйственный инвентарь и лошади, предусматривалась “совместная обработка земли”», при этом

«крестьянам категорически запрещалось проводить самовольные разделы земель»⁷⁶. Бросается в глаза разительное сходство в организации труда и методах изъятия продукта между «социалистическими» колхозами, с одной стороны, и учрежденными немцами «общинными хозяйствами», с другой. Последние так же, как и «социалистические» колхозы, принуждались производить обязательные поставки по крайне заниженным ценам (за 1 кг зерна выплачивалось 0,025 немецкой марки, а то время как 1 кг хлеба стоил на рынке 10 марок); при этом в них так же, как и в колхозах, утверждался принцип коллективной ответственности (круговой поруки) — «за выполнение поставок отвечала вся община»⁷⁷. Как видно, «социалистические» колхозы (СССР) с не вызывающей сомнения полнотой мимикрировали в эти годы в социальный институт, обслуживавший тоталитарно-капиталистический строй (Германия). И в самом деле, «крупные “общинные хозяйства” облегчали оккупантам осуществление конфискации, реквизиций и грабежа»⁷⁸. Вполне в духе времени авторы вышеназванного сочинения заключали: «Оккупационные власти в своей реакционной аграрной политике пытались опереться на коллективную форму хозяйства, выхолостив ее социалистическое содержание, заменив социалистические производственные отношения отношениями господства и подчинения»⁷⁹ (!). Или, если сказать другими словами: функция «вещи» (колхозной системы) полностью переменяла (временно) вектор содержательного (социального) развития последней!

И здесь мы подошли к самой сердцевине понятия «коллективное хозяйство» — что есть *собственность колхоза при кратократии?*

Вся практика «колхозного строительства» в 30-х – начале 50-х годов, как упоминалось выше, с полной очевидностью свидетельствовала об обнаженно *экспроприаторской* природе деятельности кратократии в колхозах. Эта деятельность порой достигала таких масштабов, что высшие органы государственной власти вынуждены были обуздывать неуемные аппетиты функционеров кратократии на местах, воздействуя на их «коммунистическое сознание» посредством принятия многочисленных «запретительных» постановлений.

Уже на ранних этапах колхозного строительства ВЦИК и Совет народных комиссаров СССР принимают специальное постановление (июнь 1932 г.) о соблюдении «революционной законности» — «О воспреещении произвольного распоряжения имуществом колхозов, их продукцией и денежными средствами»⁸⁰. В этом документе ВЦИК и СНК постановили: «Воспретить местным органам власти, а также всем другим государственным органам и общественным (в том числе кооперативным) организациям распоряжаться или производить изъятия имущества, принадлежащего колхозам, распоряжаться денежными средствами, рабочим скотом и продукцией колхозов, обязывать колхозы к выделению денежных и натуральных фондов на нужды, не предусмотренные уставом колхозов и специальными постановлениями правительства»⁸¹. Конечно,

практика такого рода «распоряжений» и присвоений отнюдь не прекратилась и в дальнейшем, все новые импульсы ей давала сложившаяся в деревне обстановка полного бесправия коллективизированного крестьянства. В сентябре 1946 г. по записке министра Госконтроля СССР А.З. Мехлиса от августа 1946 г. и как реакция на нескончаемый поток жалоб в «инстанции» СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, выпущенное за подписью И. Сталина и А. Жданова, в котором констатировали: «Установлены факты злоупотреблений, выражающихся в растаскивании колхозной собственности со стороны районных и других партийно-советских работников. Растаскивание колхозного имущества происходит в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов и т.п. Некоторые советско-партийные и земельные районные работники вместо того, чтобы строго охранять общественную собственность, как основу колхозного строя, грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждая правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую цену имущество, скот, продукты, принадлежащие колхозам»⁸².

В записке А.З. Мехлиса отмечается: «В ряде районов установили порядок, при котором всякого рода слеты и совещания сопровождаются банкетами и вечерами за счет средств колхоза»⁸³. Подробное описание одного из таких банкетов (в Михневском районе Московской области), на котором «присутствовали почти в полном составе РК ВКП(б), председатель РИКа (следует имя. — *Авт.*), от НКВД (следует имя. — *Авт.*), НКГБ (следует имя. — *Авт.*) и из милиции шесть человек», попало в анналы истории «социалистического строительства» в советской деревне: «Вечерний банкет был шикарней. На столах были заливные и жареные поросята, куры, начиненные рисом, тефтели, черная икра, колбасы различных ассортиментов, сыры, масло сливочное, баранина была во всех видах (шашлык, чахомбили [так в оригинале. — *Авт.*], запеченный целый баран), из сладостей были: торты шоколадные, ореховые, сливочные, шоколадные конфеты и т.д. Из фруктов: ананасы, груши, мандарины, яблоки и т.д. Из вин: шампанское, ликеры, коньяк особенный и прочее, а также пиво и папиросы». Один из доноров этого «шикарного банкета», председатель колхоза «Серп и молот», отметил: «Уполномоченный от района по приемке продуктов и денег от колхозов (следует имя. — *Авт.*) обязал все колхозы нашего сельского совета вносить деньги, продукты на исправление банкета. Наш колхоз внес одну тысячу рублей, т.е. дали (следует имя. — *Авт.*) наличными, который даже не дал расписки. Так как в колхозе денег больше не было для внесения на банкет, я вынужден был продать четыре пуда ржи из колхозного амбара в спешном порядке в Подольском районе»⁸⁴. И все это, напомним, происходит в голодном 1946 году!

Составители директивного Постановления от сентября 1946 г. не сдерживают своего гнева: «Некоторые ответственные работники, злоупотребляя своим положением, стали на путь произвола и беззакония в отношении колхозов и без всякого стыда стали залезать в имущество колхозов, как в свой

собственный карман»⁸⁵. Более того, как отмечается в Постановлении, «в практике имеет место безответственное отношение к расчетам с колхозами со стороны ряда государственных и других организаций, когда причитающиеся колхозам деньги за поставляемую и продаваемую колхозами продукцию или произведенные колхозами работы своевременно не выплачиваются, что расшатывает хозяйство колхозов»⁸⁶. («Расшатывали» бесцеремонно, с размахом, фактически с первых же дней возникновения колхозов. Народный комиссариат финансов СССР в своем циркуляре от октября 1930 г. выражает удивление на «сообщения с мест» о том, что «при расчетах с колхозами за сданный хлеб и другие продукты агентства, приписные кассы Госбанка удерживают все причитающиеся колхозам суммы (курсив наш. — *Авт.*), резервируя таковые для погашения возможной (!) задолженности колхозов хозяйственным организациям, банкам, райфо и пр.»⁸⁷.) Словом, обескровливание колхозов осуществлялось одновременно сразу на всех «этажах» структуры их воспроизводства.

Кратократический тип отношений пыльным цветом произрастал и на самом «низшем» уровне социально-экономической структуры деревни — внутри самих колхозов. Колхозная демократия низведена «до такого безобразия, что председатели колхозов назначаются и снимаются районными партийно-советскими организациями — без ведома колхозников»⁸⁸. В колхозах на дармовое «кормление» село обилие фиктивных управленцев, в результате «чрезмерное расширение штатов административного и управленческого персонала привело во многих колхозах к нехватке трудоспособных колхозников для работы в поле и на фермах, в то время как на обслуживающих должностях оказалось много людей, ничего не делающих и получающих оплату более высокую, чем на производственных работах. На ненужных и надуманных должностях в колхозах нередко укрываются рвачи и дармоеды, уклоняющиеся от производственной работы, проедающие накопления колхозов и живущие за счет труда тех колхозников, которые работают в поле или ухаживают за скотом»⁸⁹.

В адрес функционеров кратократии, творивших беспредел в колхозной деревне, последовал суровый начальственный окрик: «Работники советских, партийных и земельных органов и председатели колхозов, виновные в расхищении и незаконном распоряжении колхозным имуществом, общественной землей, денежными средствами, будут сниматься с постов и отдаваться под суд как нарушители закона и враги колхозного строя» (курсив наш. — *Авт.*)⁹⁰.

Не убоились! Неоплачиваемые отчуждения колхозной собственности продолжались и в последующие десятилетия. Например, «в 1981–1982 гг. безвозмездная передача основных средств колхозов в распоряжение государственных органов, различных организаций и предприятий составляла около миллиарда рублей»⁹¹. Что было эквивалентно 4,9% общей величины капитальных вложений, осуществленных государством и самими колхозами в активные элементы основных средств последних (тракторы, транспортные средства, сельскохозяйственные машины и оборудование) в те же годы⁹².

Аналогичные метаморфозы в общественной собственности претерпевали и другие страны, строившие «новое общество», называвшееся «социалистическим». Китайский вариант строительства социализма, например, в бытность утверждения его «высшей» формы в деревне — «коммуны» (конец 50-х — конец 70-х годов XX века.) вызвал в жизни социальные отношения, сродни господствовавшим в аграрном секторе России. Профессор Пекинского университета Дун Фужэн свидетельствовал: «... при такой форме собственности, как «слияние административно-управленческих органов с коммуной», коммуны превратились в низовой орган государства, поэтому зачастую возникают ситуации, когда вышестоящие органы политической власти *безвозмездно используют людские, материальные и финансовые ресурсы производственных бригад*. Таким образом, коллективная собственность уже *не является собственностью коллектива*» (выделено нами. — Авт.)⁹³.

Другой китайский ученый, Фэн Дэцай, вносит важное пояснение, касающееся типа управления таким «симбиозом»: «... фактически народные коммуны (НК) стали ступенью государственной власти, вышестоящие органы которой могут отдавать им приказы, а НК, будучи низовой организацией государственной власти, обязаны эти приказы выполнять; в свою очередь НК отдает приказы и распоряжения производственным бригадам (ПБ), чтобы те проводили в жизнь приказы, указания вышестоящих органов власти. В результате план производства и капитального строительства (крупные водохозяйственные объекты, шоссейные дороги и т.д.) прямо спускается НК как часть государственного плана /.../ Стала *постоянной практикой безвозмездного заимствования государственными органами власти рабочей силы, тяглового скота, финансовых средств НК и ПБ*». (Вспомним о трудгужловинностях в колхозах СССР в 30-х годах, безвозмездных изъятиях — «писаниях» — или бесцеремонных задержках выплаты финансовых средств, принадлежащих колхозам, через систему Госбанка СССР. См. выше). Но продолжим: «Руководители НК — это назначенные вышестоящими органами политической власти представители государственной власти ... Они получают зарплату от государства, на размер которой совершенно не влияют результаты хозяйственной деятельности НК, ... часто вообще не учитывают интересы коллективных хозяйств; некоторые даже (!) злоупотребляют своей властью, действуют исключительно приказным методом, бесцеремонно вмешиваются во все дела НК»⁹⁴. Вот уж поистине *de te fabula narratur!* («О тебе [китайский опыт] эта история [российский опыт] рассказывает»!)

Что касается российских реалий в сельской жизни, как видно, процесс отчуждения и присвоения кратократией крестьянского труда — живого и овеществленного — разделялся на два потока (два «рукава»). Кратократия в своих устремлениях наполнить «закрома государства» крестьянским (колхозным) продуктом детерминировалась действительными и/или мнимыми интересами общества, в этом смысле она выступала как Власть, осуществлявшая, если сказать словами К. Маркса, «*выполнение общих дел*» (курсив наш. — Авт.), вытекающих из природы всякого общества»⁹⁵. Но она же, будучи персонифицирована корпорацией своих функционеров, осуществляла и *частное присвоение* в интересах последних (или если сказать точнее — эти последние занимались частным присвоением именно как члены корпорации, персонифицировавшие кратократию как особую, единственно сущую систему власти в обществе). На поддержание (сохранение) «легитимизированных» пропорций в разделении присваиваемого кратократией крестьянского продукта, конечно, с учетом приоритетной значимости фактора «общих дел», и были направлены регламентирующие «установки» руководящих государственных органов, отчетливо осознававших в «минуты просветления», сколь разрушительными (для господства кратократии как целостности) являлись последствия *частно-захватнического* беспредела функционеров корпорации кратократии, подмявшей под себя колхозную экономику.

В контексте сказанного феномен всевластия кратократии нуждается в некоторых пояснениях. Что в российских (советских) условиях питало способность последней творить всеохватывающий, столь общественно циничный (вспомним: «остатки хлеба» — колхозникам, его производившим!), столь губительный экономически беспредел в жизни советского (российского) общества, в том числе — жизни деревенского общества как органической его части?

Как заключал упоминавшийся выше А.И. Фурсов, характеризуя кратократический тип власти, последняя есть не ограниченная никакими законами (даже если они существуют), самостоятельная сила, проводящая и утверждающая во всех сферах жизни общества принципы своего абсолютного права *utende et abutende* [употреблять и злоупотреблять]. «Эта власть вообще, как таковая... Такую власть следует назвать *кратократией* — *власть власти, власть насилия*... а общество — *кратократическим* (курсив наш. — Авт.)». И в этом своем качестве кратократия отрицает государство, функционально замещая его самой собою, и, что для нас в контексте данной главы особенно важно, она есть одновременно и *первичное отношение собственности*⁹⁶. При кратократии отчуждается не прибавочный

продукт, созданный трудом производителя, не прибыль — вся или ее часть, а *воля производителя как социального существа*; именно такая форма присвоения — абсолютного, всепоглощающего, проявляющегося как своего рода социальный аналог «черной дыры», позволяет кратократии определять в обществах советского типа по своей воле, на основе своего абсолютного права *utende et abutende*, весь характер распределения произведенного продукта, осуществлять отчуждение *любой* функционально особенной его фракции (в том числе накопленной его части, выступающей в виде материального имущества или, например, безвозмездных расходов на «шикарные банкеты» и т.п.), и, что в контексте данной работы особенно важно отметить, — *устанавливать границы личного дохода производителя, т.е. «экономить» на фонде его жизненных средств.*

Одним из детерминантных признаков кратократии советского типа была многофункциональная роль фактора коллективизма в социальной организации общества, роль, столь зловеще проявившаяся в аграрной сфере экономической деятельности в бывшем СССР.

Коллективизация означала не просто объединение экономических потенциалов мелких (индивидуальных) крестьянских хозяйств и, соответственно, открытие путей для развертывания крупного производства в земледелии. Она вызвала разрушительные изменения в деревенском социуме, суть которых, помимо прочего, заключалась в том, что с «социалистической реконструкцией» агро-сферы произошла массовая, охватившая почти все экономическое пространство последней, *десубъективация непосредственных производителей как самостоятельных экономических агентов советского (российского) общества.* Коллективизация, с одной стороны, привела к завершению процесса растворения личности в коллективе (начало этому процессу было положено еще «общинной революцией», «неистовствами “черного передела”» в аграрной России 20-х годов XX века⁹⁷), а с другой — создала институт (колхозная система), посредством которого и через который осуществлялось и закреплялось *отчуждение воли непосредственного производителя как социального существа*, утверждалось всевластие кратократии в деревенском социуме, в хозяйстве аграрного сектора.

В этой акции кратократия прибегала и к ресурсам юридического характера. Лишение огромной части советского (российского) народа — объединенных в колхозы крестьян и еще сохранившихся крестьян-единоличников — юридического символа их личностной идентификации явилось той мерой, посредством которой кратократия, используя государство, легитимизировала (на последующие три с половиной десятилетия) особенные результаты

коллективизации, выразившиеся в десубъективации самого массового — сельскохозяйственного — производителя российской (советской) экономики. Напомним, что в 1932 г. в СССР была введена «единая паспортная система», при этом паспорт объявлялся «единственным документом, удостоверяющим личность владельца»⁹⁸. На крестьян, оказавшихся в колхозах, и единоличников действие этой системы не распространялось. Они были как бы выведены «за скобки» сообщества всех других граждан СССР (России).

Конечно, при таком общественно-экономическом устройстве общества места для индивидуальной собственности (кроме ее урезанной формы, обеспечивавшей добывание собственным трудом той или иной фракции жизненных средств) просто не могло быть.

Эту мысль филигранно точно выразил известный французский ученый-социолог Эмиль Дюркгейм еще за несколько лет до того, как большевики возвестили о «рождении нового (коммунистического) мира»: «Действительно, коммунизм — необходимый продукт этой особой сплоченности, поглощающей индивида в группе, часть в целом. Собственность, в конце концов, это только распространение личности на вещи. Значит, там, где существует только коллективная личность, собственность также не может не быть коллективной. Она сможет стать индивидуальной только тогда, когда индивид, выделившись из массы, станет также *личным, отдельным существом*, не только в качестве организма, но и как *фактор социальной жизни* (курсив наш. — Авт.)»⁹⁹ (1911 г.). Представление об императиве личности в обществе рождалось и на российской почве. В первый же год «оттепели» писатель Федор Абрамов, великий знаток жизни русского села, запишет в своем дневнике: «Почему у нас не поднимают значение личности? Не ратуют за развитие индивидуальности? Пора об этом говорить серьезно. Хватит разговоров о коллективизме. Надо воспитывать у человека не только веру в коллектив, но и веру в личность» (1954 г.)¹⁰⁰.

Выше упоминалось об обнаженно экспроприаторском характере деятельности кратократии в колхозах. Между тем эта деятельность существенно отличалась от классических образцов первоначального накопления. В действительности кратократия не осуществляла до конца отчуждение условий труда коллективизированного производителя — колхоза (не в пример тем ее действиям, когда она за мгновение исторического времени — на рубеже 20–30-х годов сокрушила до конца, уничтожив «как класс» слой наиболее эффективно хозяйствовавших крестьян, объявленных ею «злейшими и т.д. врагами» колхозного «социализма»), а, напротив, стремилась сохранить (законсервировать) этого производителя в состоянии устойчивой «полуконсервации». (Отсюда — столь эмоциональное негодование иерархов кратократии — см. выше — по поводу выходивших за эту «последнюю черту» насилий, чинившихся «рядовыми»

функционерами кратократии на ниве частно-корпоративного присвоения.) В тенденции кратократия как общественный институт (а не как корпорация обслуживающих его функционеров) стремилась изымать из колхоза всю ту часть произведенного им чистого продукта (временами, впрочем, залезая и в фонд возмещения материальных издержек, например, экспроприруя семенной фонд!), которую она считала и, более того, легитимизировала (всякого рода «законными» установлениями норм «обязательных» отчуждений) в качестве «излишка»; склонный к разбуханию, последний ограничивался в своих размерах лишь величиной массы продукта, достаточной, чтобы обеспечить совокупному работнику, его создававшему, «физический минимум жизненных средств» (К. Маркс), в иные периоды эта масса не обеспечивала и такого минимума. (Вспомним «рукотворный» голод 1932–1933 годов! или катализированные «сверху» массовые голодовки первых послевоенных лет¹⁰¹.)

Более того, фактически с момента своего зарождения колхозная экономика функционировала как хозяйство, работавшее, помимо других целей, ради оплаты нескончаемых, накапливавшихся долгов: выплатить долги государству — своему единственному кредитору — она была не в состоянии.

О том, как воздействовала задолженность колхозов государству на экономический рост колхозной экономики в последние годы сталинского режима, подробно рассказывается в докладной записке руководства Смоленской области Председателю Совмина СССР Г.М. Маленкову (от 29 июня 1953 г.): «Ввиду незначительных денежных доходов большинство колхозов области вынуждено пользоваться государственными кредитами, но своевременно рассчитываться с государством не имеет возможности. /.../ Вследствие этого большинство колхозов области оказалось в тяжелом финансовом положении. В настоящее время в большинстве колхозов расчетные счета в госбанке закрыты, поступающие на счета колхозов денежные средства списываются в погашение платежей, просроченной задолженности по ссудам, недовносам в неделимые фонды и по другой задолженности. В связи с этим колхозы не могут производить неотложные расходы на строительство животноводческих и других производственных построек, на покупку скота и минеральных удобрений, а также другие расходы, связанные с хозяйственной деятельностью колхозов. Многие колхозы области на протяжении ряда лет мало выдают колхозникам на трудодни хлеба, денег и кормов для скота личного пользования. /.../ Обком КПСС и исполком областного Совета просят Вас, в порядке исклечения(!), решить вопросы о списании с колхозов области задолженности...»¹⁰².

Практика списания государством долгов с колхозов стала обыденной, она заполнила весь шестидесятилетний период «колхозного строительства» в СССР. Кредитные ресурсы, поступающие в

колхозы, тем самым превращались для должников в субсидии, частично компенсировавшие последним (должникам) непомерно большие расходы по погашению навязанных им кратократией «обязательств». Ж. Медведев уточняет: «Кредиты, выделяемые сельскому хозяйству, в действительности представляют собой скорее дотации на покрытие расходов и потерь, чем денежные средства для стимулирования производства»¹⁰³, т.е., если сказать другими словами, — к прогрессу экономического роста в аграрном секторе они касательства не имели.

Открыло перечень мер по списанию сельскохозяйственной задолженности постановление высших органов Власти о «снятии» с колхозов (и единоличных хозяйств) «недоимок по зернопоставкам» за 1933 г.; за ним последовало постановление о предоставлении трехлетней рассрочки по «взысканию с колхозов-должников натуральных ссуд» (семенных, продовольственных, зерновых), выданных им по 1934 г. включительно; это постановление было дополнено решением о списании с колхозов задолженности по сельскохозяйственным ссудам, предоставленным по 1932 г. включительно (Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 февраля и 29 декабря 1934 г.). А завершает этот перечень (для советского периода аграрной истории России) решение Съезда народных депутатов РСФСР о списании с сельскохозяйственных предприятий (колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия и др.) «задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам» в размере 23 млрд. рублей (декабрь 1990 г.)¹⁰⁴, что эквивалентно 23,2% сельскохозяйственной части ВВП РСФСР (России), произведенного в 1990 г.¹⁰⁵.

Все это означало, что в аграрном секторе СССР (в частности, России) в юридической оболочке «колхоза» сформировался экономический тип хозяйства, при котором, если использовать точное определение, данное К. Марксом, «фактически... средства производства перестали принадлежать производителю, но номинально они ему подчинены»¹⁰⁶. Именно на почве таких экономических и социальных деформаций хозяйства возросла категория собственности, которую К. Маркс метко охарактеризовал «призрачной собственностью»¹⁰⁷.

Категория «призрачная собственность» фиксирует фундаментальной важности явление — «раздвоение» отношений собственности, а именно — *разрыв (несовпадение) между ее юридической и экономической сторонами*¹⁰⁸. В том, что касается коллективного хозяйства советского образца, указанный разрыв выявляет следующую особенность его (хозяйства) социального бытия: *юридический титул собственности колхоза принадлежит производителю — коллективу работников, в нем (колхозе) объединенных, но реально, экономически она реализуется в пользу внеколхозного субъекта*

отношений собственности — способного принуждать путем применения внеэкономических методов¹⁰⁹. Каковым и была в аграрном секторе России в «эпоху социализма» *кратократия*.

Прямым результатом «раздвоения» «кооперативно-коллективной» (колхозной) собственности в России (СССР) явилась принявшая *устойчивый, постоянный характер экспроприация части фонда жизненных средств производителя, осуществлявшаяся кратократией* (напомним — ради как действительных и/или мнимых целей потребления всего общества, так и целей частного присвоения корпорации ее функционеров). При этом производитель выступал в качестве особого типа *зависимого* работника — лишенного «внешней» (а по ряду позиций жизненного бытия — и «внутренней») воли коллективного экономического агента, располагавшего, однако, «призрачной собственностью», детерминированной произволом кратократии. В обстановке российских реалий 30-х — начала 50-х годов ограничения «внешней» воли коллективного производителя были столь объемны, что нормой становилось фактически тотальное отчуждение у него естественных предпосылок его хозяйственной деятельности, именно — свободы в принятии решений, касающихся производства, распределения, обмена (и даже потребления) его продукта, т.е. всего комплекса процессов, образующих целостный поток воспроизводства в его хозяйстве, воспроизводства его самого как личности; такой коллективный производитель по сути дела превращался в *экономического агента — простого «посредника» — «исполнителя»*, следующего в своей хозяйственной деятельности велениям чуждой экономической рациональности, противостоящей ему чуждой воли — кратократии. Из сказанного, между прочим, следует, что процесс становления собственника, т.е. *bona fide* субъекта рыночных отношений, есть *процесс ограничения Власти до степени, при которой «чуждая» (для Власти), т.е. частная, собственность не может быть разрушена, а, напротив, экономически полноценно реализуется*, т.е. обеспечивает собственнику доход в соответствии с правовыми нормами, устанавливаемыми самим обществом.

DIXI

Приложение-4

Нормативное распределение урожая зерновых в коллективизированном крестьянском хозяйстве СССР, 1930 – 1937 гг.*
(реконструкция по документам)

Приоритет (место)	Показатель	Год издания документа и/или фактической реализации	Размер доли, %	
1	Платежи государству: обязательные поставки зерна	1928 — 1932	30,9 ¹	
		1933 — 1937	32,4 ¹	
	платежи натурой МТС ²	1933	24,0 ³	
		единый сельскохозяйственный налог ⁴	1930	2,0
2	Возмещение традиционных средств производства в хозяйстве: семенной фонд	1933	10,0	
		страховой семенной фонд	1933	2,0
		фонд фуражного зерна ⁵	1933	10,0
2	Прочие формы коллективного использования продукта: внутри хозяйства: а) <i>внутрихозяйственное накопление</i> ⁶ б) <i>внутрихозяйственное коллективное потребление</i> ⁷	1930	5,1	
		1930	2,5	
		3	вне хозяйства: а) <i>отчисления продукта в фонд рентных платежей за переданную в колхоз крестьянскую собственность</i> б) <i>отчисления натурой в фонд заработной платы работников сельской инфраструктуры</i> ⁸	1930
1933	0,7			
4	Натуральный фонд заработной платы: «остатки хлеба», предназначенные для выплат по грудодням	1928 — 1932	7,8 ¹	
		1933 — 1937	6,3 ¹	

* Составлено и подсчитано по: Колхозно-кооперативное законодательство. Сборник директивных, законодательных и ведомственных

постановлений. М.: «Советское законодательство», 1931. С. 83, 84, 91, 128, 135, 177, 351; Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931—1934 гг. 2-ое издание. М.: «Советское законодательство», 1934. С. 72, 73, 99, 103 — 107, 113, 119; Сталин И.В. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б), в: XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 19 (использован для расчетов показателя урожайности зерновых в 1929 — 1933 гг.); Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР, 1960. С. 196 (показатель урожайности зерновых в 1933 — 1937 гг.); Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М. — Л., 1932. С. XXXIX (показатель урожайности зерновых в 1928 г.)

¹ Это — расчетная величина. Нормы отчислений по обязательным поставкам, установленные на 1933 г., соотношены со средней урожайностью зерновых в первой и второй пятилетках (1928—1932 гг. и 1933—1937 гг.). При этом использованный для расчетов показатель нормы отчислений был оценен на основе норм, установленных (кстати, задолго до начала весенней пахоты) для регионов, специализирующихся на производстве зерна. Напомню, что в соответствии с «Разъяснениями Наркомзема СССР», утвержденными ЦИК и СНК СССР в 1930 г., в развитие норм «Примерного устава сельскохозяйственной артели» от 1930 г., последняя была обязана «сдавать (продавать)» государственным заготовительным органам «в районах преимущественно зернового хозяйства» от одной четверти до одной трети валового сбора зерна, «исходя из расчетов среднего урожая» (см.: Колхозно-кооперативное законодательство. С.83). Относительные величины обязательных поставок рассчитаны применительно к колхозам, обслуживаемым МТС (см. прим. 2).

² Данные платежи, кроме ренты, включали предполагаемую сумму затрат на амортизацию современных технических средств труда, принадлежавших в то время исключительно государству в лице МТС, фонд возмещения расходов на их ремонт, затраты на горючее, а также на покрытие заработной платы части «чужого» для хозяйства управленческого персонала. Оплата же всех операторов, работавших на этой технике, осуществлялась дополнительно — пользователем техники (колхозом) по трудодням. Велика ли была площадь, обрабатываемая с помощью техники МТС? Согласно данным ЦСУ, в 1932 г. тракторными плугами и тракторными сеялками осуществлялась обработка соответственно 19 и 20% посевов яровых культур (в 1940 г. — 62 и 56%). Тракторными и самоходными машинами убиралось 4% площади под зерновыми культурами (в 1940 г. — 42%) (см.: СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958. С. 181). По более ранним сведениям того же ведомства (его данные, очевидно, существенно завышены — нужно учесть год их обнародования), в 1933 г. МТС «обслуживали» 58,7% посевной площади колхозов, а в 1937 г. — 91,5% (!) (см.: 20 лет советской власти. Статистический сборник. М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 48). Следует отметить, что размеры «обязательных поставок» зерна государству в не обслуживаемых МТС колхозах были по зернопроизводящим районам на 15–28% выше, чем в обслуживаемых (Основные директивы

партии и правительства. С. 103). Тем самым кратократия уравнивала обе категории колхозов в размерах «обязательных» (принудительных) «взносов» в пользу государства из продукта коллективизированного крестьянства.

³ Напомню, что М.И. Калинин в докладе на XVI Конференции ВКП(б) приводил сведения о более высоких нормах платежей колхозов МТС, именно — 25% валовых сборов с яровых посевов зерновых и 30% — с озимых (см.: XVI Конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М. — Л., 1929. С. 140). В Примерном договоре от 1930 г. между МТС и колхозами последним было вменено в обязанность отдавать «в оплату... расходов» МТС 25% валового урожая зерна (Колхозно-кооперативное строительство. С. 91).

⁴ Такой налог вносился из валового дохода колхоза. В таблице приведен показатель доли зернового эквивалента данного налога, взимавшегося деньгами. В отношении индивидуального крестьянского хозяйства продолжали действовать прежние ставки налога.

⁵ Данный «обязательный фонд» был предназначен только для общественного животноводства. К сожалению, в источниках, которыми автор располагает, кроме требования образования фуражного фонда «в размере годовой потребности общественного скота», содержится лишь одно упоминание о величине его долевого отчисления — 10% валового урожая (обмолота) зерна (15% — для «передовых колхозов»), но в эту долю включены и авансовые выдачи на оплату труда (см.: Основные директивы партии и правительства. С. 99, 119).

⁶ Это накопление было представлено различными «неделимыми фондами». По Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1930 г. такие фонды могли вбирать от 10 до 30% «дохода артели» (то есть до примерно 15 — 17% стоимости валового сбора зерна) (см.: Колхозно-кооперативное строительство. С. 82).

⁷ Взносы в «общественные фонды» предполагали покрытие расходов на содержание нетрудоспособных, общественное питание, содержание детских яслей (когда они создавались), на культурные нужды и др. По Примерному уставу 1930 г. колхоз мог отчислять в эти фонды (по решениям компетентной внедеревенской власти) до 15% «дохода артели» (то есть примерно 7,5 — 8,4% стоимости валового сбора зерна) (см. там же).

⁸ Данные отчисления из валового урожая (обмолота) зерна, которыми распоряжались местные власти, предназначались «для снабжения хлебом по твердым государственным ценам сельских учителей, агрономов и медработников» (см.: Основные директивы партии и правительства. С. 105).

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ О «больших (кондратьевских) циклах» в XX веке подробнее см.: *Растяников В.Г., Дерюгина И.В.* «Большие циклы» в агросфере. XX век. М.: ИВ РАН, 1997; *Они же.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: ИВ РАН, 1999. Гл. 3, 4, 5; *Они же.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004. Гл. V, VI.

² Попутно отметим: как и в других странах, в России главным генератором общестрановых и региональных данных по урожайности сельскохозяйственных культур выступало государственное статистическое ведомство (и его региональные филиалы), неоднократно менявшее со времени создания (начало 80-х годов XIX века) свое название и подчиненность в структуре управления.

³ Хотя объектом анализа в книге является урожайность зерновых культур, в работе приводятся также сведения об урожайности одной из распространенных технических культур — хлопчатнике, предназначение данных по которой — сопоставление перипетий межстрановой исторической динамики урожайности обеих категорий сельскохозяйственных культур.

⁴ Достойн специального упоминания факт: из многочисленных и многообразных проблем мирового развития в начале XXI века на пике перечня таких, «горящих» и неотложных, рассмотренных на саммите «Большой восьмерки» 2008 года, оказалась именно проблема *мировой продовольственной безопасности* (см., в частности: *Газета.* 10.07.2008; www.pravda.ru 08.07.2008).

⁵ Например, согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА), биотопливо ныне приводит в движение примерно 1% дорожного транспорта мира (цит. по: *Holiday.* Dhaka. 02.11.2007), но удельный вес органического сырья, расходуемого на изготовление биотоплива, — существенно больше. Так, по сведениям Президента Earth Policy Institute (США) Л.Брауна, «около 10% мирового урожая сахарного тростника ныне (т.е. в середине первого десятилетия XXI века. — *Авт.*) перегоняют в этанол, при этом цены на сахар уже выросли в два раза» (там же).

⁶ Действительно, по данным МЭА, только за период 2000–2005 гг. производство биотоплива в мире удвоилось. Возникают все более амбициозные топливные проекты. Как свидетельствует доклад Ж.Зиглера, озвученный на сессии ООН в октябре 2007 г., в 2020 г. уже до 10% всего объема топлива, потребляемого автотранспортом в странах Евросоюза, будет замещено «аграрным топливом». Министр энергетики Великобритании М.Уикс в своих ожиданиях «топливного чуда» идет еще дальше. Он предполагает устроить *вторую* «зеленую революцию», с помощью которой можно было бы повысить к 2020 году

потребление энергии из возобновляемых ее источников с нынешних 5% до 15% (цит. по: *Holiday.* 02.11.2007; *Газета.* 23.06.2008).

⁷ Цит. по: *Газета.* 26.11.2008.

⁸ Так, Россия, по данным Госкомстата/Росстата, импортировала в 1995 г. 24,8% всего объема потребленных внутри страны мяса и мясопродуктов, в 2005 г. этот показатель достигал уже 35,0%. Та же тенденция сложилась в национальном потреблении молока и молочных продуктов: показатель по указанным годам составлял 13,3% и 16,8%. Впечатляет также стремительность, с какой растут средние отраслевые цены, реализуемые российскими производителями сельскохозяйственного сырья (добавим — и еще больше торговыми посредниками). За период 2000–2007 гг. эти цены увеличились в 2–3 (!) раза, при этом наибольшая часть их прироста приходилась в основном на 2004–2007 гг., завершающие годы первого «ценового бума» XXI века на мировом рынке нефти. Ниже мы приводим данные об изменении индекса цен сельскохозяйственных производителей России в первом десятилетии XXI века (цит. по: Россия в цифрах 2007. Официальное издание, в: www.gks.ru):

Отрасль	2000 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
<i>Растениеводство</i>					
<i>Зерновые: пшеница</i>	100	149	115	140	214
<i>Масличные: подсолнечник</i>	100	209	197	172	324
<i>Животноводство</i>					
<i>Крупный рогатый скот (в живом весе)</i>	100	182	240	277	295
<i>Молоко</i>	100	160	184	199	231

⁹ В самом деле, если на исходе XX века зерновой экспорт России составлял 1,6% (1999 г.) — 3,9% (1995 г.) общего объема производства зерна, то уже в начале XXI века он повысился до 11,6% (2003 г.) — 12,2% (2002 г.); в середине же первого десятилетия XXI века российский зерновой экспорт составлял 7,5% в 2004 г., 15,7% в 2005 г., 14,2% в 2006 г., т.е. поднялся до значений, совпадающих со значениями удельного веса экспорта зерна в начале XX века (14–16%). (См.: Основные показатели агропромышленного комплекса Российской Федерации в 1999 году. М.: Госкомстат России, [2000]. С. 34, 43; Агропромышленный комплекс в странах СНГ. Статистический сборник. М., 2004. С. 101, 178; Российский статистический

ежегодник 2007. Росстат. М., 2007. С. 457, 759.) Чистый экспорт зерна (экспорт минус импорт) из России был меньше: он составлял в общем объеме производства зерновых, например, в 2004–2006 гг., 9,6%, против 12,5%, доли, приходившейся на весь зерновой экспорт (страна ввозила преимущественно пищевое зерно).

¹⁰ Изложено по материалам выступления Премьер-министра РФ В.В. Путина в Эссентуках на совещании по развитию АПК. (Цит. по: *Твой день*. №508. 20 мая 2008 г.; *Газета*. 20.05.2008.)

Глава I

¹ Вот, например, как оценивал работу статистических служб в сельском хозяйстве Советской России орган Совета труда и обороны Республики, «Экономическая жизнь», в начале 20-х годов XX века: «Распыленная масса миллионов хозяйств является совершенно неудовлетворительным источником для статистического познания. Наш статистический аппарат еще далек от овладения всеми необходимыми средствами для преодоления крестьянской малокультурности (?) и тенденции к сокрытию размеров результатов своего хозяйства (sic!). Наконец, сама публикация результатов статистического наблюдения Ц.С.У. в высшей степени (!) далека от совершенства» (см.: Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин: «Progress», 1922. С. 10).

² Так, в Японии трудности учета производства риса на ранних этапах развития статистики (в 70-х годах XIX в. — 20-х годах XX в.) объяснялись тем, что, как свидетельствовал американский исследователь, богатые землевладельцы и крестьяне с целью избежать земельное налогообложение всеми силами стремились преуменьшить учетные размеры обрабатываемой площади и тем самым объемы производства сельскохозяйственной продукции; но «со временем степень таких преуменьшений снизилась» (см.: *Nakamura J.I. Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873 — 1922*. Princeton, 1966. С. 6). Впрочем, сам по себе этот фактор мало влиял на определение величины урожайности. Или вот пример из дореволюционной российской действительности: как отмечал эксперт по хлопкопроизводящему хозяйству Туркестана, Кокандский биржевой комитет, осуществлявший, помимо прочего, сбор собственных статистических сведений о производстве хлопка, «отличался чрезмерным оптимизмом там, где это было в его интересах, и, наоборот, когда были угрозы и поползновения на прибыль, например, при проектах обложения хлопка, то его цифры заметно теряли свое значение, резко падая» (см.: *Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана*. М., 1922. С. 2).

³ Об этом понятии см. прим.5 Главы IV.

⁴ Один из маленьких примеров: при множестве имеющихся статистических оценок урожайности зерновых в самый высокоурожайный год

второго десятилетия XX в. — 1913 г. — канонизирована была советской статистикой самая низкая оценка — 8,2 ц/га (подробнее см. ниже), использовавшаяся в экономической науке как одна из вех, от которых начинался отсчет успехов «социалистического строительства» в аграрном секторе СССР.

⁵ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991; *Юферов В.И.* Справочная книжка по хлопководству в СССР. М.: ЦСУ СССР, 1925; *Он же.* Хлопководство в Туркестане. Л., 1925; *Nakamura J.I.* Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873 — 1922; *Technological Possibilities of Agricultural Development in India*. A Note by *W. Burns*. Lahore, 1944.

⁶ *Nakamura J.I.* Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873–1922. С. 228–230.

⁷ См., например: *FAO Production Yearbook*. Vol. 50. 1996. Rome, 1997. С. 71.

⁸ *Sivasubramonian S.* Estimates of Gross Value of Output of Agriculture for Undivided India, 1900/01 to 1946/47, in: *Papers on National Income and Allied Topics*. Ed. by *V.K.R.V. Rao et al.* Bombay: Asia Publishing House, 1960. Vol. I. С. 245, Table 3,4.

⁹ *Technological Possibilities of Agricultural Development in India*. A Note by *W. Burns*. С. i, Statement 1.

¹⁰ *Report on the Marketing of Wheat in the Punjab*. Lahore, 1939. С. 16; *Chadha R.S.* Indian Agricultural Statistics — A Critical Review, in: *Agricultural Situation in India* (ASI). Annual Number. Vol. 15, 1960, No.5. С. 534–537; *Joshi Sh.* Survey for Estimation of Crop Production, in: ASI. Annual Number. Vol.21, 1966. No.5. С. 313–317; ASI. Vol.35, 1980, No.9. С. 737,745.

¹¹ См., например: *The 70th Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries 1993–94*. Japan. Tokyo, 1995. С. 101–103.

¹² *Daroga Singh and Khosla R.K.* Post-harvest Foodgrains Losses in India: A Review, in: *Agricultural Situation in India*. Vol.33, 1978, No.8. С. 499; *Marketable Surplus and Post-harvest Losses of Wheat in India*. Ministry of Agriculture, Govt. of India. Delhi, 1986. С. 44. Согласно оценке, разработанной Министерством сельского хозяйства, в 80-х — первой половине 90-х годов на семенной фонд, корма и потери в Индии ежегодно расходовалось 12,5% общего объема урожая зерновых, исчисленного в параметрах «стандартной урожайности» (см. ежегодные выпуски обзоров [Indian] Economic Survey, публикуемые Министерством финансов Индии). На потери (без учета потерь при хранении?) приходилось примерно пятая часть этой совокупной доли (то есть 2,5% валовых сборов зерна).

¹³ *Samajpati J.N. et al.* Paddy Post-harvest Technology in Bangladesh, in: *Agricultural Mechanization in Asia, Africa and Latin America*. Tokyo, 1981. Vol. XII, No.1. С. 42.

¹⁴ *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 434.

¹⁵ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 89,90,121,124,125,126.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. С. 148; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник, 1924. С. 80–81.

¹⁷ История советского крестьянства. М., 1987. Т.2. С. 257 [*Зеленин И.Е.*]. С.355 [*Вылцан М.А.*], Т.3. С. 80 [*Вылцан М.А.*]; *Hedlund, Stefan.* Crisis in Soviet Agriculture. N.Y., 1984. С. 57–58; *Medvedev, Zhores.* Soviet Agriculture. N.Y., 1987. С. 121,140,141, 158,431.

¹⁸ Цит. по: *Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг., в: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965. М.: МГУ, 1970. С. 466.

¹⁹ См. там же, прим. 10.

²⁰ *Вылцан М.А.* Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг., в: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965. С. 477.

²¹ Подробнее см. там же. С. 481 и др.

²² *Hedlund S.* Crisis in Soviet Agriculture. N.Y., 1984. С. 57–58; История советского крестьянства. Т.2. С.355 [*Вылцан М.А.*]; *Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. С. 471.

²³ См.: *Вылцан М.А.* Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. С. 480.

²⁴ История советского крестьянства. Т.2. С. 257 [*Зеленин И.Е.*]; *Hedlund S.* Crisis in Soviet Agriculture. С. 67.

²⁵ Цит. по: *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. М.: «Наука», 2006. С. 48; см. также справочник: Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.-Л., 1932. С. XXXIX.

²⁶ Народное хозяйство СССР. 1932. С. 131,164.

²⁷ См., например: История советского крестьянства. Т.2. С. 257 [*Зеленин И.Е.*]; *Medvedev Zh.* Soviet Agriculture. С. 140–141.

²⁸ *Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. С. 467.

²⁹ Подробнее см. там же. С. 469; *Вылцан М.А.* Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. С. 481.

³⁰ Данные по периоду 1933–1938 гг. см. в указ. исследованиях *И.Е. Зеленина* (С. 471) и *М.А. Вылцана* (с. 480, 481). Показатель за 1940 г. выделен в кн.: История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988. С.39.

Значения амбарной урожайности за 1933–1938 гг. исчислены М.А. Вылцаном на базе первичных статистических материалов (в том числе годовых отчетов колхозов). При этом показатель за 1936 г. — крайне низкий по своей абсолютной величине — вообще никогда не был официально обнародован (М.А. Вылцан сделал это впервые).

³¹ *Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1952. С. 48.

³² Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С. 196.

³³ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 13,14; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 134.

³⁴ См.: Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001. С. 408.

³⁵ История советского крестьянства. Т.2. С.350,435,436.

³⁶ Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.-Л., 1939. С. 185–186.

³⁷ См.: *Растяжников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агро-сфере: аномалии XX века. М.: ИВ РАН, 1996. С. 118,119,129–132.

³⁸ См., например: *Сафаров Р.* Светлый образ, в: *Экономика и статистика.* Ташкент, 1993, № 11–12. С. 61.

Глава II

¹ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М.: «Наука», 1974. С. 169, 270 (исчислено автором по «Своду урожайных сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.», изданному в 1902 г.).

² См.: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. (Материалы Центрального Статистического Комитета по урожаям на наделных землях.) М.: ЦСУ СССР, 1928 (в дальнейшем «Свод урожайных сведений»).

³ С 1883 г. по 1915 г. ЦСК проводил оценки в двух системах мер (объемных: «четверть—сам-столько» и весовых: «пуд—десятина»). Любопытно были попытки властей предержавных побуждать крестьян переходить на новую форму учета урожаяев, измеряя свою площадь в *десятинах* (т.е. в мерах площади), а не в привычных им *четвертях* (мерах объема). В тех же местностях, где крестьяне не имели «ясного представления о подесятинных мерах площади», статистический работник должен был сам выяснять густоту высева (подробнее см.: *Вихляев П.А.* Краткий курс текущей статистики. М., 1920. С. 27).

⁴ См.: *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем, в кн.: *Он же.*

Избранные труды в двух книгах. Книга I. Советская экономика: 20-е годы. М.: «Наука», 2000. С. 286.

⁵ На рисунке II-1 также хорошо виден перелом в темпе прироста урожайности с конца 60-х годов XIX в., этот перелом многими российскими историками связывается с отменой крепостного права и развертыванием хозяйственной инициативы у определенных групп крестьян — бывших крепостных.

⁶ См.: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. С. 38–41. См. также: *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 39–62.

⁷ См.: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. С. 15–49, 94–96.

⁸ *Фортунатос А.* Урожай ржи в Европейской России, в: Известия Петровской сельскохозяйственной академии. Год XV, вып. III [М., 1892].

⁹ *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России. С. 283.

¹⁰ *Вихляев П.А.* Краткий курс текущей статистики. М., 1920. §§ 9,20.

¹¹ *Михайловский В.Г.* Тезисы доклада «Урожай в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ.* 1921, №50. С. 4, табл. 1.

¹² *Семенов М.И.* К вопросу о закономерности колебаний урожая, в: *Вестник статистики.* 1922. Кн. XI, № 5–8. С. 57–96.

¹³ Этот ряд был использован *Вайнштейном* для исчисления трендовых значений урожайности (в *сам-столько*) за эти 115 лет (см.: *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России. С. 285–289).

¹⁴ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. С. 225, 267.

¹⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: «Наука», 1957. С. 335–353, 444–453.

¹⁶ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: «Наука», 1985. С. 44.

¹⁷ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991. С. 89.

¹⁸ Трудности с определением весового наполнения четверти как по отдельным зерновым культурам, так и — тем более — по «корзинам» таких культур применительно к большей части XIX и более ранним столетиям испытывали и испытывают практически все ученые, занимающиеся вопросами производства сельскохозяйственного продукта. Об этом свидетельствует обширная научная литература, опубликованная к настоящему времени. Типичной можно считать оценку, сделанную по этому поводу Б.Н. Мироновым: «Изменение хлебных мер в XVIII–XIX вв. до сих пор (т.е. к 1985 г. — *Авт.*) изучено слабо. // В течение 1701–1914 гг. объем четверти (куля и т.д.) не изменялся, но ее

средний вес увеличивался за счет улучшения качества зерна. Величина этого улучшения, к сожалению, неизвестна, поскольку исследования веса четверти хлеба стали проводиться Центральным статистическим комитетом только с 1881 г. // Ввиду отсутствия данных изменение веса четверти хлеба в период с 1701 г. до 1881 г. учесть не удалось» (*Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия. С. 41).

¹⁹ Интенсивность преобразований технологической базы сельского хозяйства России во второй выделенный период, прерванный войной, подробно охарактеризована *Вайнштейном* (см. *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России. С. 300–312).

²⁰ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 124–137.

²¹ Подсчитано по: *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. С. 444–453; по рассматриваемым губерниям использованы также данные таблицы Приложения-2.

²² До 1883 г. показатели по Северокавказскому району не принимались в расчет, так как его интенсивное освоение, как отмечалось, началось в конце XIX в. (особенно бурно — с 90-х годов).

²³ См.: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.: «Наука», 1978. Под «переломом» автор имел в виду совокупность социально-экономических и политических процессов, относящихся к «раннему периоду» «перехода от феодальной формации к капиталистической», «начальный этап» развития последней (см. там же. С. 3, 4)

²⁴ В опубликованной нами ранее работе (Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999. С. 300–301, 314–315) при расчете урожайности в России за период 1851–1895 гг. мы использовали показатель стандартного, т.е. неизменяемого *веса сама*, поэтому полученные нами данные урожайности были неточными. Необходима была корректировка путем использования значения исторически изменявшегося *веса сама*, что и было заложено в указанную формулу.

²⁵ Рассчитано по: *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 434.

²⁶ Российский статистический ежегодник 1999. М., 1999. С. 351.

Глава III

¹ См.: *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры, в: *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. С. 24.

² Тренд — это сглаженное (усредненное) изменение показателей во времени или пространстве и установление на этой основе долгосрочных тенденций экономического роста — подъема, спада, стагнации. Трендовые значения

— это расчетные значения, соответствующие сглаженному (временному) ряду статистических показателей.

³ В этом вопросе Н.Д. Кондратьев учел выводы известного русского статистика В.Г. Михайловского, установившего 8-летнюю периодичность в долговременной колебательной динамике урожаев в России, в пределах таких периодов урожайные годы чередовались с неурожайными по определенному алгоритму (см.: Тезисы доклада В.Г. Михайловского «Урожай в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ РСФСР*. 1921, № 50. С. 2, 4). Именно данные «короткие» циклы Н.Д. Кондратьев исключил из своего анализа путем сглаживания результатов расчетов по скользящей средней за 9-летний период. (Подробнее об исследованиях В.Г. Михайловского см.: Семенов М. К вопросу о закономерности колебаний урожаев, в: *Вестник статистики*. 1922. Кн. XI. С. 57–96; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: «Наука», 1974. С. 31–34; Вайнштейн Альб. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем, в: *Он же*. Избранные труды в двух книгах. Книга I. Советская экономика: 20-е годы. М.: «Наука», 2000. С. 284.)

⁴ *Растяжников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004. С. 456–457.

⁵ Трендовый уровень урожайности — это расчетные значения урожайности, соответствующие сглаженному (с помощью метода наименьших квадратов) ряду статистических показателей урожайности. Расчет трендового уровня урожайности осуществлялся на основании уравнений тренда, представленных в табл. III-1.

⁶ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. М.: «Наука», 1978. С. 7–10; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 96, 98, 104, 194. Данные приведены на середину XIX в.

⁷ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Книга третья. М.: Мысль, 1993. Лекция 72. С. 163–167.

⁸ *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: «Наука», 1981. С. 56–57.

⁹ Цит. по: *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. С. 98–99; см. также табл. III-2.

¹⁰ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 137.

¹¹ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 61.

¹² Другое название подсечной системы, бытовавшей на Севере России, — «лядинная». В описываемый период при увеличивающемся спросе на товарное зерно зоны «лядинной» системы (как наименее эффективной) стали

сужаться в пользу трехполья; см.: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861 – 1880 гг. С. 147–154.

¹³ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Книга третья. Лекция 86. С. 462–467.

¹⁴ *Захаров В.Н., Сорокин А.К.* Развитие предпринимательства в XVIII – начале XIX вв., в: *Предпринимательство и предприниматели России. От истока до начала XX в.* М.: РОССПЭН, 1997. С. 32–33. По оценкам Эдмона Тери, к середине XVIII в. количество барщинных дней составляло 3 дня в неделю с крестьянского двора; см.: *Он же*. Экономическое преобразование России. М.: РОССПЭН, 2008. С. 17.

¹⁵ Подробнее см.: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 112–115.

¹⁶ Н.М. Дружинин пишет, что в середине XIX в. «доходы от земли не могли обеспечить ... исправной уплаты повинностей, а иногда не могли удовлетворить даже элементарной потребности в пропитании» (цит. по: *Он же*. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. С. 132). Вместе с тем Б.Н. Миронов отмечает рост денежных доходов у части крестьян в период от конца XVIII в. до середины XIX в., так как цены на зерно в этот период росли более быстрыми темпами, чем крестьянские повинности; это, по мнению автора, привело к существенному увеличению платежеспособного спроса у зажиточной прослойки крестьянства (См.: *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России. С. 114–115).

¹⁷ Подробнее см.: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 98.

¹⁸ Так, средний показатель урожайности по России в 1841–1850 гг. составлял 5,3 ц/га, по губерниям же были зафиксированы следующие показатели: Ярославская – 5,4 ц/га, Калужская – 5,4 ц/га, Владимирская – 4,6 ц/га, Рязанская – 5,8 ц/га, Орловская – 5,6 ц/га, Воронежская – 4,0 ц/га, Оренбургская – 3,8 ц/га, Ставропольская – 3,2 ц/га, Область Войска Донского – 3,0 ц/га. (Подсчитано по данным работы Л.В. Милова (*Он же*. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 409–410), в которой данные по урожайности зерновых приводятся в «сам-столько» (показатели таблицы цитируются по работе: *Ковальченко И.Д.* Динамика уровня земледельческого производства в России в XIX в., в: *История СССР*. 1959. Т.1. С. 68–69). Коэффициент перевода «сам-столько» в «кг/га», осуществленный нами для различных губерний, см. в Приложении-2 настоящей работы.

¹⁹ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 122–123.

²⁰ *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. С. 98–99. (Автор ссылается на С.Г. Струмилину.)

²¹ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: «Наука», 1969. С. 44.

²² Понятие *выкуп* нуждается в расшифровке. Бывшие крепостные крестьяне по положению реформы 1861 г. должны были выплачивать *неразделенный выкуп* за земельный надел и оброчную (и/или барщинную) повинность помещику, причем реальная стоимость одной десятины земли (определенная на основании арендных цен) была в 2–10 раз (в зависимости от губернии) ниже величины неразделенного выкупа за аналогичный участок. Например, в 1863–1872 гг. в Ярославской губернии цена аренды одной десятины составляла 14,7 руб., а минимальный размер выкупа за нее определялся в 30,3 руб., максимальный – 47,9 руб.; в Новгородской – цена аренды земли равнялась 5,46 руб., а максимальный выкуп – 22,7 руб., в Оренбургской – 3,63 руб. и 33,3 руб. соответственно (данные из работы П.А. Зайончковского; см.: *Он же*. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 307). Государственные крестьяне также приобретали право собственности на земельный надел, но только после выкупа оброчной повинности путем ее капитализации. Причем для всех крестьян устанавливалась капитализация оброчных повинностей из расчета 6% годовых на 49 лет. (Подробнее см.: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. М.: «Наука», 1978. С. 20–23, 105–106.)

²³ *Тери Эдмон*. Экономическое преобразование России. М.: РОС-СПЭН, 2008. С. 20–21.

²⁴ Подсчитано по: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 233–234. См. также: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. С. 116–117, 176–178; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 82.

²⁵ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 187, а также Гл. 3, 4; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. Гл. 6.

²⁶ Цит. по: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 375.

²⁷ А.М. Анфимов отмечает, что выкупные суммы, полученные с крестьян после реформы 1861 г., которые могли бы пойти на техническое перевооружение производства, были истрачены помещиками России на «покрытие долгов и непроизводительные расходы»; см. там же. С. 364.

²⁸ Там же. С. 109, 189.

²⁹ Сопоставимые данные по 41 губернии Европейской России показывают, что в 1901–1905 г. по сравнению с концом XIX в. урожайность зерновых, как на крестьянских полях, так и на частновладельческих, не изменилась и составила 7,8 и 9,5 ц/га, а к 1911–1915 гг. она возросла до 8,6 и 10,5 ц/га соответственно, т.е. прирост урожайности за десятилетие в крестьянских хозяйствах равнялся 0,8 ц/га, а в частновладельческих – 1,0 ц/га; см. там же. С. 217.

³⁰ Подробнее см.: *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем. С. 275–

330. См. также: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 189–190.

³¹ Подробнее см.: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 291.

³² *Тери Эдмон*. Экономическое преобразование России. С. 26–31.

³³ См. там же. С. 30,31; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград, 1917. С. 60–61.

³⁴ Подробнее см.: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. С. 152–154.

³⁵ *Тери Эдмон*. Экономическое преобразование России. С. 90; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 374; *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем. С. 300–312.

³⁶ Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, табл. VI-4; *Новиков С.В.* История. Справочное пособие. М.: Слово, 1997. С. 612.

³⁷ *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. С. 226–229, 533, 572.

³⁸ Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, табл. СП-9; см. также С. 580 (прим. 3), С. 581 (прим. 12). В.С. Немчинов определяет внедеревенскую товарность сельского хозяйства СССР в 1926/27 году в 13,3% от величины валового сбора зерна (см.: *Немчинов В.С.* Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М.: «Сельхозгиз», 1945. С. 58,59).

³⁹ О проблеме «приписок» в «социалистической отчетности» см. Гл. I.

⁴⁰ Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Гл. II.

⁴¹ Трансакционные издержки – это «ресурсы, затрачиваемые на осуществление трансакций», т.е. на сохранение (поддержание) системы прав собственности при осуществлении экономической деятельности (цит. по: Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. Под ред. А.А. Аузана. М., 2006. С. 54,61). В социалистической экономике, где господствовала административно-командная система, трансакционные издержки определялись расходами на раздутый управленческий аппарат, поглощавшими свыше 10% общей суммы всех производственных затрат на сельскохозяйственное производство (см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. С. 113), против, например, всего лишь 0,54% (без учета арендной платы и других обязательных платежей — 0,79%) издержек производства в пшеницепроизводящем секторе сельского

хозяйства Японии (см.: *Farm Economic Survey. 1998*, in: *Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of MAFF. Japan. 1999*, в: www.maff.go.jp).

⁴² Попытка борьбы государства с нерентабельностью выразилась, в частности, в субсидиальной поддержке аграрного сектора, которая особенно усилилась во второй половине 80-х годов XX в.; подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. С. 358–372.*

⁴³ Подробнее см. там же. Гл. III, IV.

⁴⁴ Подробнее см. там же. С. 279–294.

⁴⁵ Подробнее см. там же. С. 320–326.

⁴⁶ Подробнее см. там же. С. 308–318.

⁴⁷ См.: *Agricultural Statistics at a Glance 2007. New Delhi*, in: <http://dacnet.nic.in>.

⁴⁸ Экстремумы циклов, поскольку они являются расчетной величиной, не обязательно совпадают с минимальными или максимальными действительными значениями урожайности зерновых.

⁴⁹ Тезисы доклада В.Г. Михайловского «Урожай в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ РСФСР. 1921, № 50. С. 2, 4.*

⁵⁰ *Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: «Наука», 1957. С. 335–353, 444–453.*

⁵¹ *Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Книга третья. Лекция 83. С. 387–388.*

⁵² В 1821–1830 гг., по данным И.И. Игнатович, происходило в среднем по 16 крестьянских волнений в год, а в 1826 г. зафиксировано 48 волнений в 19 губерниях (*Игнатович И.И. Крестьянские волнения*, в: *Великая реформа — 19 февраля 1861 г. Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1911. Т. 3. Цит. по: Хворостин С.К. Реакция крестьян на канкриновскую реформу казенной деревни*, в: *Исторические записки. М., 1957. Вып. 62. [Е.Ф. Канкрин — министр финансов Российской империи в 1823–1844 гг.]*).

⁵³ *Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Книга третья. Лекция 85. С. 444–447.*

⁵⁴ Подробнее см.: *Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. С. 168.*

⁵⁵ Подробнее см.: *Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. С. 118, 122, 124.*

⁵⁶ Подробнее см.: *Вайнштейн Альб. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем. С. 300–312.*

⁵⁷ Подсчитано по: *Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 97, 99, 326, 330, 334.*

⁵⁸ «Экономическая жизнь», орган Совета Труда и Оборона России, весьма информированный, свидетельствовала о масштабах «рукотворной» катастрофы: «В губерниях, пострадавших от неурожая, исчислялось ... в 1921 г. 43 млн. человек, или почти в три раза больше, чем в 1891 г., при этом число особенно пострадавшего населения, не оправдавшего и семян, определяется в 13 млн. человек, тогда как ранее это число никогда не превышало двух с половиной миллионов (1911 г.) /.../ В результате — прямая гибель населения от голода /.../ Скот должен был, конечно, безжалостно уничтожаться ... уже к 1921 году количество скота сократилось не меньше чем на 35%, к началу же 1922 г. мы должны ожидать в лучшем случае сохранения лишь половины сельскохозяйственного скота. Посевная площадь уменьшилась к 1921 г. на 35%, и к 1922 г. надо тоже ожидать сокращения по меньшей мере до половины» (*Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин: «Progress», 1922. С. 10,11*).

⁵⁹ Выдающийся российский статистик П.И. Попов, анализируя взаимоотношения сельского хозяйства и промышленности в 20-х годах, с горечью писал об автаркическом типе развития тогдашнего сельского хозяйства России, о «независимости» последнего от «города» и «городской» (цензовой) промышленности. С началом же экономической реформы 90-х годов XX века, когда стремительно разваливались хозяйственные связи, сложившиеся в большой стране, нараставшие нарушения механизма и установившихся пропорций обмена глубоко интегрированного в макроэкономическую систему сельского хозяйства стали мощнейшим тормозом для всего процесса экономического роста в агросфере, этом традиционно «слабейшем» звене народного хозяйства России.

⁶⁰ *Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX в. С. 381.*

⁶¹ Подробнее см. там же. С. 370–371.

⁶² Подробнее см. там же. С. 368, 381.

⁶³ Подробнее см. там же. С. 541–545.

⁶⁴ См., например: *Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС. 2003.*

⁶⁵ Там же. С. 24, 30.

⁶⁶ Там же. С. 49.

Глава IV

¹ См.: *Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001. С. 644.*

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1953. С. 598, 603.

³ Там же. С. 596.

⁴ Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг. М.: «Советское законодательство», 1934. С. 105.

⁵ Понятие «кратократия» (от древнегреческого «kratos» — «власть», «могущество»), то есть «власть власти», было разработано для научного объяснения природы того общественного строя, который утвердился в ряде стран мира под маской «социализма» (в странах «социалистического лагеря»); описывает, помимо прочего, детерминантный при «социалистических» общественных порядках тип производственных отношений, а также — что особенно важно в контексте темы настоящей работы — системообразующий фактор экономической динамики при «социализме». Наиболее подробно содержание этого понятия изложено в работе: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: «Восточная литература» РАН. 1995. Гл. I (А.И. Фурсов). Интерпретирующие возможности данного понятия, думается, на нынешнем этапе развития общественных наук наиболее полно отвечают задачам научного поиска в области изучения проблем заявленной темы. Необходимые пояснения, относящиеся к смысловой нагрузке этого понятия, будут даны по ходу анализа приведенного в главе материала. Весьма близкой к концепции «кратократии» А.И. Фурсова является концепция «номенклатуры», разработанная М. Восленским, при которой основным объектом исследования выступает класс — сообщество лиц, находящихся у власти (см.: *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь» «Советская Россия», 1991.)

⁶ Колхозно-кооперативное законодательство. Сборник директивных, законодательных и ведомственных постановлений. М.: «Советское законодательство», 1931. С. 83, 156.

⁷ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М.: «Сельхозгиз», 1948. С. 560; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С. 202; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С. 341.

⁸ Цит. по: Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 114, 106.

⁹ Там же. С. 105, 106, 114; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 591.

¹⁰ Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, [Документ № 6]. С. 58, 59.

¹¹ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 76.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ См., например: Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 106, 111, 114, 115, 120; ВКП(б) в резолюциях и

решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1925–1935. Ч. II. М., 1936. С. 611, 634, 666; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 591, 602, 615 и др.

¹⁵ Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 30]. С. 159.

¹⁶ XVI Конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1929. С. 140.

¹⁷ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 89, 91.

¹⁸ Подсчитано по: Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 73.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Там же.

²¹ Подробнее см.: Постановление Пленума ЦК ВКП (б) от февраля 1947 г., в: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 86, 87, 114.

²² Колхозно-кооперативное законодательство. С. 91, 157.

²³ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 557.

²⁴ Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 6]. С. 66–67.

²⁵ Там же, [Документ № 30]. С. 159, 160.

²⁶ Там же. С. 160.

²⁷ Подробнее см.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 588, 594, 595, 603, 605, 606 и др.

²⁸ Подсчитано по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 32; данные ЦСУ СССР]. С. 167–169; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 15; Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 27.

²⁹ О пропорциях массы зерна, отчуждавшейся государством из урожаев зерновых в рамках политики заготовок, см. выше; см. также: *Растяжников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999. С. 111, 114, 213, 214, 271–273.

³⁰ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 272–273.

³¹ Цит. по: *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства. М.: «Московский рабочий». 1923. С. 19.

³² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций. 1936. Ч. II. С. 613.

- ³³ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 466.
- ³⁴ См.: Народное хозяйство СССР в 1961 году. С. 443,456; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 279,291.
- ³⁵ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 482,477.
- ³⁶ Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 85.
- ³⁷ О динамике рентабельности производства молока в 90-х годах см.: Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998. С. 109; Сельское хозяйство в России 2002. С. 110.
- ³⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М., 1974. С. 451; Сельское хозяйство в России 2002. С. 355.
- ³⁹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 127,558.
- ⁴⁰ Там же. С. 559,587,588.
- ⁴¹ Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления, в: *Вопросы экономики*. 1988, № 9. С. 111.
- ⁴² Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 127.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций. 1936. Ч. II. С. 665 (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г.).
- ⁴⁵ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 626–627.
- ⁴⁶ Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период. [Всемирный банк.] Вашингтон, 1993. С. 71.
- ⁴⁷ Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939. С. 113.
- ⁴⁸ Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 95–96. См. также: Колхозно-кооперативное законодательство. С. 184.
- ⁴⁹ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 129.
- ⁵⁰ Там же. С. 117.
- ⁵¹ Там же. С. 135.

- ⁵² Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 98.
- ⁵³ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 84.
- ⁵⁴ Там же. С. 132.
- ⁵⁵ История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988. С. 326 [Гл. IX, §1, И.М. Волков, В.О. Морозов].
- ⁵⁶ Народное хозяйство СССР. 1956. С. 128, прим. Этот же факт был подтвержден и в более позднем издании сборника ЦСУ СССР (см.: СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958. С. 200, прим.).
- ⁵⁷ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 167–180.
- ⁵⁸ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 93.
- ⁵⁹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 113, 173, 178.
- ⁶⁰ Цит. по: История советского крестьянства. Т.3, 1987. С. 106. 107 [Гл. III, М.А. Вылцан].
- ⁶¹ Цит. по: Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 99.
- ⁶² См. там же. С. 103 (из Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г.).
- ⁶³ См., например: Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990. С. 714; Народное хозяйство СССР в 1973 г. С. 835; и другие выпуски ежегодника
- ⁶⁴ Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ №55]. С. 253.
- ⁶⁵ История советского крестьянства. Т.3. С. 108 [Гл. III, М.А. Вылцан].
- ⁶⁶ Цит. по: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 33]. С. 171.
- ⁶⁷ Там же, [Документ № 22]. С. 140–141.
- ⁶⁸ Там же. С. 141.
- ⁶⁹ Там же. С. 142.
- ⁷⁰ Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М.: «Наука», 1969. С. 155.
- ⁷¹ Крылов В.В. Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. С. 51.

⁷² Советская экономика в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. [Институт экономики АН СССР]. М.: «Наука», 1970. Главы пятая, шестая.

⁷³ Цит. по: там же. С. 271.

⁷⁴ Цит. по: там же. С. 243.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 270.

⁷⁷ Там же. С. 274.

⁷⁸ Там же. С. 279.

⁷⁹ Там же. С. 278.

⁸⁰ Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 83.

⁸¹ Там же. С. 84.

⁸² Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 320.

⁸³ Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 1]. С. 35.

⁸⁴ Там же. С. 35,36.

⁸⁵ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 320.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Колхозно-кооперативное законодательство. С. 192.

⁸⁸ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 321.

⁸⁹ Там же. С. 318.

⁹⁰ Там же. С. 322.

⁹¹ *Шмелев Г.И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: «Наука», 2000. С. 211.

⁹² См.: Сельское хозяйство [в СССР]. Статистический сборник. М., 1991. С. 80.

⁹³ Цит. по: КНР на путях реформ (Теория и практика экономической реформы). М.: «Наука», 1989. С. 51.

⁹⁴ Цит. по: Развитие сельского хозяйства КНР. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР. 1982 г. С. 89,90 (приводится в изложении В.С. Милонова). Именно такую систему властного беспредела сменила в начале 80-х годов XX века система «семейного подряда», позволившая столь масштабно реорганизовать аграрную экономику Китая и дать значительный толчок экономическому росту в сельском хозяйстве страны в 80–90-х годах (См., например,

фундаментальный труд: *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. М.: Институт Дальнего Востока. 2005.).

⁹⁵ См.: *Маркс К.* Капитал. Т.3. Ч.1, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т.25. Ч.1. С. 422 (в дальнейшем указываются лишь №№ тома и части тома Сочинений).

⁹⁶ Цит. по: Капитализм на Востоке. С. 119,120 [Гл. I, *А.И. Фурсов*].

⁹⁷ Подробнее см.: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. Гл. II, §2.

⁹⁸ Подробнее см.: Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 41.

⁹⁹ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: «Наука», 1991. С. 171.

¹⁰⁰ Цит. по: *Абрамов Ф.* В защиту критики (Речь на партийной конференции ЛГУ 25–26 октября 1955 года), в: *Знамя*. 1990, № 2. С. 216.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории, 1996.

¹⁰² Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 50]. С. 220–221.

¹⁰³ *Medvedev, Zh.* Soviet Agriculture. N.Y.– L.: «Norton & Co», 1987. С. 344,345.

¹⁰⁴ Основные директивы партии и правительства. 1934. С. 123; Земельная реформа в России (Сборник законов, постановлений Съезда народных депутатов, Верховного Совета и Правительства РСФСР). М.: «Юнтус», 1991. С. 6. См. также: *Белихин В.Г.* Реформирование земельных отношений в России в XIX–XX вв. М., 2000. С. 227.

¹⁰⁵ Сельское хозяйство в России 1998. С. 17.

¹⁰⁶ *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов, в: Т.48. С. 30.

¹⁰⁷ *Маркс К.* Экономическая рукопись 1857–1859 годов. Ч.1, в: Т.46. Ч.1. С. 502.

¹⁰⁸ Одна из лучших теоретических разработок, трактующая вопросы о собственности в двух ее проявлениях, принадлежит В.П. Илюшечкину (см.: *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: «Наука», 1990. Гл. I, IX, X).

¹⁰⁹ Подробнее о двух «ликах» колхозной собственности см.: [*Растяников В.Г.* Тезисы сообщения в:] «Об особенностях социально-классовой структуры стран Востока», в: *Народы Азии и Африки*. 1989, №6. С. 153–155.

Научное издание

**Растянинков Виктор Георгиевич
Дерюгина Ирина Владимировна**

**УРОЖАЙНОСТЬ ХЛЕБОВ
В РОССИИ.
1795–2007**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Публикуется
в авторской редакции
*Компьютерная верстка И.В. Дерюгина
Оформление Е.В. Растяникова*

Сдано в набор 01.12.08. Подписано к печати 25.12.2008.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 600 экз. Заказ № 2329

Издательская лицензия ИД № 04697
от 28 апреля 2001г.

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ул. Рождественка, 12.
Научно-издательский отдел
Заведующий отделом И.В.Зайцев

Отпечатано в Типографии «Наука»
121099, г.Москва, Шубинский пер., д.6.

ISBN 978-589282360-9

9 785892 823609